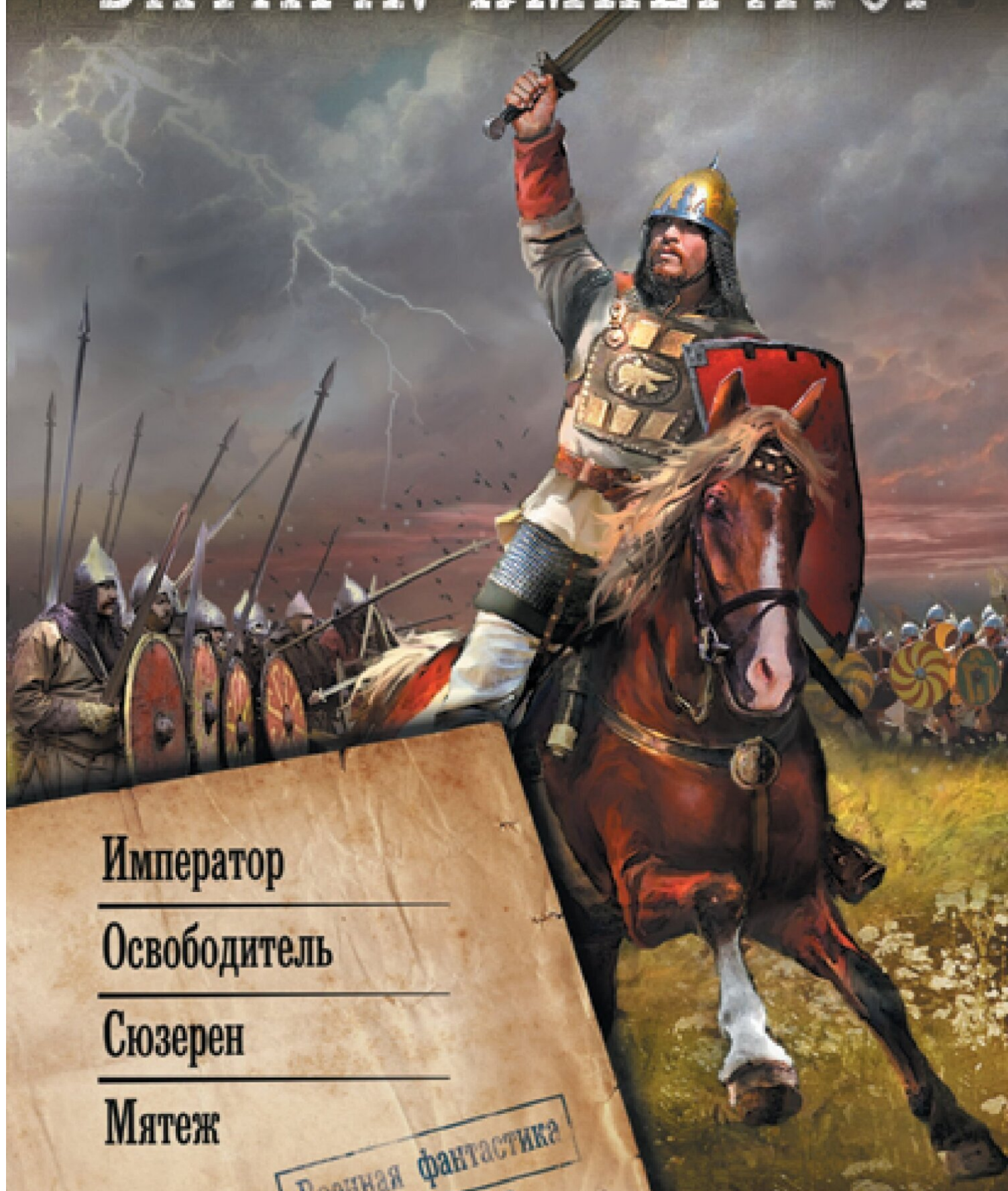

Александр Прозоров Андрей Посняков

ВАТАГА. ИМПЕРАТОР

Император

Освободитель

Сюзерен

Мятеж

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Александр Прозоров

**Ватага. Император: Император.
Освободитель. Сюзерен. Мятеж**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Прозоров А. Д.

Ватага. Император: Император. Освободитель. Сюзерен. Мятеж /
А. Д. Прозоров — «Издательство АСТ», 2023 — (Коллекция.
Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-154814-8

1418 год. Егор Вожников, бывший российский бизнесмен, ради обретения необычных способностей почти случайно оказавшийся в далеком прошлом, а ныне – великий князь Руси Георгий, ливонский курфюрст и избранный император Священной Римской империи. После долгих европейских походов Егору-Георгию удалось взять власть и построить великую державу, которую теперь нужно было защищать: военной силой, дипломатией, хитростью... Чуть было не обрушились в войну Англия и Франция; на Пиренеях Кастилия с Леоном и Арагон неожиданно выступили против дружественных Португалии и Наварры. А в южных уделах внезапно распространяется чума... Тем временем в Новгороде, признанной столице новой Руси, начинается мятеж – «худшие» люди восстали против «сильных». Начинаются усобицы и по другим княжествам, а верного вассала Егора – ханшу Золотой Орды Айгиль пытаются сбросить с престола могущественные враги – сыновья покойного Тохтамыша. Страсти накаляются, и даже над жизнью княжеской семьи нависла прямая угроза.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-154814-8

© Прозоров А. Д., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Император	7
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	65
Глава 6	79
Глава 7	95
Глава 8	116
Глава 9	129
Глава 10	144
Глава 11	156
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Александр Прозоров, Андрей Посняков
Ватага. Император: Император.
Освободитель. Сюзерен. Мятеж

© Александр Прозоров, 2023

© Андрей Посняков, 2023

©ООО «Издательство АСТ», 2023

Император

Глава 1

У каждого мгновенья свой резон...

Чу! Росшие у болотины заросли бредины шевельнулись, словно бы там крался кто-то... Человек или зверь?

Высокий, едущий впереди небольшого обоза мужчина, придержав коня, пристально всмотрелся в кусты, поправляя висевшую на боку саблю в потертых, выдавших виды ножнах. Широкое, в общем-то, добродушное, лицо всадника, обрамленное густой черною бородой с серебрившейся сединою, ныне искажало предчувствие какой-то опасности, еще неведомой и, быть может, существовавшей пока лишь в мыслях.

– Соболь! – не выдержав, выкрикнул сидевший на первом возу парень в нахлобученной по самые брови шапки, отороченной беличьим мехом. – Семен Игнатьич! Глянь-ко! И впрямь – соболек! Может, стрелой его достанем?

Он выхватил уже лежавший рядом, на возу, лук, да чернобородый Семен Игнатьевич, поправив синий, доброго фряжского сукна кафтан, под которым угадывалась кольчуга, обернулся с усмешкою:

– Ну, чё выдумал, Афанасий! Откель здесь, под Юрьевом, соболю-то? Поди, чюдь местная да орденские немцы давно всех соболей повыбили. Куница то, не соболю!

– Да как же куница, Семен Игнатьич! – упрямо набычился Афанасий. – Что я, соболя от куницы не отличу?

Сказав так, парень, пряча обиду, отвернулся, посмотрел на прочих обозников – все мужиков опытных, справных... впрочем, были и молодые ребята, человек пять.

– Эй, вы-то что скажете, отроцы? Соболю?

– Да и не приметили как-то, – подъехав, ухмыльнулся в седле юноша в коротком татарском яземе до колен. – Но соболю тут давненько не водится – Семен Игнатьевич прав. Иначе что бы мы немчуре продавали? Смекай, Афанасий!

Молодой человек постучал себя пальцем по виску и засмеялся. Смех его поддержали в обозе все, даже те, что у самых дальних телег ошивались – эти-то, спрашивается, что и видели?

– Вот ржут, лошади! – обиженно сплюнув, Афанасий нахохлился, словно воробей у весенней лужи.

И в самом деле, сей обидчивый молодой человек сильно походил на воробышка – худой, сутулый, с вечно растрепанной копною густо-соломенных волос и порывистыми движениями подростка, Афанасий был нынче в обозе самым юным – парню не исполнилось еще и семнадцати.

А уже не кто-нибудь – а младший приказчик! Ну, то, конечно, дядюшки двоюродного заслуга – славного новгородского купца, «заморского гостя» Семена Игнатьевича Игнатова: пригрел сироту, не обидел – все же родная кровинушка.

– Ладно, ладно, – посмеялся в усы купец. – Едем. Инда некоторым тут все еще соболя чудятся. Эй, Кольша, – чего застыл?

Кольша – тот самый насмешливый парень в яземе – дернул поводья коня, догнал переднюю телегу:

– Ай, Афанасий, и где же тут твой соболю?

– Да там он, там – вона, в кусточках таится, ждет, когда проедем... видать, нора у него там где-то поблизости.

– Нора, – презрительно скривился Кольша. – Вечно тебе, паря, все чудится – то соболь, то людишки лихие.

– Да не чудится! – взорвавшись, Афанасий соскочил с телеги и, догнав купца, швырнул шапку оземь. – Семен Игнатьич! Дозволь быстренько глянуть! Ну, соболь то был... И вчера кто-то за нами шел, таился – я же чувствую, я же охотник. Да у нас, в Обонежье...

– У них в Обонежье и соболей-то никто не видал, охотнички те еще! И-и-и, Афоня!

Позади снова грянул хохот – понятно, поддерживали все насмешника Кольшу, а тот и рад – сам-то коренной, новгородский, семейка его всю жизнь на Плотницком конце проживала, и все остальные обозники: кто с Плотницкого, а кто со Славны – Торговая сторона, друга за дружку горой, вечно с софийскими робятами по праздникам на мостах дрались. А Афанасий им кто? Да никто. И что с того, что Семену Игнатьевичу двоюродный племян? С Обонежья Нагорного до Новгорода-то – у-у-у... Недельку на лодке плыть, да на коне скакать... инда еще и не во всякую пору проедешь с погоста-то Пашозерского. Чужак, чужак Афанасий – деревенщина, что с таким и говорить-то? Одеться как следует и то не умеет, все в онучах ходил, в лапотках да в кожаных плетеных поршнях, это сейчас малость пообтесался, сапоги себе справил, да в Юрьеве-Дерпте сторговал за полста кельнских грошей кафтан. С чужого плеча – сразу видно, что и говорить – деревня! Привык там у себя, в Обонежье, с весьянами якшаться, а весяне те, многие говорят – язычники!

– У них там, в лесах, пнищам трухлявым молятся, да знать ничего не знают. Какой там соболь? Белка – и та за счастье! Ох-охотник, ха!

– Дядюшка, Семен Игнатьевич! – от обиды Афоня чуть на колени не пал – хотел ведь, да постеснялся: засмеют, скажут опять – деревенщина неотесанная!

А он, Афоня-то, между прочим, и немецкий уже почти выучил, и латынь немного, и даже свейский... так, чуть-чуть, так ведь тот же Кольша и немецкую-то речь – через пень-колоду, а уж о свейской – и знать не знал. А туда же – насмехается!

– Дозволь, дядюшка, соболя поискать, запромыслить, все равно же – сам сказал – сейчас на привал.

И столько мольбы было в светлых глазах нескладного и угловатого паренька, столько незаслуженной обиды, что...

А позади-то – снова хохот:

– Афонька-то там посеичас расплатится, ровно дите малое. А говорит – шестнадцать уже!

– Да врет он все! Кольша, слышь, у них, в Обонежье, и годов-то считать не умеют... а токмо соболей!

– В Обонежье-то – и крашенная собака – соболь!

– А рукавицы они, знаете как, называют? Дянки!

– А когда хорошо, говорят – дивья!

– От деревенщины лыковые!

Тут и гость торговый не выдержал, обернулся, брови сурово сдвинув, погрозил кулаком:

– А ну, цыть! Ишь, рассупонились. Место лучше для дневки приглядывайте.

Оно, конечно, неплохо, когда есть в обозе такой человек, как Афоня, парень незлобивый, скромный, над которым и посмеяться можно без всяких обид, пошутить шуточкой... как вон вчера, привязали сонного за ногу к старому пню. Забавно вышло. Оно, когда с шуткой все – и славно. И путь быстрее проходит, и об опасностях народ меньше думает, и по дому меньше скучает. Главное только, следить, чтоб до слез не доводили парня.

– Ужо, сходи, Афанасий, сбегай – может, и впрямь соболь? А не соболь, так какую иную дичь добудь – как раз нам на обед.

– Ой, благодарствую, дядюшка! Век за тя буду...

– Да беги уже! А вы что выпялились? А ну-тко – живо у меня по дрова! Во-он на этой полянке и встанем.

Схватив саадак с луком и стрелами, Афанасий бросился с дороги в лес – в густые заросли орешника, рябины и липы. Уж если куда соболь и побежал – так только туда, уж не в болото же – а тут, почитай, по обеим сторонам дороги – трясина да топи. Самому бы не пропасть – да уж Афоня человек опытный. Охотник, зря те смеются... лошади. Бывало, с батюшкой-то покойным и на медведя хаживали – сам-два – и на волка, на рысь... Ну, рысь Афанасий и сам бить наловчился. Как белку – в глаз.

Быстро прошерстив весь орешник, юноша поглядел под липами и – обнаружив лишь отпечатки оленьих копыт – остановившись, перевел взгляд на темнеющий невдалеке ельник. А не туда ль соболек и подался? Конечно туда.

Обнаружив рядом с ельником ручеек, Афоня никуда дальше и не пошел, схоронился в кустах можжевельника, держа лук со стрелой под рукою. Солнышко-то нынче разжарило – хоть и начало мая, а здесь, в ливонских землях, тепло, жарковато даже. Вот и зверь – рано или поздно, а к водопою придет, терпение только нужно. И – не спугнуть бы, не спугнуть.

Отрок улыбнулся и чуть прищурил глаза от яркого солнца. Уж тут-то он не прогадает – умеет и ждать, и таиться – охотник, что бы там ни говорил этот краснощекий черт Кольша! Ишь, смеются... поглядим еще, поглядим!

Соболь это был, соболь – что ж, Афоня не отличил бы его от лисы иль куницы?

Что-то промелькнуло совсем рядом – чья-то стремительная серая тень! Юноша вскинул лук и, углядев за кустом зайца, разочарованно свистнул – а ну-ка, беги отсюда, серый. Заяц в эту пору – никакая не дичь. Его по зиме хорошо кушать, нынче же зайца клещ сосет, болезни разные через слюну свою поганую напускает. Болезни те к косому не пристают, а вот человек от них и помереть может. Так что, скачи себе, зайчик, дальше – липу, вон, погрызи.

И вновь принялся ждать Афанасий, забыл уже и про обоз, и про то, что дневка – не вечная. Совсем забыл – охотничий азарт ухватил парня со всей своей властной силою, так, что и не упомнишь ничего, кроме охоты, и не уйдешь. Ох, напрасно отпустил парня дядюшка Семен Игнатьевич!

Таился Афоня в можжевельнике, соболя с терпеливостью поджидал, да о своем думал. О том, что вчерась шли за обозом какие-то люди – то и доложено было дядюшке, да тот лишь махнул рукой – мало ли кто нынче по дорогам ездит да ходит? Ливонские земли, это тебе не Пашозерский погост – народу-то куда как побольше. Вот и ездят. Кто в Дерпт-Юрьев на ярмарку, кто обратно, кто на поля – сев! – а кто и к озеру Чудскому, за сладкой рыбкою. Отрок и спорить не стал – гостю заморскому лучше знать. Однако для себя все запомнил – и сегодня, к ночи ближе, ладил посмотреть: кто же там все-таки бродит? Все же казалось парню – вроде как таясь шли. Не нагоняли, но близехонько – то всегда по птицам орущим видно. Они – птицы-то – и сейчас орут, кружат. Но то ясно, почему – обозники на привал становятся, дровишки для костра рубят. Вот что-то звякнуло, а вот заржала лошадь – нехорошо так, тревожно, видать, увидала змею или почуяла волка.

Оп! Налетевший вдруг ветерок, легкий и по-весеннему теплый, принес явственный запах зверя – еле различимый, но Афанасий сразу почуял, вскинул лук, затаил дыхание...

Ну, вот он – соболь! Небольшой такой зверек, мохнатый, с круглой головой и чуть вытянутой мордочкой. А мех... Пей, пей, соболек! Теперь уж ужю... А меха-то и нет! Плохой мех-то – весна. Прежний-то мех, пушистый, зимний – когда соболя только и бить! – сошел, а новый, летний... не мех, а смех!

И чего ради приложить стрелой зверя? Гордость свою потешить, чтобы знали все, кто такой Афанасий, сын Трегуба Иванкова? Не-ет, настоящие охотники так никогда не поступают – не дело то! Зверя, если не нужен, не стоит бить... Смеяться, правда, будут... Да пусть себе смеются-то! Брань – и та на воротах не виснет, а уж смех – и подавно.

Усмехнувшись, отрок поднялся на ноги и вышел из-за кустов – только соболя и видали! Ускользнул в ельник вмиг, лишь хостом махнул напоследок. Да и ладно! Куда лучше сейчас

какую-нибудь дичь запромыслить – перепелку, тетерку, рябчика. Чуть подальше – во-он там, в борке наверняка есть кто-то. Наверняка! Правда – крюк, ну да ладно – ноги крепкие.

Опытный, несмотря на юность, охотник Афоня подстрелил двух тетерок довольно быстро – можно сказать, дичь сама в руки далась – и, кинув птиц в котомку, быстро зашагал к дороге.

Места кругом тянулись незнакомые, и юноша, в поисках соболя и дичи, зашел довольно-таки далеко – и теперь нужно было как можно скорей возвращаться или уж в крайнем случае перехватить обоз по дороге, стерпев все последующие насмешки. А дичь – она и на ужин сгодится, хоть в лесу ночевать, хоть на постоялом дворе – тогда уж там хозяйка пусть тетерок запечет или сварит.

Углядев за черноталом дорогу, отрок прибавил шагу и уже почти бежал, перепрыгивая с кочки на кочку, когда вдруг услышал впереди лошадиное ржание. Обоз!

Афоня хотел уж было покричать, помахать своим – те вот-вот должны были показаться из ельника... и показались...

Какие-то мрачного вида люди, всадники в темных плащах, судя по одежде – немцы! Живо схоронившись за куст – а пушай, от греха, проедут, – юноша всмотрелся внимательно, заметив, что никакие это не торговцы, а люди воинские, может быть даже – рыцари или сержанты, кнехты. На ком-то поблескивали кольчуги, на ком-то – кирасы латные, а у кого-то смешно топорщились бархатные, с гвоздочками, курточки – то не курточка, а боевой доспех из обшитых тканью пластин, называется – бригантина, и стоит – Афанасий сам видал в Дерпте на рынке – двадцать пять золотых монет – гюльденов или флоринов или венецианских дукатов! А двадцать пять флоринов – это... это... это... ммм... это почти две тысячи серебряных грошей – жалованье младшего приказчика за целый год беспорочной службы! Даже на один грош и то много чего купить можно – скажем, кельнский фунт мяса, или дюжину яиц, или пирогов, или... да на целый день хватит, а ежели скромненько – так и на два!

– Раз, два, три... – на всякий случай отрок шепотом считал немцев, знал – купец о них обязательно спросит, а сведения должны быть точными. – Дюжина и два... дюжина и три...

У всех всадников покачивались подвешенные к седлам шлемы – обычные, без всяких выкрутасов, каски, которые с удовольствием надевали в битву и рыцари – меч с таких касок соскальзывал. Кроме касок с латами, имелись, конечно же, и длинные рыцарские мечи, и палаши, и боевые топоры – алебарды, а также еще кистени, шестоперы, палицы... ого! Еще и арбалеты – не со стремяем и рычагом «козья нога», а с зубчиками – кремальерой, – удобней в лесу для зарядки, можно с лошади не слезать. Однако куда же они такие оружные направились-то? К Чудскому озеру, в псковские земли, кои ныне Господину Великому Новгороду подчиняются, или Новой Руси, как еще прозывали. Так вроде Новгород с орденскими немцами не воюет. Ни с недавно разгромленными тевтонцами, ни с ливонцами... Зачем тогда столько оружия с собою возить? Больших разбойничьих ватаг – про то дядюшка Семен Игнатъич говаривал – в здешних лесах нет, а малые...

– ...три дюжины и один, три дюжины и три... сорок!

...а малые на сорок человек не сунутся! Тем более те без товаров едут, без телег... А! Вот и гербы!

Афоня наконец-то разглядел на плащах всадников золотые с черным кресты да черного же одноглавого орла на золотом поле. Теперь все ясно – тевтонцы. Новгороду – Новой Руси – они теперь не враги, мира, торговлишки выгодной ищут. У тевтонских немцев, дядюшка рассказывал, самые лучшие корабли – не у всякого ганзейского города таковые сыщутся. С такими-то кораблями – чего бы не торговать-то? Вот и посуху, бывает, торгуют... хотя эти-то вовсе на купцов не похожи... Ха! Ну, конечно ж! Ясно, куда эти тевтонцы едут, тут и думать нечего – в Псков, на службу воинскую наниматься, рубежи литовские охранять... бывшие литовские, а ныне – Новой Руси! Витовта с Ягайлой нет ныне – убиты иль бегают где – бог весть! Великий князь Егор-Георгий Заозерский всех прогнал, а еще ранее – с Ордой зами-

рился, царицу на престол посадив. Теперь та царица князю Егору обязана, вот и мир – никто с набегами на землю русскую не приходит. Правда, у самих замятни хватает – то там, то сям мятеж – все обиженные правды ищут: то бывший московский властелин Василий, то тот же Витовт, а то и кто из татарских царевичей, бабу на ордынском троне терпеть не желающих.

Да! Эти – на службу едут, денегат подзаработать – дело верное, платят русичи нынче щедро! А говорят промеж собою чудно. Афоня прислушался, приложил руку к уху: вроде и немецкая речь... но не такая, как у орденских или, к примеру, ревельских да дерптских немцев – другая совсем, мало что и понятно.

Да и черт с ними со всеми – пусть себе едут. А показывать себя нечего – вдруг что задумают? Одинокого-то путника пограбить – милое дело, пускай и нечего, честно сказать, с Афанасия взять. Хотя... как же нечего-то? А тетерки?

Пропустив непонятных немцев, подросток еще некоторое время выждал – вдруг да вернуться за чем-нибудь? – и, выбравшись на дорогу, побежал к обозу.

Между прочим, далеконок пришлось бежать-то! Взобрался на небольшую горушку, с нее – вниз, да вброд через неширокий ручей, потом опять на пригорок, и снова – вброд, потом – ольшаником, ельником – а уж опосля... опосля и полянка знакомая показалась.

Никуда еще не делись обозные, даже волов да лошадок, пастись пущенных, в возы не впрягли. Посреди полянки догорал костер, а вокруг... Выбежав из-за елочной молодежи, отрок так и застыл в изумлении, отчаянии и горе!

Все обозные – все, кого он знал, включая самого купца, Семена Игнатьевича – валялись на свежей травке в самых различных позах. Мертвые! Точнее сказать – убитые. Кто с проломленной головой, кто с разрубленной шеей, а кто и со стрелой в сердце... И все – добыты, ни одного раненого...

– Господи-и-и-и!

Оббежав всех и не отыскав ни одного живого, Афанасий грохнулся на колени в траву и принялся истово и громко молиться:

– Господи... да что же это такое? Да за что, Господи?

– Умм! – кто-то вдруг застонал, совсем рядом.

Афоня резко вскочил с колен, бросился к ракитнику – оттуда и слышался стон.

– Господи... Кольша! Живой!

– Живой, – красивое лицо юноши скривилось. – Только ранен малость – вон, в руку.

Вовремя ты явился, Афонька... А ну-тко... помоги-ко...

Пошатываясь, раненый поднялся на ноги и, оглядев усыпанную мертвыми телами поляну, застонал:

– О, Святая София! Проклятые тевтонцы!

– Тевтонцы? – переспросил отрок. – А я же их видел – едва разминулся. Человек сорок отряд, и ехали вроде как в сторону Пскова.

– Не, не в Псков – просто к озеру, а там до Дерпта – на лодье.

– Я вначале думал – они это на службу...

– На службу? – Кольша неожиданно расхохотался, скорбно покачав головой. – Не-ет, сволочам этим денег не надобно – вон, и возы наши не тронули. Не за добром явился – за поражение свое мстят!

– Ты думаешь?

– Уверен... Сам посмотри.

Афоня оглянулся и вдруг увидел бегущую на поляну фигуру, в которой узнал тихого и невзрачного обозного паренька из простых – то ли возчика, то шорника, то ли просто слугу «на подхвате».

– Ого! – проследив за его взглядом, удивился и Кольша. – Это же Микита, челядин наш, раб! Э-эй, Микитка-а-а! Давай сюда-а-а-а!

Как и следовало ожидать, Микитка оказался испуган до дрожи и заикания:

– А я это... за водой, да-а... А они... Я смотрю – тут... Бух, бух... мечами, стрелами... Эвон, из ольшаника налетели... Язм в папоротниках схоронился, ага... Господи-и-и-и... что же нам теперь делать-то?

– Не знаю!!! Не знаю, не знаю, не знаю!

Кольша, несмотря на весь свой гонор, тоже недалеко ушел от раба, разве что говорил более-менее связно, да вот только предложить ничего не смог, и, видя такое дело, Афоня взял ситуацию в свои руки – а что еще оставалось-то? Хоть кому-то – да надо. Почему же не ему?

– Сперва похороним всех, – подумав, быстро распорядился отрок. – Лопаты в телегах есть, давайте могилы копать. Потом крестики сладим, помолимся... А уж потом – поедем домой. Обоз-то цел!

– С ума сошел! – отмахнулся Кольша. – Вот так вот и поедем? Втроем?

– До озера доберемся, а там людишек найдем, – Афоня даже как-то сразу повзрослел, чувствуя нежданно-негаданно свалившуюся ему на голову ответственность, которую – отрок это хорошо видел – больше не был готов разделить никто: ни новгородский приказчик Кольша, ни – уж тем более – Микитка-раб.

О челядине тоже, кстати, следовало подумать.

– Ты чей раб, Микита? Дядюшкин?

– Его...

– Дядюшка Семен Игнатъич, упокой его господи, вдовец... думаю, ты и не раб более!

– Как это не раб? – вскинулся было Кольша, но тут же осел под тяжелыми взглядами двух пар глаз: светло-голубых – Афанасия, и карих – Микиты.

– Не раб! – твердо повторил отрок. – Дядюшка – вдовец, и ныне хозяина тебе, Микита, нету.

– Что же мне – в изгой, что ль? – челядин в ужасе округлил глаза. – Скитаться? Совсем пропасть?

– Почему в изгой? – рассудительно промолвил Афоня. – Я так думаю, в рядовичи мы тебя в Новгороде поверстаем...

– В рядовичи?! – В карих глазах раба вспыхнула радость.

– Да, в рядовичи! Так, как служил – и будешь дальше служить, токмо уж по ряду. Да не бойся, не бросим, тем более – после такого вот... Нам бы обоз довести, тут ведь и соль, и крицы медные – многие кузнецы в Новгороде его ждут не дождутся. Раз уж мы живы – доведем, найдем возчиков – серебро у дядюшки было – искать надо. Ну, что смотрите? Общем всех да – за лопаты. Нам еще до озера добираться.

С трудом, с передышками, но вырыли-таки могилы, погребли всех, срубили-поставили кресты. Потом по очереди стали читать молитвы, уж как умели, что знали...

Кольшу пару раз вырвало, и он ушел к ручью – вымыться... А серебришко, кстати – нашли! Правда, не так уж и много.

– Одному хватит, – оглядываясь на ушедшего Кольшу, тихо промолвил раб. – Видал, Афоня, как он на серебро зыркал? Собла-а-азн!

– Да какой соблазн? – усмехнулся отрок. – У Кольши в Новгороде и дом, и семейство – куда он денется-то?

– Как бы он нас не...

– Да что ты такое говоришь-то!

– Говорю же – соблазн! – тряхнув темными кудрями, упрямо повторил Микита. – А Кольша – не святой Павел. Ничо, Афанасий, – спокоен будь, я уж за ним прослежу.

– Однако, – Афоня зябко повел плечом, хотя сейчас было довольно жарко. – Смотрю, не шибко-то ты приказчика нашего жалуешь...

– Видал кое-что, – снова оглянувшись, челядин понизил голос до шепота. – Его рыцарь один едва ль было не пришиб... да Кольша заскулил – тот его в живых и оставил... похоже, что одного – он, приказчик-то, последний и оставался – в ракитнике.

– Не убил, говоришь? – юный охотник в недоверчивом удивлении вскинул левую бровь. – Так что же – сжалился?

– Кто его знает? Может, и так.

– А зачем свидетеля в живых оставлять? Не знаешь? – глянув на собеседника, Афоня махнул рукой. – Вот и я не знаю. А что за рыцарь-то?

– Такой, лет, может, тридцать или поболее. Лицом худ, бородка рыжеватая, острая... да, в левом ухе – серьга золотая!

– Золотая?

– Неужто рыцарь будет медяшку носить?

– Знаешь, Микита, тевтонские немцы не просто рыцари, но еще и монахи. По уставу орденскому у них вообще никаких серег быть не должно!

Тут вернулся и Кольша, разговор на том и закончился – парни запрягли лошадей и, связав возы цугом, неспешно подались по лесной дороге к Чудскому озеру, оставив за собой полянку, полную свежих могильных крестов. В ольшанике радостно щебетали птицы, над желтыми одуванчиками на показавшемся впереди лугу порхали разноцветные бабочки, а в синем высоком небе ярко сверкало солнце.

Трехмачтовая палубная ладья «Святитель Петр» под синим с серебряными медведями новгородским флагом вышла из ревельской гавани почти ровно в полдень и, повернув на восток, взяла курс к Нарве. Кормчий Амос Кульдеев, коренастый, косая сажень в плечах, мужик с красным, обветренным лицом с небольшой сивой бородкой, поглаживая нывший на погоду бок под темным бархатом длинного – по стокгольмской моде – кафтана, привычно переключивал румпель и чувствовал, как под кормою ходит-поворачивается руль, устраиваемый на лодье на манер ганзейского когга. Никаких морских разбойников – хоть ладья и пустилась в путь одна – кормчий вовсе не боялся: во-первых – что тут и плыть-то? А во-вторых, в сложившейся международной обстановке, когда Новая Русь властно выходила на Балтику, мало кто бы сейчас осмелился напасть на новгородское судно: все договоры с могущественной Ганзой новые властелины Руси подтвердили, а недобитых тевтонцев – первый на Балтике флот! – Великий Всея Руси князь Георгий втихомолку поддерживал; так, на всякий случай – в противовес императору Сигизмунду и... против той же Ганзы – мало ли, облагают купчишки?

Каких-либо многочисленных и хорошо организованных пиратских групп, типа не так давно разбитых теми же тевтонцами и Ганзой витальеров, нынче на Балтике не обреталось, однако всякая зубастая мелочь, конечно, шастала – на тех пираний имелись на «Святителе Петре» акулы зубы в виде дюжины секретных «новгородских бомбард», придуманных все тем же князем Георгием и бьющих тяжелыми оперенными стрелами верст на шесть. Впрочем, бомбарды – это на спокойной воде только, а для всяких неожиданностей держал купчина Амос на своем корабле хорошую абордажную команду в лице бывших ушкуйников знаменитой хлыновской ватаги, некогда заставлявшей дрожать всю Орду, про царицу которой – великую ханшу Айгиль – ходили самые разные слухи, один нелепее другого. Говорят, слухи те распускали враги-конкуренты ханши, в первую голову царевич Яндыз и все такие прочие. Вообще же, теперь не Русь Орде дань платила – Орда – Руси: за спокойствие от хлыновцев, коих сам великий князь обещал ордынской царице унять – и унял-таки, часть ватажников взяв непосредственно под свое крыло в целях создания мощного флота, а часть – большую! – отправив на покоренье Сибири.

Об ордынской правительнице как раз нынче матросики и говорили, косясь на низкие и лесистые ливонские берега, тянувшиеся по правому борту. Особенно не унимался юнга, по-

новгородски – «зук», ма-аленькая такая птичка, на которую как раз и походил юнга – светло-окий, рыжий и веснушчатый до такой степени, что даже не было видно щек. Звали парнишку Тимошей, а кликали все просто – Рыжий – или еще – зуек. Вот этот Рыжий-то всю команду на дальних переходах обычно и забавлял – за то по большому-то счету в юнги и взяли.

Нынче же что-то про Орду разговор зашел – судно исправно шло по ветру хорошо знакомым путем, палуба была надраена – больно смотреть, все работы по кораблю исполнены, что еще делать-то? Только лясы точить.

– Говорят, великая ханша Айгиль нраву злобного, а на вид – ну, сущая ведьма! Старая вся, морщинистая, глазки узенькие – татарка ведь – лицо, как блин, а щеки такие, что...

– Ты на свои щеки посмотри, чудо брехливое! – не выдержав, расхохотался один из ушкуйников, десятник Фома, до того спокойно облакачивавшийся на увешанный красными щитами фальшборт и внимающий отроку вполне даже благостно.

– А что? – Зуек ничуть не обиделся – он вообще никогда ни на кого не обижался, не имел такой дурацкой привычки: ну, насмеются люди, так и что с того?

И это еще с какой стороны посмотреть: можно ведь сказать – насмеются, а можно – просто смеются, веселятся, радуются. И все ему – рыжему зуйку Тимоше – благодаря. Да никто юнгу не обижал, разве вот сейчас только ушкуйник, так тот, сразу видно – злодей, разбойник из разбойников: в ухе серьга золотом горит-плавится, пальцы перстами унизаны, сабли рукоять – самоцветами, кафтан свейский, с узорчатым поясом, на ногах – высокие сапоги, а уж лицо... вот уж кто про щеки молчал бы! Уж точно, на свои бы посмотрел – бритые, будто немец какой! Но бритые, может, день назад, а то и все два, и ныне синеватостью темной щетинившие, будто несжатая до конца стежня. Вообще, Фому на ладье сторонились, как и ушкуйников его, лиходеев... И зачем только кормчий Амос Кульдеевич таких на борт взял? Говорит – от разбойников... так вот они теперь, на корабле и есть – разбойнички-ушкуйнички – а кто же?

– Я ж не сам по себе вру, дяденька, – улыбнувшись, учтиво отозвался Тимоша. – Просто передаю то, что своим ушами на торговой стороне слышал от гостей сурожских.

– Врут твои гости сурожские, как сивые мерини! – расхохотался ушкуйник и, неожиданно потрепав отрока по плечу, уселся на скамью-банку рядом. – Ты не обижайся, зуек. Просто я царицу Айгиль видел – в походе ордынском с князем великим был.

– Ах, вон оно что!

Свободные от вахты матросы обступили ушкуйника широким кругом, даже шкипер Амос Кульдеевич – и тот, ухмыляясь в усы, подошел, – бывалого-то человека всегда интересно послушать.

– Расскажи, Фома, расскажи!

– Да не рассказчик я...

– Так, говоришь – у самого князя Егора служил?

– У воеводы Никиты по прозвищу Купи Веник.

– О! То человек знаменитый. Воин! Так что ханша?

– Никакая она не старая, – улыбнувшись, ушкуйник мечтательно посмотрел в небо, на белых, кружащих над мачтами чаек. – Наоборот – молода, даже очень. И красива – как солнце, не отвести взгляд. Худовата – да... как и наша княгинюшка, но красавица, и, говорят, умна. К людям молодая ханша приветлива, за что народ ее и любит, но на расправу крута...

– Все они на расправу круты, – хмыкнул кто-то, и кормчий тотчас же погрозил охальнику кулаком – мол, ты тут смотри, паря, не очень-то власть критикуй, не то...

Так вот почти до самого вечера и проговорили, а вечером погода испортилась, как оно обычно на море Варяжском бывает? Ветер злой да колючий подул, погнал волну, натянул исходящие мелким дождем тучи, да так, что кормчий решил ночью в бухточке знакомой на якорь встать, отсидеться. Так-то, если погода позволила, можно было бы и ночью идти – просто мори-

стее взять, чтоб, не дай бог, не наскочить на песчаную отмель. Да Амос Кульдеев тут все мели знал! И все же непогодь решил переждать – оно спокойней как-то.

Встали на якорь в местечке приметном – напротив кривой сосны, да сплавали на лодке к берегу, набрали ключевой водички. Капал по палубе дождь, и спать все полегли рано: кому положено – в каморках на корме, кто – в подпалубье, остальные же разбили меж мачтами узкий шатер, в нем и улеглись вповалку.

Рыжий зук, уже засыпая, слышал, как кормчий наказывал вожаку ушкуйников:

– Ты уж смотри, Фома, в оба глаза. За кормой у нас – я приметил – постоянно чужие паруса белели, три корабля – не менее. И все, как мы шли, не отставая и вперед не гонясь.

– Ганзейцы?

– Может, они. А, может, орденские. Нам не враги, но... в море-то всякое случиться может. Особенно – когда на всех одну бухту делить.

– Ничо, Амос Кульдеевич, – с усмешкой заверил Фома. – Ужо, не провороним.

– Ты, ежели вдруг какой чужой корабль в бухту войдет, меня разбуди все ж.

Тимоша уснул рано, рано и проснулся – в щелке шатра светлело уже, нынче ночки короткие. Дождь, похоже, уже кончился – по палубным доскам капли уже не стучали, а небо... – привстав, парнишка глянул в щелку одним глазком – от тучек очистилось, и казалось белым, как творог, лишь на восток, за соснами уже начинала алеть заря.

Выбираясь на палубу, отрок поежился – брр! – промозгло было кругом, склизко, однако же организм властно требовал освободиться от лишней воды, пришлось идти на нос судна.

Справив свои дела, полусонный зук поплелся обратно в шатер, досыпать, да чуть было по пути не споткнулся обо что-то тяжелое. И что бы это такое могло валяться на палубе? Вчера ведь только приборку делали. Пожав плечами, Тимоша опустил голову... и тут с него сразу слетел весь сон! Под ногами лежало тело знакомого матроса, вахтенного, и не просто так лежало – скажем, пьяным, – а со стрелой в левом боку!

– Господи! – перекрестившись, Тимоша открыл было рот – покричать, позвать кого-нибудь, да, наконец, просто разбудить всех.

Однако не успел – какая-то жутко огромная фигура в мокром черном кафтане, отделившись от мачты, с размаху плеснула зуйку кулачищем в зубы, да так, что несчастный мальчишка полетел за борт и, подняв брызги, скрылся в набежавшей жемчужно-серой волне.

А на судне началась драка!

Часть вахтенных была убита еще поутру, стрелками с подошедших в бухту судов – трех пузатых коггов с орлами и бело-красными флагами славного ганзейского города Любека! Ударили с арбалетов, затем тут же – тихо! – пошли на абордаж, правда, ушкуйники Фому оказались наготове. Даже из пушки успели пальнуть – попав в один из ганзейцев, однако вражин оказалось на удивление много, как и спущенных с чужих кораблей лодок.

На «Святителе Петре» утробно затрубил рог! Еще раз ударила бомбарда, на этот раз – мимо, лишь вспенив белыми брызгами море.

– Тесни их с кормы, парни! – размахивая саблей, командовал ушкуйник Фома. – Кто на Бога и Великий Новгород?

Завязалась рукопашная схватка, в коей ушкуйники вели себя более чем достойно, несмотря на подавляющий численный перевес, уложив немало пиратов. А перевес-то был изрядным, против тридцати пяти – пара сотен, точно.

И все же...

Схватившись с гигантом в черном кафтане, Фома хватанул того саблей, да тот вовремя успел подставить свою. Послышался звон, скрежет – враги давили друг друга клинками – кто кого? И тут-то, улучив момент, ушкуйник заехал разбойнику кулаком в скулу – все так, как обучал когда-то своих воинов сам князь Егор!

Ошарашенный противник замотал головой, и Фома с силой проткнул острием сабли его кольчугу, сразу же рванувшись на выручку к своим – битва-то уже кипела нешуточная. Рослые, как на подбор, враги орудовали топорами и палицами, а кое-кто – и свои, и чужие – прицельно били из арбалетов.

Все кругом орали, стонали раненые, и короткие арбалетные стрелы с плотоядным свистом рвали людскую плоть. Палуба вмиг стала скользкой от крови, и проткнутый саблей Фомы атлет, застонав, тяжело повалился на толстые доски. Кто-то, пробегая, споткнулся о его тело и, выругавшись по-немецки, попытался тут же вскочить... да замешкался, и просвистевший в воздухе боевой топор снес бедолаге голову.

Фома – уж так вышло – схватился сразу с тремя на узком пространстве носовой палубы, противники в тесноте мешали друг другу, и ушкуйник быстро вывел из строя крайних – одного достал клинком в шею, другой успел-таки отразить удар, да, потеряв равновесие, полетел в воду.

Оставшийся в живых воин – коренастый, в кольчуге и круглом шлеме, получив простор, начал довольно ловко орудовать коротким копьем, так, что едва не насадил на него Фому, словно жука или таракана. Менее опытный воин, наверное, обрадовался бы, оказавшись с одним врагом вместо трех, однако же ватажник, наоборот, собрался и действовал с той непостижимой четкой грацией, что приобретает лишь годами самых кровавых сражений.

Удар и – тут же – отскочив влево, уклонился, и когда враг сделает выпад... Не сделал! Видать, тоже опытный. Выжидает.

– Красота! – картинно опираясь на мачту, прокомментировал действия ушкуйника высокий человек с рыжеватой бородкой.

С непокрытой головою, окруженный вооруженными мечами соратниками в серых тускло блестящих кирасах, он держал в руках небольшой арбалет, уже снаряженный, но стрелять почему-то не торопился – просто смотрел, и золотая серьга в левом ухе его то и дело вспыхивала в лучах пробивавшегося из-за низких утренних облаков солнца.

– Нам убить его, мастер? – один их воинов обернулся.

Рыжебородый раздраженно повел плечом:

– Нет! Пусть закончат. Все-таки интересно – кто победит. Ставлю пять гульденов на того русского.

В этот момент Фома, наконец, достал своего противника, ухватив его левой рукой за копьё, правой же нанес сокрушительный удар! Сабля ушкуйника окрасилась кровью, а поверженный враг, бессильно выпустив копьё, кувырком полетел в море.

– Вот теперь – пора! – подняв арбалет, рыжебородый пустил стрелу, угодившую Фоме между лопаток.

И что с того, что кольчуга? Какая же кольчуга удержит арбалетный болт? Да на таком расстоянии – и не всякие латы даже.

– Жаль, – подойдя ближе, немец с золотой серьгой поставил ногу на грудь только что убитого им ватажника. – Хороший ты был воин, русский... в иных обстоятельствах я бы с удовольствием взял тебя к себе... но, увы, не сейчас. Приказы не обсуждают.

– Господин, – кто-то из воинов подошел сзади.

Рыжебородый резко обернулся, лицо его, до этого вполне приятное и вовсе не злое, вдруг сделалось жестким, тонкие губы скривились:

– Что такое, Гельмут? Вы до сих пор не захватили корабль?

– Как раз захватили, герр Вандер...

– Не называй меня по имени!!! – злобно ощерился предводитель пиратов. – Забыл договор?

Воин с явным страхом попятился:

– Помню, мой господин... А корабль уже наш – я об этом и хотел сказать.

– Ну, конечно, наш, – рыжебородый расхохотался. – Кто бы сомневался? Что купец, предлагал денег на выкуп?

– Первым делом и предложил, господин.

– А вы?

– Сразу его и убили. Как вы приказали, герр...

– Хорошо! – глянув на поднявшееся солнце, предводитель пиратов потер руки. – Теперь добейте чужих раненых. И убираемся отсюда к черту!

– А судно? – осмелился переспросить воин. – Просто хочу уточнить, кого вы оставите на корабле – новым экипажем?

В ответ снова послышался хохот:

– Только мертвых, мой доблестный Гельмут! Да-да, ты не ослышался – мертвецов. А корабль мы сожжем... чтоб им было приятнее сразу попасть на небо... Или – в ад, – подумав, добавил рыжебородый.

Рыжий зук Тимоша не утонул, выплыл, все же смог добраться до берега... где ожидала засада! С полдюжины лучников в коротких немецких куртках с откинутыми зелеными капюшонами высматривали людей, покидающих обреченное судно и пытавшихся спастись вплавь. Стрелы разили метко! И луки были, на взгляд зуйка, весьма странные – слишком уж большие, в человеческий рост, Тимоша раньше никогда подобных не видел. Странные люди. И странные – бело-зеленые – куртки. И странная речь – не немецкая, рыжий смог расслышать несколько фраз, совершенно непонятных – говорили, словно сопли жевали.

Юнге удалось выбраться на берег за кустами, когда стрелки отвлеклись на плывущих со «Святителя Петра» людей, там, в кустах, мальчишка и затаился, моля про себя всех святых. Там и пересидел все – видел, как добив последних пловцов, лучники с хохотом уселись в большую лодку и погребли к ганзейским судам.

Вражеские корабли отошли, вздернув на мачты разноцветные паруса, а новгородскую ладью вмиг окутало яростное оранжевое пламя. Запылал такелаж, вспыхнули мачты, кто-то – или показалось? – все же оставался в живых, добрался до борта, прыгнул...

Тимоша протер глаза – нет, не показалось. Прыгнул! Ну, хоть еще кто-то.

– Плыви, плыви, друг! Плыви!

Скинув намокшую рубаху – сапоги и кафтан утонули еще раньше – зук храбро бросился в воду.

– Держись, держись, паря!

– Тимошка... Зук...

– Давай – за меня. Не бойся, не утонем – я хорошо плаваю.

Просторная гавань славного ганзейского города Любека была полна судов. Одномачтовые пузатые когги с зубчатыми надстройками на корме и носу, длинные узкие шебеки с косыми латинскими парусами, рыбацкие шнявы, быстрые трехмачтовые хульки, основательные каракки с крутыми бортами, новгородские палубные ладьи – двух, трех- и даже четырехмачтовые – каких только здесь не было судов!

Они все были хорошо видны с террасы портовой таверны под названием «У дуба». Когда-то здесь, рядом, и в самом деле рос дуб, ныне давно спиленный – иначе как было замостить набережную? Замостили, решением бургомистра и городского совета, лет пятьдесят назад – Любек как раз тогда выкупил у императора права вольного имперского города, вот и расстарались на радостях. И собор тогда достроили, и отремонтировали ратушу, да много чего сделали.

Сложенные из серых камней стены таверны были увиты зеленым плющом, весной и летом на улицу вытаскивались столы и скамейки – три длинных стола и четыре маленьких, привилегия, строго контролировавшаяся ратманами, не дай бог больше столов поставишь – не обрадуешься, городские законы хоть и не очень строги, да зато обязательны к исполнению всеми,

будь ты хоть сам бургомистр, или богатый купец – нобиль, или вечный подмастерье из тех, что всегда в нищете и грязи. Законы для всех писаны!

– Может, по кружечке? – проходивший мимо таверны молодой парень с простоватым, каким-то крестьянским лицом и увесистыми кулаками, облизнулся и грустно вздохнул. – Эх, день-то какой. Солнышко!

Его спутник – человек куда более опытный, лет хорошо за три-дцать – поправил на голове черный бархатный берет, самый простой, безо всяких украшений, однако же вполне добротный, хоть малость уже и поношенный:

– Пива, говоришь?

Парень улыбнулся, тряхнув копною светлых волос:

– А что, дядюшка Гюнтер? Праздник ведь сегодня, день святой Урсулы – забыл?

– Не столь уж она и почитаемая святая, – пробурчав, напарник резко остановился у распахнутой двери и потянул носом. – А пиво-то, Михаэль, свежее!

– Так я же и говорю! Как раз и наварили – к празднику.

Дядюшка Гюнтер почесал затылок, подумал... и азартно сверкнул маленькими, глубоко запрятанными глазками:

– А, ладно, чего уж! И в самом деле – что, в праздник без пива? Смотри, главное русского не упустить.

– Не упустим, дядюшка Гюнтер! – обрадованно присаживаясь за столик, Михаэль радостно потер руки, подзывая слугу. – По паре кружечек нам... для начала... пока.

– Хватит и пары! – Гюнтер резко пристукнул ладонью по столу. – Упустим – не носить нам с тобой головы. Как перед ратманом оправдаемся?

– Да не упустим же, говорю ж. Сам же знаешь – русский в эту пору всегда в гавань приходит. Как раз мимо таверны и пройдет.

– Да знаю... А вдруг в этот раз не пойдет? Всякое бывает. Я на этой службе пятнадцать лет уже, а ты, Михаэль, всего-то три года.

Вот сейчас по две кружечки выпьем да на постоянный двор пойдём, к русскому.

– Что, прямо к нему?!

– Ну ты и дурень! Конечно же так, издавека, посмотрим. Ну, как всегда.

Сдвинув на затылок круглую кожаную шапку, Михаэль сдул с кружки пену и, с наслаждением прикрыв глаза, сделал длинный пахучий глоток:

– Ох, и пиво же тут нынче! Нектар.

– Бросай кружку – идем, – неожиданно встрепенувшись, словно старый сторожевой пес, дядюшка Гюнтер торопливо вскочил на ноги. – Вон он!

– Угу, сейчас... Расплачусь только.

Давясь, Михаэль в два глотка допил пиво, кинул подбежавшему служке мелочь и, припустив со всех ног, бросился догонять напарника, шедшего за высоким парнем с длинными тёмно-русыми волосами. Русский! Он!

– Ну, вот. А ты говорил – упустим.

Русский был одет не особенно богато, но вполне изысканно и со вкусом, как и положено добропорядочному молодому бюргеру средней руки: желтые скрипучие башмаки свиной кожи, темные штаны-чулки, называемые модниками на французский манер – шоссы, – короткий камзол синего бархата, шитый бисером по воротнику, легкий светло-голубой летний плащ из бумазеи и такого же цвета шапочка с небольшим белым пером. Обычный молодой человек, не из «золотой молодежи», но не бедный и за собой следящий.

– Все понять не могу, – болтал по пути Михаэль. – Вот этот русский – такой молодой и уже... уже с поручениями!

– Мы с тобой тоже – с поручениями, – дядюшка Гюнтер ухмыльнулся и прибавил шагу.

– А я вот так думаю, – не отставал говорливый напарник. – Если мы все про него знаем, так почему бы не схватить, да не пытаться?

– Э, дурная твоя голова! Схватить! Это уж только в самом крайнем случае.

– Да почему ж?!

– Да потому что этого мы уже знаем, – терпеливо пояснил дядюшка Гюнтер. – Он, кстати, тоже знает, что мы знаем, потому как не дурак – дураков на такие дела не ставят. Слышал песенку? Если ставишь ты на дело девять дураков, будешь ты десятым смело – ты и сам таков. Так что не дурак, нет... И нас с тобой наверняка уже в лицо знает – мы ведь давненько за ним приглядываем.

– И какой же тогда толк?

– А толк в том, что всякий человек слаб, и рано или поздно какую-нибудь ошибку все равно сделает – и тут уж мы с тобой, Михаэль, должны быть начеку. А уж ежели что упустим...

– Так я же и говорю – схватить!

Гюнтер помотал головой:

– Вот дурень! Говорю ему, говорю... Да! Еще одно – там, в Новгороде, на немецком дворе тоже наши люди имеются – о которых кому надо знают. И, ежели мы тут кого прижмем, они – там, наших. Все почестному и вполне справедливо, а потому, как говорит наш ратман герр Енеке, делай свое дело спокойно и службой – гордись! На тайной страже весь порядок и держится.

– Да я бы гордился, – не спуская глаз с русского, Михаэль шмыгнул носом. – Жалованье бы только побольше, а то что это – сорок гульденов в год!

– Не всякий ганзейский приказчик столько имеет! – строго прикрикнул напарник. – А что бы больше вышло – так послужи с мое.

С минуту оба агента шагали молча, потом остановились за углом, дожидаясь, пока преследуемый посетит книжную лавку. Хозяин лавки был давно прикормлен, так что на этот счет соглядатаи особо не волновались: ежели что, будет на кого списать промах – на лавочника!

Старый агент Гюнтер довольно шурил глаза от солнца, а его молодой напарник искоса посматривал на женщин – молодых привлекательных дам и сопровождающих их (не менее привлекательных) служанок с большими плетеными корзинами – видать, на рынок отправились. Тоже не такое простое дело, недаром в той же книжной лавке специальное наставление продается – как, когда и где что правильно купить.

– Эх, хорошо, – протянул Гюнтер. – А ты, Михаэль, послужи, послужи...

– А правда, дядюшка, что скоро стажевые отменят?

Старый агент едва не закашлялся:

– Что-о?! Это где же ты такую ересь слышал?

– Да так... болтали...

– А ты и уши развесил, дурак! – сердито засопел дядюшка Гюнтер. – Кто же тогда работать-то будет? Такие молодые ослы, как ты? А учить-то вас кому? Так что не-ет, шалишь, на стажевые никто покушаться не будет... разве уж только полные дурни, задумавшие все дело развалить – вражины! О! Смотри, смотри – выходит. Пойдем и мы.

Соглядатаи вновь поплелись за своим объектом, который, справедливости ради сказать, вел себя довольно прилично: парики не надевал, бород не клеил, в женское платье не переодевался, даже не пытался ускользнуть узенькими проулками. Одно удовольствие за таким ходить было!

– Прежний-то похуже этого был, – на ходу учил молодого дядюшка Гюнтер. – Как только ни чудил – и бегал, и скрывался, бывало, как-то раз даже нанял какое-то отребье с дубинами... ну, мы сразу же стражу вызвали... Бедные те были дубинщики! А потом и сами... без начальства – послали людишек, да те и задели нашего черта на узенькой улочке, переломали ребра. А ты не бегай! Не своеволь!

– Может, и этому стоит переломать?

– Не, этот себя прилично ведет. И ходит почти всегда по одним и тем же местам. Вот сейчас куда идет?

– Гуляет просто... Ай, нет – в контору ганзейскую... Слушай, дядюшка! А что же он новгородское подворье для своих дел не использует?

Гюнтер расхохотался:

– Там же полным-полно наших людей! Каждое слово ратманам известно будет... не-ет, этот русский далеко не дурак. Вот, сейчас зайдет в контору, поговорит, поболтает с моряками... а нам бы то неплохо послушать, у приказчиков-то и своих дел полно, чтоб они еще к болтовне разной прислушивались. Могут и не дослышать, не сообщить.

– Это – да-а!

– У каждого свое дело, – старый агент задумался и хлопнул напарника по плечу. – Слушай, Михаэль, давай-ка обгони да прибеги в контору первым. Ежели там ставни да окна закрыты – так сделай так, что распахнули, усек?

– Усек. Дело нехитрое.

Молодой соглядатай быстро пошел вперед да, обогнав неторопливо прогуливающегося по набережной русского, скрылся за углом – там был прямой путь к ганзейской конторе... ставни которой к моменту прихода русского оказались распахнутыми. Вот под окошком-то и устроился многоопытный дядюшка Гюнтер, внимательно прислушиваясь к каждому доносящемуся слову.

У другого окна слушал его молодой коллега.

Русский пробыл в конторе недолго, вышел еще до полудня и все так же, не торопясь, направился в гавань.

– Интересовался судами, отправляющимися в Нарву, – поспешно доложил Михаэль.

Гюнтер задумчиво кивнул:

– Я тоже слышал. Что ж, пошли в порт.

Из всех отходящих в Нарву – и далее – в Новгород, кораблей, русского интересовали исключительно двух- и трехмачтовые суда, большие и надежные, каковых, если отбросить традиционно одномачтовые когги, оказалось четыре – трехмачтовая каракка «Святая Инесса», два нефы – «Золотая Дева» и «Бургундия», плюс новомодный двухмачтовый когг «Сигизмунд», недавно сошедший с гамбургской верфи.

По словам матросов, «приятный молодой человек» расспрашивал именно о надежности и мореходности судов, а также об их охране, никаких особых поручений не выказывая – кому-либо что-либо в Новгороде передать вовсе не просил.

– Зачем тогда приходил? – недоумевал Михаэль.

– А, помнишь, в прошлый раз мы на «Бургундии» грамотку перехватили?

– Да-а, – молодой агент довольно прикрыл глаза и чуть было не споткнулся. – Обещанную награду нам, кстати, так и не выплатили! А сколько уже времени прошло? Безобразие!

– Согласен, – отрывисто кивнул дядюшка Гюнтер. – В удобный момент напомню об этом герру Енеке.

– Х-хе! Давно пора напомнить, давно.

Войдя на постоялый двор, молодой человек в светло-голубом плаще с улыбкой кивнул хозяйке:

– Доброго здравия, любезнейшая госпожа Магдалена.

– И вас храни Господь, герр Теодор. Не жарковато в плащике-то?

– Да нет, знаете ли, ветрено нынче.

– Вам обед, как всегда, в апартаменты подать?

– Да уж, сделайте такую милость, любезнейшая госпожа.

Герр Теодор еще раз улыбнулся хозяйке – пышнотелой, лет тридцати пяти, даме с выбивавшимися из-под апельсинового цвета чепца медно-рыжими кудряшками – и, провожаемый загадочно-томным взглядом (хозяйка явно благоволила своему молодому постояльцу), поднялся на второй этаж, где снимал небольшую – зато с отдельным входом – комнату, пышно именуемую «апартаментами» и соответствующим образом стоившую. Что ж, за удобства нужно было платить – а деньги, слава богу, имелись.

Войдя в комнату, молодой человек уселся за стол и, пододвинув к себе стоявший на нем массивный ларец, распахнул крышку. Губы юноши тронула легкая и немного презрительная усмешка: вот эта жемчужная пуговица лежала вовсе не так близко к стенке, а эта вот лента – совсем не той стороной... А, в общем-то, нынче покопались аккуратно, почти что и незаметно. Интересно, как в вещах?

Герр Теодор поднял крышку стоявшего у окна сундука... потом подумал и, открыв окно, распахнул пошире ставни... заметив, как поспешно отвернулась маячившая на углу парочка.

– Мои маленькие добрые друзья, – улыбнулся молодой человек. – Гюнтер и Михаэль, вы снова со мною. Ну, а как же? Думаю, на этот раз ратману Енеке уж придется поломать свою седую голову.

Герр Теодор прислушался, положив руку на подоконник, – на улице весело щебетали птицы. Да что бы им не щебетать? Весна. Лето скоро.

Глава 2

Серенада

Афанасия схватили прямо на улице, едва только он вышел с подворья. Просто взяли под руки, швырнули в возок, повезли... помчались. Интересно, кто такие? И куда?

Ехали, впрочем, недолго, отрок не успел и бока отбить, как распахнулась рогожка, и звероватого вида мужик в сером немецком кафтане нетерпеливо махнул рукой – вылезай, мол.

Выбравшегося на просторный двор – неужто княжеский?! – парня тут же повели в хоромы, в высокую каменную башню, выстроенную не так давно, но уже снискавшую себе в Новгороде дурную славу.

«Пытать будут», – оказавшись в просторном, освещенном горящими факелами подвале, расстроено подумал Афоня, краем глаза опасливо посматривая на дыбу и блестящие палаческие инструменты, аккуратно разложенные на длинном, покрытом окровавленной рогожкой столе. В глубине подвала жарко пылал камин, сильно пахло нагретым металлом... видать – калили... чтоб сподручней пытать.

Да за что же?!

Сглотнув слюну, отрок дернулся было, но тут же почувствовав на своем плече сильную стальную руку:

– Охолонь!

Юноша оглянулся – палач! Ну, точно – палач. Голый по пояс, потный, с перекатывающими под смуглой кожей мускулами, такой и щелкнет – убьет! Пегая растрепанная бородаща, на волосах – тоненький ремешок... Отвратительная, мерзкая рожа!

Зачем-то подмигнув парню, палач прищелкнул пальцами, и его помощники – тоже те еще гады! – проворно сорвав с жертвы рубаху, подвесили бедолагу на дыбу... потянули... захрустели выворачиваемые суставы, отрок дернулся, закричал:

– Ай!

– Цыть! – снимая висевший на стене кнут, кат обернулся, прикрикнул: – Не торопитесь, парни. Спешка, она в любом деле вредна, а особенно – в нашем.

– Всегда знала, что ты немного философ, Мефодий! – в подвале вдруг прозвучал дивный женский голос, певучий и властный. – А ну, подойди.

Кат тотчас же бросил кнут, а висевший на дыбе Афоня приподнял голову, сиюсья увидеть ту, что имела здесь такую власть. Не увидел – лишь заметил, как шевельнулась бархатная портьера, делившая пыточную на две части. Портьеру эту отрок до того как-то не замечал, все больше на инструменты косился – страшно!

– Да, моя госпожа? – заглянув за портьеру, упал на левое колено палач.

– Не в полную силу, – шепотом приказала женщина. – Не жги! Так, попугай только... а потом поглядим.

Увы, Афанасий шепота этого не расслышал, а потому приготовился к худшему и, как только кат замахнулся кнутом, закусил губу...

Ожгло! Больно, да... но не так уж, чтоб совсем нетерпимо... Но это, вестимо, только начало... Такой оглоедище, ежели захочет, враз хребет перешибет, с одного удара!

– Не бейте меня, Христом-Богом прошу, – взмолился несчастный отрок. – Я вам все, что надо, скажу... и все для вас сделаю.

– Что ж, поговорим, – снова послышался все тот же голос. – Мефодий, оставь нас... и людей своих забери... как понадобятся – кликну.

Палач с подручным исчезли, ровно их тут никогда и не было. Зашуршала штора, и запахло чем-то таким приятным, так, верно, пахло в раю.

– Ну, поведай, что хотел.

Афоня глазам своим не поверил, увидев перед собой ослепительно красивую молодую женщину, девушку, с виду лет двадцати. Златовласая, и волосы вовсе не прятала: светлые, словно бы напоенные летним солнцем и медом, локоны так и струились волнами по плечам, стянутые лишь узким серебряным обручем. Длинное темно-голубое платье в талию, какие принято носить в немецких землях, красные шелковые вставки, серебряный поясок... и лицо! Красивее, пожалуй, и не бывает! Губки розовые, пухлые... васильковые очи из-под длинных ресниц смотрели строго, а на щечках играли ямочки. Нет, то не дева – ангел!

«Ишь, смотрит...» – усмехнулась про себя дева.

– Ты что же, парень, княгиню свою никогда не видал?

– Как же не видал, – Афанасий хлопнул ресницами. – Целых два раза. Правда, издалека – народищу-то вокруг толпилось.

– Поня-атно...

Хохотнув, красавица подошла к столу со страшными инструментами и вдруг, присмотревшись, вытащила какой-то свиток, да тут же вслух и прочла:

– Како пичуги трепещут, а рыбы сверещут, тако и ясно всем – весна... Мефодий!

– Иду, госпожа!

– Да нет, иди пока. Там стой... – дева неожиданно заулыбалась так весело, что и Афоне стало как-то светлее.

– Рыбы, Мефодий, между прочим, не «сверещут»... Да и вообще – я такого слова не знаю. Сам, что ли, выдумал?

– Выдумал, госпожа. Для рифмы.

– Ну-у... поэт ты изрядный, однако же и размер строфы соблюдать следует... Ох, чувствую, уделает тебя Яков Щитник, он, говорят, уже поэму целую навестал, по типу «Илиады».

– Яков Щитник, госпожа моя, на «Илиаду» точно не способен. Не Гомер – куда уж!

– Значит, уделаешь его?

– У меня, чай, тоже поэма приготовлена. Называется – «О красной полонянице-деве и о возлюбленном ее вьюноше Елисее».

– Вот как? Про любовь, значит... Смотри, я на тебя сто флоринов поставила... и двух сенных девок.

– Не подведу, госпожа моя.

– Ладно, скройся... Ну, так как тут у нас?

Прислушивавшийся к не вполне понятной ему беседе отрок не сразу и сообразил, что красавица именно к нему обращается. Дернув головой, заморгал:

– А? Что?

– Ну, поведай, – усевшись рядом, на лавку, дева махнула рукой. – Что ты там хотел сказать-то?

– Э... о чем, госпожа?

– О том, о чем уже говорил князю! Только на этот раз – правду, иначе пожалеешь, что и на свет белый родился!

А вот сейчас она на ангела вовсе не походила... нет, ангельски красивая – да... но такая, что, при нужде, прибьет не задумываясь. Даже наверняка сама и пытать сможет. Запросто! Вон, как глазищами зыркнула...

– Ну!!!

– Так я уже говорил, вот... – торопливо начал Афоня.

– Правду!!!

– Так я... госпожа... правду и говорил, зачем мне врать-то? Только...

– Что – только? – жестко переспросила красавица.

– Но то... мои думы только... мысли.

– Давай! Излагай мысли.

Отрок покусал губы:

– Я вот что подумал еще там... тогда. Гербы-то были тевтонские, да... одначе говорили рыцари промеж собой непонятно, не так, как тевтонцы... И еще! Серьга у одного в ухе была, а ведь устав орденский всякие украшения строго-настрого запрещает.

– Плевали они на устав, – дева презрительно отмахнулась. – А вот иная речь, это уже серьезно. Как говорили? Как аглицкие немцы? Французы?

– Как немцы германские... многие слова понимал, но не все.

Красавица вскинула брови:

– Так ты, значит, немецкую ведаешь.

– А как же, госпожа моя? Я же приказчик.

– Хорошо, – дева вдруг поднесла унизанные кольцами пальцы к губам... словно бы хотела погрызть ногти, да вот одумалась, спохватилась – не к лицу.

– Надеюсь, ты все же правду сказал.

– Клянусь Святой Софией! Что бы мне...

– Чего же князю про то не поведал?

– Так то лишь догадки мои... Как можно?

Девушка замолчала, задумалась, машинально перебирая палаческие инструменты. И так они звякали, так действовали парню на нервы, что тот не выдержал, осмелился подать голос:

– Госпожа... а что со мною теперь?

– Домой пойдешь, на черта ты мне сдался. Но язык за зубами держи, не то живо отрежем...

Очувтившись на улице и вдохнув полной грудью теплый летний воздух, Афанасий не поверил своему счастью. Как же все-таки хорошо это все видеть, ощущать – и ласковое дуновение ветерка, и синее высокое небо, и блеск отражающегося в седом Волхове солнышка. Ах, господи-и-и... Неужели вырвался?

– Эй, парень, а ну-ка давай обратно. Что стоишь? Ты, ты!

Перст воинского человека – слуги – уткнулся отроку в грудь.

И не убежишь – поймают! Вон, до ворот-то – далеко, хоть и распахнуты настезь. А хоромы – да – княжеские! И что с того теперь?

Поникнув головой, Афанасий поплелся к башне... снова оказавшись в мрачной темноте пыточной. Злая красавица все так же сидела на лавке... вот обернулась:

– А, ты... Вот тебе, за все твои страдания.

На узкой девичьей ладони золотом вспыхнули флорины... или гульдены, парню сейчас не до того было, чтоб приглядываться, разбираться.

– Ну, бери, бери же.

– На колени падай, дурак, – подтолкнув, зашептал позади кат. – Благодарю княгинюшку...

Так вот она кто! Пресветлая великая княгиня Елена!

– ...только матушкой ее не называй – не любит.

Отрок бухнулся на колени, тут же забыв все указания:

– Благодарю за добро, княгиня-матушка!

– Хм, «матушка», – скривившись, совсем как простая девчонка, передразнила княгиня. – Вот же черт худой! Да я ненамного тебя и старше! Ладно... с этим все. Ступай, парень!

– Благодарю, ма... пресветлая княгиня!

– Ступай, ступай... Мефодий! Рыжего сюда давай. Поглядим, что там были за кораблики. Да! Нянькам скажи, пушай Мишеньку на улицу выпустят – погодка-то, эвон!

Княгиня очень любила маленького своего сынишку. Конечно, не так, как мужа, великого князя Егора – к маленьким детям и в те времена (да и в более поздние) не принято было слишком привязываться – детишки мерли, словно мухи, особенно во младенчестве. Из десятка родившихся выживало дай бог, трое-четверо, вот и у Елены с Егором второй ребенок во мла-

денчестве умер, после чего князь вдруг озаботился устройством в Новгороде и других русских городах канализации и водяных уборных по типу того, что было в древности в Риме или в той же Орде, ныне вассальной. Ах, Орда... Вспомнив позорное рабство, бывшая ордынская пленница, княгиня Елена не удержалась, заскрипела зубами да ноготь погрызла в волнении – снова ведь мысль пришла, та самая, что уж не раз приходила. Снова подумалось – а что, если бы не случился тогда в Орде князь Егор... даже не князь еще, а атаман разбойной ватаги, князем это уж потом Елена его сделала, за что собой по сию пору гордилась! А как же?

И с Москвой справились, и с Ордой, все русские земли себе подчинили, прихватили и Польшу, и Литву, и Константинополь. Почти полмира! И все эти успехи – юная княгиня это точно знала – достигнуты во многом благодаря ей! Благодаря ее уму, сметливости, хватке... ну, и красоте, конечно. Была бы уродкой – полюбил бы ее Егор? Даже если бы и взглянул, так и то – с жалостью. Ах, Орда, Орда... Еленка оказалась там еще совсем юной, преданная и проданная родным дядькой, захватившим заозерский трон, на который именно она, Елена, имела все права... И права эти так бы и остались попорченными, кабы не Егор... да не сообразившая, что к чему, Елена. Ну, что светило в Орде знатной пленнице? Ничего хорошего. Даже если и выкупят, так дорога одна – в монастырь, уж что делают в Орде с пленницами, было известно каждому, какая тут потом чистота крови? А Егор на то не посмотрел, замуж позвал... то есть это Елен-ка ему намекнула, что, мол, неплохо бы... И ватага у любимого имелась верная, так что любой князек – попробуй, вякни! За жену – муж в полном ответе, а связываться с Егором желающих находилось мало. Сначала – атаман, потом – благодаря Елене – Заозерский князь, а ныне – уже и великий, Всея Руси! Хорошо, удалось змеищу московскую – Софью Витовтовну – в монастырь заточить. Еленка, конечно бы, и ее прибила не моргнув глазом, да муж не дал... добрый и благородный человек.

Юная княгиня любила мужа вполне искренне и всем своим сердцем, но понимала, что совсем его не боится – а это... это какая-то странная любовь: будоражащая, нежная, сладостная... Это ведь совсем новые ощущения, когда знаешь, что муж тебя никогда не ударит, не приласкает по голой спине кнутом, не оскорбит даже! От того сперва как-то не по себе было, но потом... Сейчас кажется – иного и не надобно! Никогда! Несмотря на юность, Елена многому научилась в Орде – научили! – знала, как улажить мужчин, но мужа поначалу стеснялась... недолго. Он все воспринял так, как она и хотела... даже обрадовался, как молодая жена и хотела. Добрый, поистине святой человек... немножко не от мира сего даже. Как-то Егор даже рассказывал всякие забавные небылицы про волшебное княжество, где якобы когда-то жил, а в Заозерье очутился благодаря какой-то колдунье... и с помощью колдуний же хотел вернуться обратно, да не вышло. Еленка, конечно, всем этим глупостям не поверила, однако колдуний да волшебниц на всякий случай извела, почище римской святой инквизиции. А чтоб муженька не смущали, прелестницы!

– Государыня! – заглянула в подвал сенная девка – статная, рослая, черноокая, к Мефодию-кату неровно дышащая. – Государыня! Князь великий зовет по важному делу.

Сказав так, девица низенько поклонилась, бросив на мускулистого палача полный девичьего томления взгляд.

– Зовет? – поднявшись, княгиня махнула рукой. – Ну, пойду... раз по важному. Мефодий, рыжего отпускай тоже – все, что нужно, узнала и так.

– Слушаюсь, моя госпожа.

Поклонился и кат, а Елена быстро вышла во двор и, поднявшись по каменным ступенькам крыльца, вошла в горницу.

Великий князь Георгий (для Еленки – Егор) – статный, с густыми светло-русыми локонами, небольшим усиками и бородкой, настоящий красавец – находился в горнице не один, а с архиепископом Симеоном, коего юная княгинюшка давно уже приручила, превратив в верного

своего соратника. Симеон был умный, глупых людей Еленка терпеть не могла, хоть и использовала без всякой жалости.

– Вот и краса наша, солнышко! – поднявшись с лавки, князь одернул длинный кафтан темно-голубого шелка, какой носили только особы королевской крови, и, приобняв жену за талию, поцеловал ее в щеку, ничуть не стесняясь проявлять свои чувства даже и при архиепископе. За это, кстати, Елена его еще больше любила!

– Здрав будь, муж мой, – улыбнулась княгиня. – Почитай, с тобой спозаранку не виделись. А с вами, святой отче, со вчерашнего дня. Случилось что?

Елена, как и дражайший супруг ее, давно уже научилась не тратить зря время на разные условности, о деле говорила сразу, того же и от других требовала.

– Случилось, – отец Симеон как-то нервно потрогал бороду. – Случилось. С Любека, от Феодора нашего, вестей нынче нет. А корабли в Нарву пришли – среди них четыре со многими мачтами. Договаривались ведь, чтобы с ними – и весть. Вот я и пришел – порассудить, покумекать.

По давней новгородской традиции, архиепископ, кроме духовных дел, еще и окормлял внешнюю политику, теперь уже не только новгородскую. Сделав Новгород своей северной столицей, князь Егор вовсе не рушил традиции, так что отец Симеон ведал и всеми шпионами, и тайными делами.

А Елена ему во всем помогала – в охотку! Вот и связь через многомачтовые суда – пока еще на Балтике редкие – она предложила, мол, так легче все проследить. И Федор, и многие другие соглядатаи – не только в Любеке, а и в прочих ганзейских городах – с каждым купеческим караваном восточку присылали. А ныне что же – ничего?

Егор пожал плечами:

– Вестей, что ль, у Федыки нету? Я ж, кажется, просил узнать...

– Послушайте, – вдруг всплеснула руками княгиня. – Давайте-ка все с самого начала начнем. Со вчерашних дел – я тут некоторых людишек, не в обиду сказано, по-новому допросила.

– Поди, в пыточной? – прищурился князь Егор.

Елена отвечала вежливо, с достоинством, как и полагается великой княгине:

– Ты, Егор, душой-то меня не считай, ага! Я что, не понимаю? Ежели мне начать ноздри рвать или спину плетью жечь, так я что угодно наговорю от боли да страха. Кнуту веры нет! Однако и пыточную можно использовать... когда у человека надежда остается. Тогда и пытать не надобно, достаточно кое-что показать...

– Ну, ладно, ладно, – тряхнув головой, примирительно промолвил князь. – Так что ты там напыталась?

Фыркнув, Елена не выдержала, расхохоталась – знала, мужу нравится, когда она смеется. А, посмеявшись, продолжила с полной серьезностью:

– В ливонском лесу – не тевтонцы, и в море – не ганзейцы. Лучники, зеленые с белым, откуда? Я вам скажу – из Уэльса, из Англии, и, покуда английский король с французским замирится, лучники те подались в разные земли. И многих Жигимонт император нанял!

– Император... – негромко повторил отец Симеон. – А поди, докажи! Нам вредить – оно ему надо?

Егор прищурился:

– В открытую нет, а вот с Ганзой, с тевтонцами поссорить... На них ведь открыто показывали... и дали некоторым уйти. Мягко говоря – не самым опытным и умным.

– Тевтонцы не будут воду мутить, точно, – убежденно заявила Елена. – Кто Генриха Плауэна, магистра, из узилища вызволил, куда его свои же рыцари и засадили? На чьи деньги? Магистр добро помнит... больше того, знает, что ссориться ему с нами не с руки – вмиг раздавим! Или снова в темницу засунем – врагов у него множество, только свистни.

– Пока мы тут с вами гадаем – всюду наших людей бьют! – покусал губу князь. – И вестей ни от кого нету. Что же Федька-то? Может, и не жив уж более?

– Погоди, погоди... – княгиня задумчиво нахмурила брови. – Федька ведь всегда весточки посылал, даже когда не особо что и было. Просто, чтоб знали мы... Что, совсем ничего никому не передал?

– Хотел, – пригладил бороду владыко. – Наши люди в Нарве матросиков опросили... так, потихонечку... Подходил к ним в Любеке вьюнош, обликом на нашего Федю похожий...

Елена нетерпеливо фыркнула:

– Ну, ну?!

– Ничего не просил передать, просто разговаривал. Сказал, что есть у него в Нарве приятели, которым он и хотел передать гостинец, а да пока не будет, мол, нет нужды.

– Нет нужды? – повторила княгиня. – Что, так и сказал?

– Именно так, – отец Симеон развел руками.

– Так-та-ак, – задумчиво протянув, князь вдруг встрепенулся, словно проигрывавший в покер игрок, которому вдруг пошла карта. – Раз нет нужды... то это все лежит на поверхности. Отче, что там были за корабли?

– Вот список, – хмыкнув, архиепископ достал из-за пояса грамоту.

– «Золотая Дева», – развернув свиток, вслух прочитал Егор, – «Святая Инесса», «Бургундия»... «Сигизмунд»!!!

– Сигизмунд? – ахнули все.

Князь грозно прищурился:

– Молодец, Федор! Вот уж, поистине – точнее не доложишь. Сигизмунд – он Жигимонт по-нашему. Сигизмунд Люксембург – нынче король германский, брата своего старшего, Вацлава Чешского, обошел. К императорской короне рвется – вот-вот получит!

Отец Симеон усмехнулся при этих словах:

– Он еще и королевской-то короной не коронован!

– Тем более!

– А говорят, императорскую уже получил. Токмо не все князья за него молвили.

– Егор прав, – поддержала мужа Елена. – И не потому, что он супруг мой и князь великий. Просто прав – и все. Сигизмунд Люксембургский – честолюбец молодой, и нет такой авантюры, в которую бы он сейчас не пустился, дабы гордость свою показать и силу. Что бы все фюрсты немецкие поняли... Ах, милый! – встав, княгиня подошла к Егору и обняла его за шею. – Вот бы тебе фюрстом стать! Тогда бы мы германцев прижали. Сами бы могли императора выбирать, с другими фюрстами договариваться... их всего семь, кажется? Тех князей, что императора избирают.

– Семь, – авторитетно подтвердил владыко. – По указу великого короля Карла Люксембурга князья те курфюрстами именуются. Внутренние дела свои сами по себе ведут, императора избирают и право управлять империей имеют. Четверо светских князей, – тут отец Симеон, чтоб не коверкать язык, перешел на немецкий, – король Богемский, пфальцграф Рейнский, герцог Саксонский да маркграф Бранденбургский, и трое – церковных, архиепископы Майнца, Трира и Кельна. Люксембурги – наследники Богемской короны, а Сигизмунд, удачно женившись, еще и король Венгрии. Опасен zelo!

– Знаю, что опасен, – согласно покивал князь. – Он свою империю строит... точнее – возрождает, мы – свою. Европа маленькая – двум медведям в одной берлоге не ужиться. Вот Сигизмунд и замыслил нас с Ганзой да с орденскими немцами сравнить. Не первый же раз такие случаи! Еще и под свеев сработали, помните? Но тут мы сие за правду приняли – свеям ведь есть за что нам мстить – за Стокгольм разрушенный, за Або. Кстати, надо бы на Стокгольм им деньжат подкинуть – есть ведь!

– Ой, – закручинился святой отец. – Возьмут ли?

Егор подбоченился:

– Если лично я привезу – возьмут.

– Да, господине... тебя они уважают.

– Было бы неплохо и к тевтонским немцам заехать, – на ходу соображала Елена. – И в Ганзу – прямо по городам самым важным – в Любек, Росток, Гамбург... А еще... – тут княгиня вдруг хлопнула в ладоши. – Еще бы и по немецким землям... что там рядом-то? Бранденбург?

– Я бы и до Трира с Майнцем добрался, – усмехнулся Егор. – Уж не сомневайтесь, настропалил бы всех – хватит Люксембургам воду в Европе мутить, пора уже нам ими заняться, иначе как бы не поздно было!

Сказал, как припечатал – и Симеон, и супружница молча согласились. Князь довольно потер руки – этих двоих он считал самыми умными людьми на Руси, прекрасно разбирающимися в текущей политической ситуации. Если уж они с ним согласились, так дело ясное – надобно ехать!

– Тевтонский магистр Генрих фон Плауэн да ганзейские ратманы меня в лицо знают, – в возбуждении прохаживаясь по горнице, прикидывал князь. – В Стокгольме – тоже еще не забыли...

– Ой, не надо бы сейчас такой памяти! – Елена бросила в рот засахарившийся кусочек меда – так делала с недавних пор, когда уж очень хотелось погрызть ногти.

– Ничего, – успокаивающе улыбнулся Егор. – Главное, чтоб свеи силу нашу помнили. А они – помнят! Я им против датчан помощь предложу, а потом уж и в Бранденбург или к саксонскому курфюрсту подамся, мы ведь знакомы. Он меня и другим фюрстам представит. Что ты так смотришь-то, Елена? Сама ведь понимаешь, что мне лично – ехать. Кому же еще?

– Да уж понимаю, – княгиня вздохнула, как вздыхала бы всякая добропорядочная жена, которой предстояла долгая разлука с мужем. И так же, как любая жена, сказала: – Ты береги там себя!

Не стесняясь архиепископа – свой человек! – Егор чмокнул супругу в щеку:

– Ты про мои видения не забывай, милая. Знаешь ведь, все опасности я загодя предвижу и сразу на них реагирую.

– Да знаю, – тихо согласилась Елена и еще тише добавила: – Может быть, потому-то ты до сих пор и жив.

– Что ты там шепчешь-то?

– Говорю, молиться за тебя буду! А ты, любимый супруг мой, поезжай с легким сердцем и не переживай – я за тебя с государством управлюсь...

– Кто бы сомневался!

– ...а корона германская нам бы не помешала!

Юная княгиня вдруг улыбнулась так широко и весело, что даже вечно озабоченный делами владыко посветлел лицом, да поддержал Елену:

– Правильно, не помешала бы! И что с того, что германские земли все сами по себе живут? У нас на Руси так тоже совсем недавно было, покуда ты, великий князь, не пришел.

– С папами бы еще решить, – подумав, предложила княгиня. – Их ведь сейчас трое, так?

– Так, – отец Симеон кивнул и продолжил, поглаживая бороду: – Григорий, Бенедикт и Иоанн.

– Там поглядим, кого поддержать, – махнул рукой князь. – Кто кобениться не будет и с Сигизмундом чуток подмогнет.

Посольство решили отправить тайно – Сигизмунд хоть и молод, да уперт, умен и коварен изрядно, да и руки у него длинные – зачем зря рисковать? Двойника – как когда-то вместо Егора – не ставили, ни к чему было. Просто отправили три богатых обоза да войско разом, да в разные стороны – одно в Москву, другое в Орду, третье – в сторону Вологды. Князя великого во всех трех отрядах видели, а куда он точно выехал, никто поведать не мог. Может, в Москву, а,

может – и в Орду, но скорее всего – через Вологду в Хлынов да в Вятку – давно туда собирался, самолично глянуть, как сибирские дела идут.

Уезжая, князь совершенно официально, как не раз уже делал, оставил вместо себя править супругу, пресветлую княгиню Елену... тяжелую руку которой знали отнюдь не только волшбицы-колдуньи. Правила княгинюшка жестко, кровь лить не боялась и мятежи подавляла нещадно, потому и уважал ее народ не меньше, чем самого князя. Страшился! А без страха-то как?

Все три отряда – московский, ордынский, сибирский, – отгуляв да отпраздновав, вышли из Новгорода одновременно: быстро, четко, организованно. А немного погодя отчалили от Ладоги три двухмачтовые морские ладьи, две каракки и четыре когга, принадлежавшие некогда Федору Тимофеевичу, посаднику Славенского конца Торговой стороны Господина Великого Новгорода. Федор Тимофеевич, человек пожилой, опытный и умный, всегда поддерживал князя во всех начинаниях, и даже, осмелев, давал ему советы, которыми великий князь не считал зазорным следовать, за что посадник уважал его еще больше.

Курс флотилии тайны не составлял – как всегда, через Нарву и Ревель в Стокгольм – за медными криками – оттуда в Любек, ну а дальше – домой. Правда, пассажиров на этот раз не брали, всем кормчим хозяин строго-настроено наказал, говорить, мол, все места заняты.

– Говорят тебе, все места заняты! – так и объясняли в конторе на ладожской пристани настырному ганзейскому немцу, только что прибывшему из Новгорода на большом челне. Такие рейсы – «Новгород – Ладога» и обратно – выполнялись регулярно, ибо крупные морские суда в Новгород по Волхову не поднимались – пороги! – а разгружались и стояли в Ладоге.

– Ну, как же, как же так? – заламывая руки, причитал немец. – О, майн гот! Я же опаздываю... и так на этот караван рассчитывал. Ну... может быть, как-нибудь все же можно, а? Я бы заплатил.

– Сказано же – нету местов! Раньше надо было приходить.

– О, боже!

– Ты вот что, господине хороший, – смилостивился приказчик. – Тут на якоре длинный такой кораблик стоит, видел? Трехмачтовый.

– О, я, я! – немец обрадованно закивал. – Видел. И что это за судно? Оно тоже отправляется в Стокгольм, да?

– До Готланда точно доберешься, а там уж и недалеко, – покусав перо, усмехнулся конторский служащий. – «Морская Дева» – так тот корабль зовется, запомни. Шкипер с него и матросы тут недалеко, в таверне, гуляют, попутного груза ждут – с Василькова вымола им меду в бочонках обещали, не сегодня-завтра доставят, а как доставят, так они сразу и с якоря снимутся. Так что не зевай!

– О, благодарю, любезнейший господин! – рассыпался в поклонах немец.

Смешной такой, забавный – в куцем темном плаще, в кургузом кафтанчике складками. На голове засаленный берет с пониженным петушиным пером, лицо бледное, борода рыжеватая, усики... в левом ухе – золотая серьга.

«Морская Дева» снялась с якоря еще раньше, чем отчалили суда Федора Тимофеевича. Даже меда своего не дождалась готландские немцы, отплыли вмиг, видать, решили, что нечего тут больше ждать.

– Славный корабль! – стоя на высокой корме, выстроенной на стокгольмской верфи, каракки «Святой Георгий», Егор проводил взглядом таявшее в утренней туманной дымке судно. – Ходко идет.

– Так парусов много и мачты высокие, – покивал головой невысокий – с сивой окладистой бородою – боцман. – К тому же и шкипер опытный – это сразу видать. Да здесь они еще и наверняка лоцмана взяли.

– Хорош, – снова похвалил князь. – Мы за таким вряд ли угонимся.

Моряк горделиво повел плечом:

– Мы-то как раз догоним, а вот когти да лады... Когти слишком уж пузатые, а на ладейках парусов маловато.

– Так нарастить!

– Ежели, господине, нарастить, так это и корпус другой ладить надобно. Уже и не ладейка будет.

– Да, – согласно кивнул Егор.

В коротком немецком камзоле, в узких штанах-чулках – как в Новгороде нынче одевались многие – князь выглядел сейчас как обычный негодант, отправившийся по торговым делам в Стокгольм или Любек. Таких людей – достаточно еще молодых, решительных, знающих языки, а также морское и финансовое дело, в отличие от всех прочих русских земель, в Новгороде хватало всегда и с избытком.

Кроме немецкого камзола – крепкие кожаные башмаки с модными пряжками, да доброго сукна плащ, да короткий, в потертых ножнах, меч на широком поясе. Небольшая «шкиперская» бородка, волевой взгляд, светлые, завитые по немецкой моде, локоны. Много, много таких молодых людей было в Новгороде – негодантов, искателей счастья, ушкуйников. Кто-то хаживал по Варяжскому морю и был хорошим знакомцем хозяев портовых таверн от Ревеля до Любека и дальше, кто-то когда-то тревожил лихими набегами Орду, а ныне отправился на покорение Сибири, где опасностей было ничуть не меньше, чем в море.

Егор ничем не отличался от этого типа людей и не привлекал к себе слишком уж любопытные взгляды... ну, разве что женские – ну, этого уж никак было не избежать, уж новгородские-то жонки в теремах никогда не сидели, жизнь вели вольную, за что никто их не срамил... попробовали бы! Живо бы в Волхове оказались.

Да чего далеко ходить, одна из таких «жонок», шкиперша Василиса, вдова знаменитого ладожского лоцмана Тимофея Весло, ныне командовала морской ладьей в составе флотилии Федора Тимофеевича, и командовала так, что никто и пикнуть не смел! Уважали.

О том, кто Егор на самом деле такой, никто из корабельщиков не знал, только кормчие могли лишь смутно догадываться – посадник представил знатного пассажира лично, однако не говорил, что он – князь, просто приказал подчиняться сему молодому человеку беспрекословно.

Воины личной охраны – дружина! – те, конечно, знали, но держали язык за зубами, изображая из себя лишь подручных молодого купца... или небольшую ватажку – в излишние подробности жизни своих пассажиров среди корабельного люда вдаваться было не принято.

Никого из старых своих соратников и друзей сейчас с Егором, конечно же, не стояло, как раньше, плечом к плечу. Кого-то уже и в живых не было, кто-то управлял городами в разных концах страны, а кое-кто – как Федька – правил службу тайную в заморских землях.

Князь, кстати, в корабельную роспись записался под своим настоящим именем – Вожников Егор. Именно так... а не Великий князь Всея Руси Георгий Заозерский!

Плаванье проходило спокойно. Выйдя из устья Невы в Балтийское – Варяжское – море, отправили на лодке лоцманов обратно в Ниен (городишко бывший свейский, а ныне – русский, на финской Охте-реке), и дальше пошли к Нарве, а потом, без всяких приключений, и в Ревель.

Море было чистым, спокойным, и с погодою повезло, однако шли не торопясь, ветер дул в левую скулу, – а неповоротливые одномачтовые когти часто менять курс не умели, вот и приходилось подстраиваться под них.

– Ох и поползни, – ворчал на корме «Святого Георгия» старый кормчий Онуфрий Кольцо. – Пузатые слишком. Наш-то кораблик груза не меньше берет, однако ж не в пример изворотлив да скор. В Стекольных делан.

– Я слышал, на наших, ладожских верфях, с дюжину таких заложили, – пряча усмешку, промолвил Егор. – Мастера там не только свеи, голландцы да немцы – и своих полно.

– Хо! – хохотнув, кормчий довольно погладил румпель. – Этак скоро все море нашим будет.

– Будет, – убежденно отозвался Егор. – Никуда не денется.

– А я вот еще слышал, будто во фряжских землях обшивку кораблю иначе кладут, не внакрой, как на нашем «Георгии», а встык, гладко. Карвель – по-фряжски прозывается, и суда так зовут – карвели.

– Может, каравеллы? – Вожников спрятал усмешку и повернул голову.

Шкипер покивал:

– Может, и так. А я смотрю, господине, ты в кораблях толк разумеешь?

– Немного, – отмахнулся Егор. – Так, интересовался – все же по морям мотаюсь.

– Ой, я когда-то с голландскими немцами помотался! – пользуясь хорошей погодой, старый моряк пустился в воспоминания. – В те-то времена, когда помоложе был, многие наши вот так, как я – кто с голландцами, кто с ганзейцами, а кто и со свеями по морям хаживал. Война тогда шла промеж королем аглицким и родичем его, королем французским, а шкипер-то наш, капитан Рогир ван Эйк, хитер был преизрядно – то за тех воевал, то за этих... так многие делали, за предательство не считали, каждый свою выгоду блюл. Что говорить, пошалили изрядно.

– А что потом? – заинтересовался рассказом князь. – Ван Эйк этот, он сейчас где? Вижу, капитан славный.

– Повесили его в Онфлере-городе, не помню уж и кто – англичане или французы. Онфлер – он в Нормандии, а за кого тогда нормандцы были – бог весть. Сын у него остался, Антоний, в Утрехте иль в Антверпене, говорят, очень на отца похож.

– А ты-то сам как, дядя Онуфрий, упася?

– Да повезло, можно сказать, – кормчий громко чихнул и утер рукавом бороду. – Я тогда загулял, на берегу, в Дувре, остался... была там одна хорошая бабенка, статная такая, кровь с молоком. Хозяйка корчмы, Эженой звали, по-аглицки – Джейни.

– Понятно, у нее, значит, ты, дядюшка, и застрял.

– И тем себе жизнь упас. А потом снова к голландцам подался, опосля – на ганзейских судах хаживал, а потом и домой. Тут, на «Святом Георгии» нынче. Доброе судно!

Князь болтал с кормчим от нечего делать, коротая время. Дня через три должен был показаться Стокгольм, от встречи с тамошними дворянами зависело многое. А пока можно было и немного расслабиться, послушать всякие морские байки, даже вина выпить – правда, в компании начальника собственной охраны, в целях сохранения тайны, капитана и шкипера тревожить своими посещениями Егор без лишней нужды вовсе не собирался.

Спал он на корме, в предназначенной для богатых пассажиров каюте, в которой, кроме стола, небольшой кровати и лавки, имелся еще и шкаф с кружками и прочей посудой. Вот из этих кружек вино и пили под свист ветра и мерное поскрипыванье мачт. Именно так Егор провел вечер после разговора со старым моряком Онуфрием Кольцо, посидел со своими, чуть пригубившими кружки, дружинниками, да уснул – чего еще делать-то?

Наутро погода испортилась, хоть ветер стал и тише, да на небе показались низкие серые тучи и все вокруг заволочло зыбким туманом. А ситуация для плаванья близ шведских берегов всегда была сложная – тут и шхеры, и полным-полно мелких скалистых островков, налети на какой-нибудь из них в тумане, и все, конец судну!

– Убрать паруса! – первый делом скомандовал опытный кормчий. – Марсовые – посмотреть, остальным – молиться!

Молитвы ли помогли или что иное, а только ближе к обеду разъяснилось, и туман утек к берегам, и заголубело над мачтами небо. Радуюсь ветру, шкиперы отдали приказы поднять

паруса, и все три каракки рванули так ходко, что почти потеряли из виду ладьи и когги... хорошо хоть те догадались палить из бомбард, иначе бы совсем потерялись.

– Ложимся в дрейф! – глянув назад, распорядился кормчий. – Ждем.

Матросы полезли на ванты убирать паруса, оставив лишь блинд на бушприте – уворачиваться, буде понадобится, от островков-скал. Один такой, совсем маленький, однако поросший соснами и можжевельником, как раз и показался по левому борту.

– Вон, видите, крест? – переложив румпель, Онуфрий Кольцо кивнул на выступающий с островка мыс с большим деревянным крестом, серебристым от ветра и времени. – Значит, правильно идем... Да где же там эти поползни-то?

Когги с ладьями подходили медленно, едва-едва, и прошло немало времени, прежде чем моряки с ходких каракк смогли разглядеть своих сотоварищей.

– Один, два, четыре... – доверив румпель вахтенному, неторопливо считал дядько Онуфрий. – Шесть... Полдюжины коггов! И еще с дюжину – сразу за ними... У нас столько не было!

– Корабли по левому борту! – звонко закричал с марсовой площадки зук. – Пять... нет, шесть... нет – восемь!!! Кажется, приближаются.

– Кажется? – сурово вскричал кормчий. – Вот я тя плеткой-то! Мхх... сиди уж, сам посмотрю...

– Восемь, зук прав, – князь тоже всмотрелся в море. – Плывут как-то странно...

– Галсами идут! – недобро прищурился шкипер. – С нами сближаются. С добром зигзагами этакими не ходят! Поднять паруса! Всем готовиться к бою!

– Думаешь, лиходеи? – Егор скосил глаза.

– А тут и думать нечего! Что я, не знаю, что ли?

Отмахнувшись, старый моряк принялся яростно распоряжаться дальше. По всему судну забегали матросы и взятые с собой в плаванье воины, не исключая и небольшую княжескую дружину, экипированную доспехами на европейский манер – бригантины, латные кирасы – эти-то куда как больше кольчуг от стрел пригодны. Наступательного же оружия имелось всякого – и сабли, и мечи, и шестоперы-палицы, и любимые многими боевые топоры – алебарды.

Егор в команды шкипера не вмешивался – старый моряк все делал, как надо, не нужно было мешать.

На грот-мачте взметнулся вверх синий вымпел – команда «делай, как я» – дымя зажженными фитилями зашевелись у бомбард пушкари, на кормовой и носовой надстройках притаились лучники с арбалетчиками, по бортам поставили стену из щитов. А ну, сунься, вражина!

– Когги не наши! – вдруг закричал с кормы командир стрелков.

И тотчас же с коггов грянули пушки, и ядра просвистели над головами моряков, особого вреда не причинив и большей частью попадав в море. Что ядра? Если нужен результат – так бить только в упор и желательно в полный штить, без всякой качки. Или залпами – так пушек для этого маловато. Пушки на корабли да, ставили, в силу компактности, а вот от громоздких баллист с катапультами давно уже отказались, особенно здесь, на Балтике, где даже в хорошую погоду всегда волна, зыбь. А с качающейся-то площадки попадешь, как же... в белый свет как в копеечку, или – вот как сейчас – в море. Потому одна надежда: у пиратов – на абордаж, у купцов – на маневренность и скорость. И у обеих сторон, само собой – на стойких и сплоченных воинов, уверенных в себе профессионалов.

Когги, конечно, никогда бы не догнали каракки даже и при слабом ветре, однако те быстроходные разбойничьи суда, что подходили по левому борту, уже успели выстроиться по ветру в линию, перекрыв курс новгородским караккам.

– Ничо! – ухмылялся в усы кормчий. – Бог даст, прорвемся. Эх, ветерка бы поболее!

А вот с ветерком-то стало сейчас совсем худо: бодренький, задувший было к полудню, бриз почти совсем стих, а низкое серое небо снова заволкли тучи, повиснув над мачтами тихой сапой, как всегда перед бурей...

Впрочем, о буре сейчас никто не думал – прорваться бы!

Снова ударили пушки – на этот раз с маячившего впереди длинного и узкого судна, в котором впередсмотрящий зук сразу же признал «Морскую Деву» вышедшую из Ладоги чуть раньше новгородского каравана.

Егор пробежал на нос, ибо с кормы ничего не было видно, мешали паруса и поднявшийся после залпа бомбард густой пороховой дым, вмиг заволокнувший судно по самые мачты.

Снова грянула пушка, и просвистевшее над левым ухом Егора ядро ухнуло в море, подняв тучи искрящихся жемчужно-белых брызг.

Капитан «Морской Девы» просчитался – ветер все же был, пусть и небольшой, и неустойчивое, с высокими надстройками, судно сносило прямо на скалистый островок, полный возмущенного птичьего гама.

В образовавшуюся брешь и ринулся было «Святой Георгий», однако, когда спасение казалось таким близким, ветер вдруг сменил направление, ударив в правый борт, паруса каракки повисли бессильными тряпками... судно сносило прямо на врага! Медленно, но верно.

Одновременно с обеих сторон рывкнули бомбарды, на этот раз причинив существенный урон – на «Морской Деве» в щепки разнесло носовую надстройку, а снесенная под корень грот-мачта «Святого Георгия», падая, придавила собой старика кормчего и еще нескольких человек – и это была большая потеря.

– Приготовились к схватке, ребята! – взбежав на корму, князь взял командование в свои руки. – Врагов больше – не давайте им перебраться к нам! Пушки заряжай! Арбалетчики... Залп!

Затмевая небо, тучами летели стрелы, многие из которых тут же находили себе жертв. Корабли сближались, укрытую от ветра высоким корпусом новгородской каракки «Морскую Деву» сносило уже не так сильно. До сближения осталось всего-то с полсотни шагов... сорок... двадцать...

В ход уже пошли топоры и сулицы, полетели, круша головы зазевавшихся моряков. А вот и взметнулись абордажные крючья!

Конечно, и там, и сям воины вооружились прилично, однако же море вносило свои коррективы – полный доспех не наденешь, как и поножи или тяжелый шлем – случись что, так подобная амуниция живо утянет на дно, на корм рыбам. Короткие кольчуги, легкие нагрудники-кирасы, а многие самонадеянно обходись и без этого, став первыми жертвами безжалостных стрел.

В обтянутой синим бархатом бригантине и обычной железной каске с небольшим полями князь, сжимая в руках меч, смотрел на приближающийся борт вражеского судна, стремительного низкобортного хулька, какие строили в Зеландии по большей части для откровенно пиратских нужд.

– Пять шагов... три...

– Сеть! – оглянувшись на моряков, крикнул Вожников.

И, как только корабли со стуком столкнулись бортами, на ринувшихся на абордаж пиратов полетели рыбацкие сети, специально хранившиеся в трюме предусмотрительным новгородским кормчим... упокой его душу, Господь!

Кто-то запутался, кто-то прорвался, разрубив сети мечом или длинным матросским ножом, в любом случае нападавшим сейчас пришлось очень даже несладко – лезть вверх, продираясь через мешающие им сети. Да еще стрелки со «Святого Георгия» не упустили своего, сделав уже несколько залпов.

– Бей их, дави!

– Кто на Бога и Великий Новгород?!

Однако на месте одного убитого пирата тут же вставали трое – откуда только брались? Видать, «Морская Дева» вообще не несла в своих трюмах никакого полезного груза, только лишь воинов, отъявленных головорезов, не боявшихся никого и ничего.

– Бей их! Бей!

– Вита! Вита! Ага!

Князь Егор непроизвольно вздрогнул, услышав старинный клич витальеров, морских разбойников и бродяг, не так давно наводивших ужас на всю Балтику. Ныне, сильно потрепанные Ганзой и тевтонскими рыцарями, они уже не имели прежнего влияния и силы... однако около трех десятков кораблей, вот, сумели собрать!

– Эй, парни! – оставив дружину у борта, Егор подбежал к лучникам. – Не спешить! Пусть те, у кого самострел, сначала сделают залп... потом вы... и так – одни за другим – ясно?

– Ясно, господине.

Самозваному командиру подчинялись на судне беспрекословно – ибо вышло так, что приказы сейчас отдавал он один, все остальные – кормчий и прочие – были либо ранены, либо убиты. И это большое счастье, что нашелся-таки человек, организовавший оборону, не побоявшийся взять ответственность на себя... и судя по всему, несмотря на молодость – человек опытный, бывалый.

– Стрелки... Залп! Лучники – не зевайте. Щитonosцы – вперед!

Не снижая натиска, враги спешно перегруппировывали силы, Егор смог хорошо рассмотреть их командира, ловкого и сильного человека в рыцарском панцире и в закрытом шлеме бацинет, с вытянутым забралом, еще называемым «собачьей мордой» и стоявшим не меньше четырех золотых монет – гульденов или флоринов. Примерно столько же зарабатывал в год мальчик при солидной купеческой лавке. Очень хороший шлем, и дышится в нем легко, и пробить непросто. Вот только вид уж больно уродливый, да и обзор много лучшего желать заставляет.

Выпендривается, варнак! Или... просто не хочет, чтобы его потом узнал кто-то из спасшихся? Значит – рыцарь. Или добропорядочный бюргер, негодник из того же Любека, Росток или Стокгольма. Утром бюргер, вечером пират – дело доходное.

Кто бы ни был предводитель разбойников, рыцарь или бюргер, а командовал он умело – враги уже захватили почти половину корабля, от бушприта до грот-мачты, превратив усыпанную трупами палубу в скользкое месиво из дымящихся людских кишок и крови. Пираты наседали, волнами, одна за другой, перекатываясь на борт обреченного судна – вот уже держалась лишь корма, и то – только благодаря организованной Егором обороне. Все же опыт какой-никакой имелся, да...

Рыцарь! Вожак! Отбив секиру врага, князь в какой-то момент понял, что именно от разбойничьего вождя исходит сейчас самая главная опасность. Он – организовывал, он – направлял, все команды его, разумные и четкие, исполнялись пиратами беспрекословно.

А что, если внести разлад в этот четко организованный праздник смерти? Внести одним, единственно возможным, способом.

– Сражайтесь!

Ободрив своих и пользуясь суматохой, Егор скинул шлем, убрал меч в ножны и, склонившись за борт, ухватился за абордажный канат. Миг – и он оказался уже на вражеском судне. Оглядевшись, живо подобрал с палубы брошенный кем-то шлем с длинным назатыльником и прорезями для глаз, называемый «немецким салатом», нахлобучил его на голову – слава богу, подшлемник оказался на месте... оружейники называли это «мягким внутренним капюшоном из кожи», и цена его неразрывно входила в цену шлема.

Никто не обратил на князя никакого внимания – подбадривая друг друга истошными криками, враги суетливо карабкались на борт новгородской каракки. Ой, сколько же их было много!

Вот и корма... румпель... И главный враг в бацинете «собачья морда»!

Опытный в подобных схватках Егор нанес удар с ходу – однако враг обернулся, почувствовав опасность каким-то шестым, особым, чутьем... Обернулся, уклонился – удар лишь скользнул по забралу – и сам сделал выпад, намереваясь достать соперника своим длинным клинком.

Со звоном отбив разбойничий меч, князь вновь перешел в атаку, стремясь разделаться с врагом как можно быстрее – в этом был единственный шанс уцелеть.

Удар! И звон... и злой, режущий нервы, скрежет! Так, верно, скрежещут сковородки в аду, когда черти их чистят песком.

Удар! Удар! Удар!

Вражина сделал знак своим – чтоб не мешали. Видать, хотел потешиться, надеясь на свое несомненное искусство и храбрость.

Получай, ползучий гад, сволочуга! Отступаешь? Ага!!! Кто на Бога и Великий Новгород?!

Ах ты ж... Увернулся! Все же борец – сразу видно – опытный. Ударил сам... Снова звон. А если подставить под клинок шлем? Вроде прочный, не должен бы развалиться... И, когда пират ударит, достать его снизу, выпадом – в пах!

Пират, видно, увлекся схваткой, в запальчивости совершив то, на что и рассчитывал его хитрый соперник. Удар по шлему!

Егор тут же упал на правое колено, и...

И тут где-то над головой загрохотал такой жуткой силы взрыв, что, казалось, расколосось пополам небо! Взорвался пороховой погреб? Нет! Это гром... молния... волны!

Одна из таких волн ударила судно в корму с такой силой, что князь, выпустив меч, кубарем полетел в воду. Салад, слава богу, успел скинуть, но тяжелая бригантина сразу же потянула Егора дно, однако молодой человек сумел избавиться от доспеха, что было не так уж и сложно – оказалось достаточным просто развязать пояс. Обтянутые бархатом латы ушли на дно, а молодой князь вынырнул, жадно вдыхая воздух.

Внезапно налетевший шквал разметал суда, словно щепки, ни о каком бое сейчас не шло и речи. «Морскую Деву» и «Святого Георгия», притянутых друг к другу, словно сиамские близнецы, разбушевавшаяся стихия выбросила на тот самый скалистый островок и вот-вот грозила переломить пополам... а-ай! Переломила! Первой, со страшным треском, сломалась «Дева», да и каракка пережила ее ненамного. Что же касается остальных судов – то князю их не было видно... Уцепившись за обломок мачты, молодой человек спешно привязал себя куском каната, отдавшись на волю Бога и волн.

В фиолетовом грозном небе снова вспыхнула молния, громыхнул гром.

«Господи, – молился про себя Егор. – Дай Бог, куда-нибудь вынестись. Островков здесь полно».

Бог внял его молитвам. Уже ночью обломок мачты с привязавшимся к нему князем, поносив по морю, вышвырнуло волною на какой-то остров, который Егор не смог сразу же рассмотреть по причине дикой усталости и непроглядной тьмы. Он даже не помнил, как провел ночь, скорее всего, прикорнул где-то в забытьи, а утром...

А утром в небе ярко сияло солнышко! И море казалось таким ровным, прозрачно-синим и благостным, что хотелось немедленно искупаться... что князь и сделал, разложив одежду сушиться на прибрежных камнях.

Немного взбодрившись, молодой человек немного посидел на плоском, нагретом солнцем валуне, после чего натянул на себя почти высохшую одежду и с видом заправского робинзона отправился исследовать остров, оказавшийся, прямо сказать, не очень-то и большим, и даже более того – маленьким. Князь не поленился, измерил: в долину оказалось сотня шагов, и в ширину – примерно тридцать.

Правда, кроме камней, еще сосновый лесочек и вереск на скалах, и...

И все!

Как хочешь, так и живи. Выбирайся!

Подумав, молодой человек взобрался на самую высокую сосну, осмотрелся – никакой земли нигде видно не было, вокруг спокойно плескалось казавшееся безбрежным море. Усевшись на выбивающийся из земли корень, Егор крепко задумался. Да, конечно, в этом море таких островков полно, тянутся они целыми архипелагами, и, весьма вероятно, что земля – или какой-то остров побольше, может быть, даже обжитой, населенный людьми – совсем-совсем рядом. Только вот добраться до него вплавь – занятие безнадежное. Во-первых, еще надо бы знать, куда плыть, а во-вторых – водичка в море не слишком теплая, вполне можно и не доплыть.

Егор вдруг улыбнулся и, поднявшись на ноги, швырнул в море подобранный здесь же камень. А кто сказал, что сей островок вообще никем не посещается? В этаким-то людном месте. Да быть того не может! Наверняка здесь бывают люди – те же рыбаки или мальчишки...

Подумав так, молодой человек еще раз обошел остров, на этот раз куда более внимательно вглядываясь в линию побережья. Князь прежде всего искал место, куда удобней причалить, и нашел-таки. Целых два!

Тут же обнаружили и колья, к которым привязывали лодки, и даже обрывки веревок. Отыскав все это, Егор уселся на валун и призадумался: если этот островок посещали рыбаки, не может быть, чтоб они после себя ничего не оставили. Даже не «после себя», а для себя. На всякий случай – вдруг шторм, и придется находиться здесь несколько дней.

Оп! Молодой человек приклепнул усевшегося на шею комара, эти кровососы здесь были размером чуть ли не с буйвола! Ну, не такие большие, конечно, но будь здоров, потому и в лесочек идти не хотелось, на берегу-то их все же зудело поменьше – ветер сдувал. И все же пришлось пройтись под высокими кронами, пропитываясь терпким запахом янтарной смолы и отгоняя комаров сорванным по пути папоротником. Никакого подлеска, кроме того же папоротника, черники, для которой сейчас был еще не сезон, и – изредка – можжевельника на островке не имелось, лес стоял чистый, как в парке.

Немного пройдясь, князь обнаружил тропинку, петлявшую через весь лесочек, эта узкая, едва заметная тропка вывела Егора к небольшому шалашику, сделанному из веток и плавника. Пошарив внутри, молодой человек обнаружил там мешочек с остатками муки грубого помола и березовый туесок с солью, а еще – огниво: медная пластинка, кресало и трут. Рядом журчал родник – и князь с большим удовольствием напился, подумав – что все же Господь был за него! Верно, потому и видения не являлись.

Обрадовавшись, молодой человек собрался тут же развести костер, да снова задумался – а что же жарить-то? Ничего же при себе не осталось, ни кинжала, ни ножа – все поглотило ненасытное море! Увы... Не считать же за орудие труда висевшую на шее золотую цепочку с крестиком? Ее-то нет, конечно, а вот браслеты... Один был золотой, узенький, другой – серебряный, на стальном припое – вот этот-то и сгодился, с его помощью Егор выломал в кустах подходящую палку, заострил конец, а потом уж пришлось развести и костер – обжечь для крепости.

Подкинув в руку полученную острогу, новоявленный робинзон довольно улыбнулся и направился к валунам – там он заметил обширную, кишасшую рыбьей молодью, отмель, с выступающим прямо из воды омертвевшим деревом, корявые ветви которого были усыпаны белыми чайками. Да-а, рыбка, значит, имелась...

Опытный воин, Егор быстро загарпунил пару приличных рыбин – треска! – и, посчитав, что на ужин и завтрак этого вполне достаточно, тут же и почистил добычу с помощью все того же браслета. Обваляв рыбины в муке и соли, князь насадил их на прутики и пристроил над углями, через какое-то время получив вкуснейший гриль с аппетитно хрустящей корочкой.

Запив ужин водою из родника – пришлось уже использовать вместо кружки собственные ладони, – молодой человек подбросил в костер смолистых веток – от комаров – и, улегшись рядом на мох, принялся смотреть на море. Дело близилось к ночи, и красное солнце медленно погружалось в алую пелену волн. Никаких парусов Егор поблизости не увидал, и сам не заметил, как уснул под нудное зудение комаров и резкие крики чаек.

Князя разбудил громкий гудок корабельной сирены. Встрепенувшись, Егор вскочил на ноги, увидев, как в туманном утреннем мареве пенит волны огромный бело-голубой лайнер – паром «Силия Лайн – Серенада» рейса Хельсинки – Стокгольм – Хельсинки!

Глава 3

Голландец

«Серенада»...

Егор побежал к кораблю, громко крича и размахивая руками... Паром вдруг прямо на глазах исчез, растаял, обратившись в белое плотное облако, которым, собственно говоря, и был.

Привиделось! Молодой человек расстроено плюнул и принялся разжигать давно догоревший костер – прогнать надоедливых комаров да подогреть оставшуюся от вчерашнего пиршества рыбину.

– Ага, – бормотал про себя князь. – «Серенада», как же! Нет, конечно, хорошо бы сейчас туда – ужин «все включено», дьюти-фри с дешевым спиртным, ночной клуб «Антарктис» с живой музыкой и танцполом.

Егор как-то пару раз так путешествовал, один раз – с друзьями, а другой – с одной девушкой, чем-то похожей на княгиню Еленку. Тоже блондинка, только сероглазая и себе на уме. Впрочем, Еленка тоже – себе на уме, хотя князя своего любит сильно – этого не отнимешь.

Молодой человек неожиданно улыбнулся, вдруг подумав, что давно уже стал здесь, в этой эпохе, своим. Жена вот, ребенок... княжество... Целая Русь... и не только! Вот ведь причудливые изгибы судьбы – жил да был себе обычный молодой парень, Вожников Егор, в юношестве еще получил звание КМСа по боксу, в армии отслужил под Козельском, в РВСН, потом шоферил, да занялся лесом – пару пилорам завел (спасибо дядюшке), год на факультете социальных наук отучился, потом перевелся на «бухгалтерский учет и аудит» – заочно – для предпринимателя дело нужное. Еще в университете Егор подружился с так называемыми реконами – людьми, всерьез занимающимися реконструкцией исторического костюма, обрядов, быта, разных знаменитых сражений, даже пару раз участвовал в фестивалях, и по Волхову «драккарил».

А потом вдруг познакомился с бабкой Левонтихой, колдуньей, у нее сайт свой в Интернете был... или «ВКонтакте» группа... Сам же Вожников и захотел способность великую получить – опасности загодя предвидеть, выкупил у Левонтихи снадобье, да принял – при этом и в прорубь надо было нырнуть, так Егор и нырнул... а вынырнул уже в начале пятна-дцатого века, сразу после нашествия на Русь ордынского эмира Едигея! Не сразу эта мысль к молодому человеку пришла, что в глубокой он... в глубоком прошлом, однако же – пришла, никуда не денешься. Когда средневековые города одни за другим пошли, потом – лихая ватага ушкуйников, ордынское рабство, побег... Княжество! Сначала – с помощью Еленки, с которой в Орде познакомился и вместе с нею оттуда бежал – стал Егор Вожников белозерским князем... Соседей-хитрованов прижал, Москву алчную, потом и до Орды очередь дошла, до Литвы, до Константинополя... Все теперь под рукой «Великого князя Георгия» хаживали! А кое-кто – интриги плел... как Сигизмунд Люксембург – Зигмунд – король венгерский и германский.

Дела, конечно, имелись вполне неотложные, шутка ли – всей Русью править, да еще с интриганами успевать управляться, о своем положении-то некогда и подумать было... разве вот только сейчас появилось времечко!

Способность-то, кстати, Егор получил, не обманула бабка – перед лицом грозившей опасности являлись ему видения... правда, как-то нерегулярно в последнее время. К примеру, нападение пиратов князь не предвидел – ничего подобного в голове, перед глазами, не появилось... Может, потому что выпил много? Спиртное способности подавляло, да... А. скорее, просто потому, что лично Егору опасность смертельная не грозила – вона, выжил же! От меча иль стрелы разбойничьей не погиб, в море не утонул, не сгинул. Чего переживать-то? Сиди вот теперь тут, на острове, кукуй, вспоминай что-нибудь веселенькое... какие-нибудь соревнования по боксу еще в юности или, вот, «бухгалтерский учет и аудит».

Нельзя сказать, чтоб молодой человек не пытался вернуться обратно домой, в свою эпоху – по возможности ни одной колдуньи не пропускал, все надеялся, вдруг да они смогут? Не смогли. А одна из волшбиц – красивая, кстати, и молодая – на вопрос Егора – когда же он вернется домой, прямо так и ответила: «Никогда! Живи тут и не трепыхайся, парень, – сам во всем виноват!»

Да уж, сам... Вожников поворошил прутиком угли и тяжело вздохнул. Окромя себя самого, кому еще предъявлять претензии? Бабка Левонтиха ведь предупреждала – мол, не вздумай в прорубь в грозу нырять, да Егор не внял тогда – какая зимой гроза? А ведь случилась!

С другой стороны, давно уже все меньше и меньше тянуло обратно – ведь все здесь: семья, друзья, дела государственные. Шутка ли – Русь и прочие земли нынче под его рукой! Это вам не две пилорамы и лесовоз с фискаром! Так просто не бросишь, даже если бы и возможность была. На кого все оставить-то? Да и семью жалко, Еленку – любит ведь... да и так – неплохая девчонка, красоты редкостной. Егор родную свою супругу тоже любил, и очень даже сильно. Да сын, Миша... И еще детишки пойдут.

Какие, к черту, пилорамы, когда тут Сигизмунд Люксембургский воду мутит, гад! Не он ли пиратов послал? Нет, вряд ли – не мог он никак прознать про замысленный князем вояж, никак не мог, все в глубокой тайне делалось.

Просто разбойники, витальеры, не до конца добытые Орденом и Ганзой. Еще лет двадцать назад они могли и сотню кораблей запросто выставить, а то и две, флоты громили, города захватывали... а теперь. Просто Ганза и Орден посчитали что пираты им больше не нужны – лишняя головная боль! Зачем открытый разбой, когда и легальным образом можно делать деньги куда большие, нежели тривиальным лиходейством? Тем более многие бывшие пираты, разбогатевав, купили себе дома в больших ганзейских городах, обзавелись семьями, деньги торговлю вложили... почтеннейшие бюргеры! Столпы общества – кто-то и бургомистром стал, а многие – ратманами, зачем им теперь бывшие дружки – «кровавая пыль девяностых»? А низачем, дискредитируют только да деньги зарабатывать мешают, а еще – что самое неприятное – смущают простой народ, голытьбу, всяких там «вечных подмастерий», крестьян и прочих. И если раньше, чего греха таить, многие ганзейские города оказывали «своим», прикормленным, пиратам поддержку, то постом сговорились такого больше не делать – вот и кончилось пиратское братство. Нет, разбойники оставались, конечно – свято место пусто не бывает, – но уже не те, не те... измельчали! На караван торговый могли напасть... и то – далеко не на всякий. И хорошо, что...

Вдруг снова прозвучала сирена...

Егор вздрогнул – неужто «Силия Лайн Серенада»? Не показалось?

Молодой человек вскочил на ноги, всмотрелся – звук гремел где-то за деревьями, на другой оконечности островка...

Вот снова!

А вот показались мачты... И паруса. Паруса обычной рыбацкой шнявы – юркого, с низкими бортами, суденышка с двумя мачтами и узкой кормой. Именно там, на корме и трубили в рог – видать, подавали сигналы собратьям. Ловившим рыбу где-то поблизости.

Вожников улыбнулся – ну, вот и выход. Чего еще ждать-то?

Едва не споткнувшись, он бросился по берегу к мысу, закричал, замахал руками. «Робинзона» заметили, стоявшие на корме люди доброжелательно замахали в ответ, и вот уже судно, сменив курс, мягко стукнулось бортом о плоские камни. Упал с борта узкий дощатый трап.

– Добро пожаловать на «Сесилию», уважаемый господин! – сделал приглашающий жест, широко улыбнулся какой-то элегантный господин, по всей видимости, шкипер или даже хозяин судна.

Лет тридцати, высокий, в коротком зеленом плаще поверх темного, шитого серебром, камзола, со светлыми, падающими на бархатный воротник волосами и узкой рыжеватой бородкой. В левом ухе золотом горела серьга.

– Я – шкипер и хозяин этого славного судна, Антониус Вандервельде, – слегка поклонившись, представился галантный молодой человек. – А вы, сударь, я так понимаю, потерпели крушение в недавний шторм? Ох, и страшное же было дело – много погибло судов.

– Да, я с судна... – поднимаясь на борт шебеки, неопределенно пробормотал князь. – И хорошо заплачу, коли вы доставите меня в Стокгольм!

Герр Вандервельде приложил руки к груди и с сожалением молвил:

– Увы, Стокгольм слишком уж отсюда далек. А мы идем в Штеттин, и никак не можем изменить курс – просто протухнет селедка.

– Что ж, – рассудив, что не в его положении привередничать и навязывать своим спасителям иной маршрут следования, князь махнул рукой. – Штеттин так Штеттин. Оттуда, куда нужно, доберусь.

– Проходите, проходите, господин, – шкипер гостеприимно проводил спасенного на корму. – У нас, конечно, не торговое судно – каморки маленькие, но все же там можно выспаться, отдохнуть.

Антониус Вандервельде и князь Егор говорили по-немецки, на том его диалекте, что был в ходу в северонемецких городах и в Ливонии. Южные же немцы, откуда-нибудь из Баварии или Швабии, их речь, конечно, поняли бы плохо, а то и вообще бы не поняли. Впрочем, Егор умел говорить и так, как принято в Швабии, Баварии, Каринтии, – настояла имеющая склонность к иностранным языкам супруга. Немецкая речь ей нравилась, да частенько и необходима была, а учить одной было скучно, вот любимого мужа и напрягла.

Вообще, конечно, правильно сделала, особенно что касалось северных диалектов – без этого никуда, все же соседи, можно сказать – друзья.

– Вы, господин, судя по выговору, из Ревеля?

– Из Нарвы, – Егор оглянулся на пороге предоставленной ему каюты и вдруг хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл! Меня зовут Генрих, Генрих Мюллер из Нарвы, я финансист.

– О, финансист... понятно! Всегда уважал ученых людей, герр Мюллер. Приятно познакомиться, очень и очень рад.

– Я тоже рад, – улыбнулся Вожников. – Надеюсь, вы понимаете, что все ваши услуги будут щедро оплачены?

– О, мой господин! Поверьте, мы и без того оказали бы вам всю возможную помощь. Шторм, он, знаете ли, всякого может коснуться... и весьма ощутимо, ха-ха-ха! Я велю принести вам что-нибудь перекусить, и... наверное, те сапоги, что у нас есть, вам придется впору. Отдохните, поспите, а ближе к вечеру прошу вас ко мне на обед. Очень приятно будет пообщаться.

Так толком и не выспавшийся из-за комаров и разного рода переживаний Вожников воспользовался любезным предложением хозяина «Сесилии» с удовольствием и самой искренней благодарностью. И пусть каморка оказалась узенькой и похожей на гроб, а кровать – чрезвычайно жесткой и узкой, тем не менее это все же был не шалаш, не мох и не скалы. И, слава Господу, не зудели вокруг комары!

Немного подкрепившись все той же печеной рыбой – что еще могли есть рыбаки? – спасенный с большим удовольствием опорожнил кувшинчик белого вина, объемом литра полтора точно, после чего завалился спать, упершись ногами в переборку. Было хорошо слышно, как бегали по палубе матросы, как свистел в свою дудку боцман и хлопали на ветру паруса.

Что ж, пусть Штеттин. Там тоже есть подворье новгородских купцов... и, может быть, что-то удастся узнать о судьбе подвергшегося пиратскому нападению каравана. Неужели ни одно судно не спаслось? Маловероятно.

Как и обещал, ближе к вечеру любезнейший господин Вандервельде принял «герра Мюллера» в своей каюте, оказавшейся куда просторней, нежели предоставленная гостю каморка.

Стол уже был накрыт – ржаные лепешки, суп из кореньев и свежей крапивы в большой серебряной супнице, жареная, обильно сдобренная шафраном и прочими пряностями рыба, просяная каша на конопляном масле, паштет из мелко порубленных птичек – воробьев или синиц – со свеклой и морковью, вареные пестрые птичьи яйца, орехи, изрядный кувшин вина. С него и начали.

Выпив за знакомство, поели, затем снова выпили и перешли к неспешной беседе, изредка прерываемой лишь появлением помощника шкипера – несколько угрюмого молодого парня с вытянутым мосластым лицом. Помощник советовался с хозяином по поводу курса и ночлега, предлагая пристать к какому-то островку... что и было сделано, и новые приятели, вышедшие на палубу освежиться, с полчаса любовались закатом и островом – точно таким же, на котором до того прозябал князь, правда, куда большем по своим размерам. И лес тут рос гуще – не только сосновый бор, но и ельник, и даже виднелась крытая лапником рыбацкая избушка, сложенная из серых от времени бревен.

– Тут раньше было языческое капище, – охотно пояснял шкипер. – Даже приносили в жертву людей! Да-да, не удивляйтесь, такие вот были когда-то кровавые и безбожные времена, не то что нынче. Да-а... подумать только, сколь великих успехов с соизволения Господня достиг человеческий ум! Мельницы, бумага для письма, стекло, изящные ткани, доспехи по фигуре – все для удобства жизни. А ведь еще каких-то лет двести назад ничего этого не было! И все жили в дикости... бедные, бедные люди.

За соснами пламенел закат, и отражающиеся в темных волнах кроны деревьев казались объатыми пламенем. В быстро темнеющем небе прямо на глазах вспыхивали желтые звезды, и мерцающая половинка луны качалась над крышей рыбацкой избушки, уже почти неразличимой из-за наступившей ночной тьмы.

– Гейнц, – обернувшись, шкипер подозвал молодого матроса. – Зажги-ка в моей каюте свечи, да не сальные зажигай, достань из шкафчика хорошие, из русского воска.

Кивнув, матрос убежал исполнять приказание, а хозяин «Сесилии» посмотрел на звезды:

– Вот ведь горят. И указывают дорогу морским судам... только здесь слишком уж много островов и скал для того, чтобы идти ночью. Ну, что, дражайший герр Мюллер? Спустимся ко мне? У нас еще остался марципановый пирог, правда, немного черствый, сладкий мармелад из корней лопуха с шиповником, орехи и, конечно, вино. Посидим, поговорим, выпьем... как принято у нас в Голландии, я ведь оттуда, из Гента.

Собственно, говорил один шкипер, судя по всему, относившийся к той, не столь уж и редко встречающейся, породе людей, что нуждаются вовсе не в собеседниках, а, скорей, в слушателях, что сейчас было князю на руку – он вовсе не хотел в подробностях рассказывать о себе – врать. Тем более столь гостеприимному и любезному человеку, как герр Антониус Вандервельде.

А герр Вандервельде говорил о многом – от устройства небесных сфер, описанного знаменитым Николя Оресмом, до рецепта похлебки из чечевицы с шалфеем, толченым жареным луком и корицей.

В эту ночь Егор уснул поздно, а проснулся лишь от беготни матросов – судно снималось с якоря. И снова безбрежное море, и поросшие редколесьем скалистые островки, и крики кружащих над мачтами чаек.

Чу! Вот впереди показался парус, потом – еще один, и даже несколько – еще немного, и Вожников смог разглядеть около двух десятков вымпелов ганзейского города Ростока. Быстро догнать медлительные пузатые когти юркой шляпе не составило никакого труда. По приказу капитана, на грот-мачте взвился цветастый зелено-красный стяг – как видно, сигнал приветствия. Точно такими же флагами отсалютовали и ганзейские корабли – не слишком ли много

чести для простых рыбаков? Или шкипер Антониус Вандервельде был у ганзейцев на особом счету? Оказывал какие-то услуги? Наверное, так.

Нагло вклинившись в середину торговой флотилии, «Сесилия» зарифила паруса, уравнивая скорость, да так и пошла вместе с коггам, странно, что их капитаны не протестовали, уж точно – имелись у голландца какие-то заслуги.

Вечером опять пили вино со шкипером, а утром... Утром в каморку Егора ввалились трое дюжих матросов, и еще пара, вооруженных абордажными саблями, дожидалась у двери. Рядом, с самым озабоченным выражением лица, стоял Вандервельде, презрительно прищурившийся при виде схваченного гостя.

– Да что происходит?! – громко возмутился Егор. – Объясните, уважаемый господин шкипер?

Голландец покривил губы:

– Дело в том, герр Мюллер, что у нас есть все основания полагать, что вы не тот, за кого себя выдаете.

– Не тот? – округлив глаза, усмехнулся князь. – А, скажите на милость, кто?

– Пират. И пособник пиратов, – жестко произнес хозяин «Сесилии». – А потому сейчас вас закуют в кандалы и посадят в трюм.

– Но... где доказательства?

– Вы непременно узнаете их на суде.

Ну, хоть так. Хоть суд будет, а там... Там все, что угодно, произойти может – Егор суда не боялся, а потому дал спокойно себя заковать – ну, не драку же устраивать: парочку-тройку рыбаков, конечно, вырубил бы, а дальше – увы. Тем более никаких нехороших предчувствий не наблюдалось, и предупреждающие видения князя тоже не посещали.

– Ну, вот – в трюм, – пожимая плечами, звякнул цепями арестант. – Что, в каморке-то нельзя оставить? Бойтесь, что сбегу?

– В каморке? – подумав, шкипер махнул рукою. – А и в самом деле, зачем привычное место менять? Вам ведь там вполне уютно, правда?

Вожникова живо водворили обратно в каюту, только теперь уже не на правах гостя, а – арестантом, о чем красноречиво свидетельствовали красовавшиеся на руках и ногах цепи, ходить особенно не мешавшие, но вот если бежать... или, не дай бог, плыть... Ко дну и пойдешь, не во время шторма, так сейчас – прыгни только.

Кормить, кстати, хуже не перестали, даже давали вино, правда, уже не в капитанской каюте. Хм... давали... Егор усмехнулся – еще с «пило-рамных» времен он не любил безличных глаголов – «схватили, повезли, кормят». Всегда интересовался – кто это все делает, почему, с какой целью и на какие средства? Вот и сейчас все делалось по приказу герра Антониуса Вандервельде... на первый взгляд, если только глазам и ушам верить. А ежели включить голову, то вовсе не факт, что хозяин «Сесилии» в этой затее главный. Ему могли и приказать. Те, у кого есть какие-то «доказательства» о причастности «герра Миллера» к пиратскому братству. Впрочем, никаких таких доказательств вполне может и не быть, просто имеется большое желание расправиться с Егором! И кому же он дорожку-то перешел? Да много кому из сильных мира сего... но только – в качестве великого князя. Герр Мюллер – точно никому не нужен, будь он хоть трижды финансовый гений. А если так, тогда получается, что кто-то знал все... или почти все, и следил за князем аж с самой Ладоги... Перед схваткой с пиратами, кажется, маячило впереди какое-то знакомое судно... как его называл покойный кормчий Онуфрий Кольцо – хульк!

Однако похожих кораблей много, да издали они все похожи, только по количеству мачт и различишь, пожалуй, одни пузатые когги и выделяются среди прочих. Ладно, что гадать? Скоро Штеттин, а там... там и своих полно, и ганзейцев.

Города, куда пришли уже к вечеру, князь так и не увидел – узника сразу же засунули в подогнанный на самый причал крытый возок, запряженный четверкой мулов, вот эти-то выносливые, но весьма неторопливые существа и повлекли повозку по мощеным улицам, подпрыгивая колесами по булыжникам. Рессор, конечно же, никаких не имелось, что Егор сразу же почувствовал на своих боках – трясло немилосердно, однако можно было утешать себя тем, что ехать, ясное дело, недолго – средневековые города все же не мегаполисы.

А ехали – долго! Один раз только остановились – снаружи послышались чьи-то голоса и звон монет... потом скрип – такое впечатление, что поднимали не особенно старательно смазанную решетку. И поехали дальше, только уже более плавно, лишь иногда подпрыгивая на ухабах – судя по всему, возок выехал за город.

Проехав еще, наверное, около часа, остановились на ночлег в какой-то роще, куда узника вывели подышать и покушать, правда, ненадолго, почти сразу же сунув обратно в возок, так, что Егор толком и разглядеть ничего не успел, отметил только, что сопровождали его около двух дюжин вооруженных всадников... явно не рыбаков, а людей воинских, кое на ком были надеты и кольчуги, и латы.

Все это сильно не понравилось узнику – к чему бы такие почести простому пирату? И хозяина «Сесилии» что-то нигде не было видно... мавр выполнил свое дело?

– Как вам путешествуется, дражайший герр Мюллер... или как вас там на самом деле зовут? Надеюсь, уже не очень трясет?

– Да нет, не очень.

Услышав знакомый голос голландца, князь испытал нечто вроде радости – ну, хоть один знакомый. От этого уже можно было плясать, шкипер, по всему, никаким фанатиком не был.

– Правда скучновато как-то, – поспешно признался Егор. – Даже поболтать не с кем.

Чувствовалось, что герр Вандервельде тоже изнемогает без достойного собеседника – как все люди такого склада, он просто не мог не изнемогать! – и, может быть, куда даже более, нежели сам князь.

– Прямо хоть стихи читай, – пожаловавшись нарочито громко, с тоской, Вожников тут же продекларировал. – О любви к прекрасной даме пусть тревожат сердце менестрели... не помню уж, как там дальше.

– Любите фон дер Ауэ? – узнал поэта голландец.

Князь хмыкнул:

– Не я – жена. Все время на ночь читала. А по мне, так к черту всю эту любовь-морковь и сладкие сиропные сопли. Бабье чтиво!

– Совершеннейше с вами согласен! – Вандервельде немного помолчал и продолжил уже куда тише: – Я смотрю, вы человек спокойный. Это хорошо! Вот что... сейчас все улягутся, посидим с вами у костра, может быть, даже и вина выпьем.

– Да, вино-то было бы неплохо, – скрывая радость, охотно поддержал идею Егор.

– Ну, ждите, герр...

На небольшой поляне, таинственно мерцая углями, догорал небольшой костер, над которым, на железном вертеле, жарился, вернее – подогревался, изрядных размеров окорок, кусок которого сразу же предложил узнику любезный голландец, ныне одетый в простое дорожное платье и длинный плащ с капюшоном.

– Кушайте, господин Мюллер... Ладно, буду уж так вас пока называть. Ешьте, и не задавайте вопросов – уговор?

– Уговор, – согласно кивнул Вожников. – Только как же я есть-то буду – цепи мешают.

– Ну-у, не так уж сильно мешают. Как говорят у нас в Генде – мешала веревка висельнику повеситься!

Расхохотавшись, шкипер – или уж кем он там был, начет этого в душу Егора уже закрадывались смутные сомнения – жестом подозвал воина, угрюмого молодца с вытянутым лицом, которого Егор уже видел на той же «Сесилии». Ага... значит, не все там были рыбаки! Или даже вообще, все – не рыбаки вовсе!

– Шорника позови.

Явившийся на зов шорник проворно освободил запястья Егора от цепей, и князь сразу почувствовал себя гораздо лучше, что даже не считал нужным скрывать:

– Эх, хорошо – теперь, любезнейший герр Вандервельде, можно и вина выпить! Так что вы там говорили про фон дер Ауэ? Ой! – молодой человек вдруг осекся. – Прошу покорнейше извинить, я же обещал не задавать вам вопросов.

– Ничего, ничего, – лично разливая по походным кружкам вино из объемистой дорожной фляги, голландец негромко расхохотался. – Такого рода вопросы как раз задавать не возбраняется! Они весьма полезительны для доброй, располагающей к отдохновению, беседы. А вот если спросите – куда и к кому мы едем, да где мы сейчас – ответа вы, увы, не получите, а получите только лишь мою неприязнь и самые искренние сожаления о несдержанном вами слове.

– О, избавьте меня от всего этого, любезнейший господин!

Вожников помахал руками, разминая запястья, а заодно и выбирая момент для удара – боксер-разрядник, пусть даже бывший, это очень даже серьезно, все равно, что пистолет в рукаве.

Егор ни минуты не сомневался, что, при нужде, сможет вырубить сразу человек трех, пусть даже и вооруженных, лишь бы на подходящем расстоянии оказались. Правда, вот момент сейчас был не особенно подходящий, а точнее – не подходящий вовсе. Нет! Для того, чтоб морды вражинам начистить – так в самый раз, а вот для побега – увы, было еще несколько несвоевременно. Хотя бы для начала прикинуть маршрут, да сообразить, куда податься, да и от кандалов на ногах избавиться бы не помешало.

Будь молодой человек поглупее, да не проживи здесь, в пятнадцатом веке, столь долго, так, верно, заорал бы днем благим матом, рассчитывая, что привлечет внимание проезжих-прохожих – дороги в Европе и в эти недобрые к путешественникам времена пустынными вовсе не были. Только вот и люди были куда осторожнее и излишнее нездоровое любопытство в подобных ситуациях проявлять вовсе не стремились – попробуй-ка на крик сунься, живенько огребешь, и хорошо, если по зубам, а то ведь и мечом запросто проткнуть могут.

Итак, для начала нужно было хоть что-нибудь вызнать, получив из того же герра Вандервельде всю возможную информацию, причем – не задавая прямых вопросов. Все это сильно напоминало Вожникову старую детскую игру – «да» – «нет» не говорить, «холодное» – «горячее» не называть. Что ж, коли уж на то пошло – поиграем!

– Хорошее вино, – сделав жадный глоток, похвалил Егор. – Вкусное. Поди, из Неаполя?

– Не, местное, – голландец улыбнулся, показав крупные белые зубы. – Из Мозеля.

– Славно. И все же как-то скучновато мы едем, так и состарюсь.

– Не успеете, – хмыкнул хозяин «Сесилии». – Хотя, признаюсь, ехать-то еще порядком. Однако парни у меня хоть куда, да и вообще, вряд ли кто осмелится напасть... с нашей то подорожной!

Тут голландец поспешно прикусил язык, сообразив, что сболтнул что-то лишнее. Егор тут же сделал вид, что ничего такого не расслышал, попросил еще вина, выпил, смачно закусив куском окорока.

Отправив обратно в возок, руки ему так и не сковали, забыли или не сочли нужным, ведь пленный князь вел себя более чем пристойно – не орал, не буянил, не дрался и не пытался бежать. Зачем зря народ расстраивать? Вот, когда нужно будет, тогда и можно подрасться, коли возникнет такая нужда... именно нужда, а не потребность души, которая, честно сказать, у Вожникова давно уже возникла, и, будь князь человеком несдержанным, или – веди себя Ван-

дервельде по-хамски... Что-то, наверное, и случилось бы... что-нибудь весьма несвоевременное, спонтанное и глупое.

А так... путешествовал он вполне комфортно: днем отсыпался в кибитке, а каждый вечер пил вино, подолгу беседуя со своим тюремщиком. Именно с голландцем, с ним одним, воины явно подчинялись шкиперу, боялись его, без нужды даже и подходить не осмеливались. Однако дисциплинка!

Иногда ночевали и на постоянных дворах, но узника все равно держали в повозке под строжайшей охраной, и все же, мало-помалу у Вожникова складывалась более-менее цельная картина. Он догадался уже, что везут его куда-то в самое сердце Германии, в Нюрнберг или еще дальше, на юг.

И ясно уже стало – к кому. К германскому и венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу, так мечтавшему стать императором! А, может, он уже им и стал – выбрали. Тогда имеет ли смысл бежать? Сигизмунд явно не осмелится сделать хоть что-то плохое столь знатному пленнику, побоится... хотя – кто его знает, отморозков тоже хватало и среди императоров.

И тем не менее...

Пламя горящих в гулкой просторной зале свечей отражалось в лицах судей багровыми отблесками, не сулящими ничего хорошего подсудимым... среди которых был князь Егор и какой-то худой и сутулый мужчина с добрым морщинистым лицом и горящим взглядом.

Судьи только что возвратились из тайной комнаты, куда уходили на совещание, и приговор уже был вынесен, оставалось только лишь его огласить. Что, скинув с головы капюшон, и сделал один из собравшихся, оглядев всех ненавидящим взглядом фанатика:

– Ян из Гусениц, зовомый Ян Гус, бывший профессор... бывший ректор... бывший...

Слова отзывались в мозгу Егора холодным безжалостным эхом.

– Еретик! Еретик... еретик... еретик... По приговору суда, волею императора и святейшего папы... К смерти без пролития крови... к смерти... смерти... смерти...

– Некто, дерзновенно именующий себя фюрстом и королем Руси... королем Руси... Руси... Руси... Самозванец и еретик, смущающий людские умы... Еретик... Еретик... Еретик... К смерти... смерти... смерти...

И вот уже на узкой площади они стояли рядом у позорных столбов – бывший профессор Пражского университета Ян Гус... и Егор Вожников... Великий князь Георгий!

– Самозванец! Смерть ему, смерть!

У ног приговоренных к смерти уже лежали пухлые вязанки хвороста и дров, осталось лишь только поджечь... и ухмыляющийся палач в красном капюшоне, сплюнув, поднес к хворосту пылающий факел!

И сразу же занялось пламя, лизнуло Егора в щеки... и уже больше не отпускало... Затрепещал вскипающий жир, и страшная, нестерпимая боль пронзила все тело...

– Не воруй, не воруй лес, ага-а-а! – подпрыгивая, грозил кривым пальцем палач, в котором Вожников тут же признал известного на весь район взяточника – помощника районного прокурора.

– Я не воров-а-ал! – кривясь от боли, закричал Егор. – У меня лесопорубочный билет в порядке, сами видели... И знаю я, кто все это подстроил, знаю!

– И мы знаем! Все про тебя знаем, все-о-о!

Егор проснулся в холодном поту, уселся на полу в кибитке, обхватив руками голову. Князь прекрасно понимал – это был не просто сон, – видение. Наконец-то... Что ж, выходит, Сигизмунд все же решил перестраховаться, просто-напросто убрав своего самого опасного – в недалеком будущем – соперника. Принцип вполне понятный – нет человека, нет и проблемы. Сигизмунд еще довольно молод, умен и весьма хитер... но не мудр – социального опыта мало-вато. По такому же принципу – «человек – проблема» – он расправится и с Яном Гусом... сильно подставив своего старшего брата, короля Чехии Вацлава, и получив головную боль на

долгие годы в виде знаменитых гуситских войн. Даже крестовый поход пришлось организовывать против войск Яна Жижки, громившего германских рыцарей более чем успешно. Да, крестоносцы победили, конечно – силы и ресурсы не сравнить! – но ведь все вполне могло обернуться иначе: как лет сто спустя – с Лютером. Тоже ведь точно такая же ситуация – погрязшая в грехах и роскоши официальная церковь, движение за реформацию, за возвращение к добродетелям, к традиционной христианской морали... за секуляризацию церковных сокровищ и земель. После сильно манило и короля Вацлава, и многих прочих очень даже могущественных феодалов, просто у чешского короля не хватило политической воли поддержать Гуса, а вот у неких германских князей с Лютером вполне получилось. Так и здесь могло бы, на сто лет пораньше.

Даже и то, что Гус был казнен, не сняло бы проблемы, нашелся бы кто-то другой – Иероним Пражский, Николай из Дрездена, да тот же Ян Жижка – по сути, чешский Томас Мюнцер. И вот это обернулось для восставших не очень-то хорошо: слишком уж ярко выраженный социальный момент и радикальные, с явным еретическим душком, идеи так называемых «чашников» оттолкнули от сторонников Гуса очень многих, и в первую очередь – рыцарей, бюргеров, прелатов – тех, кто имел уже и деньги, и силу, и власть. Именно эти слои поддерживали... поддержат лет через сто – Лютера с его девяносто шестью тезисами, а ведь с Лютером папа намеревался поступить точно так же, как и сейчас поступили с Гусом. Но – не удалось! А сейчас – удалось... то есть еще не удалось, но удастся – Гуса все же сожгут в Констанце по решению церковного собора. А какой был удобный момент, куда удобнее, чем через сто лет будет! Три папы! Каждый друг друга проклинаят, новоизбранного Александра вообще в грош не ставит никто. Так что мог бы и Жижка... или кто другой – было бы желание. Так что, знаменитый, приписываемый товарищу Сталину, принцип тут не сработал, Сигизмунд на авось действовал, не просчитывая «вдаль» ничего. Или просто не мог просчитать, не хватало умения стратегически мыслить... хотя тактик-то он был неплохой, этого не отнимешь – и Венгрию к рукам прибрал, и императорскую корону. Обставил старшего брата Венцеля – Вацлава.

Про себя усмехнувшись, Вожников потрянул головой. Похоже, германский король Сигизмунд – Сигизмунд был из тех, кто сначала бьет, а уж потом – думает. Такой вполне мог и казнить, причем где-то в глубине души чувствуя, что потом сам же сильно об этом пожалеет. Поддержал бы Гуса, папу бы кинул – стал бы богачейшим и сильнейшим в Европе властелином. Или – не стал. Как карта легла бы. В любом случае с Сигизмундом нужно было держать ухо востро... о чем более чем настойчиво говорили видения. Надо же – костер! Егор передернул плечами. Ишь, сжечь решили – то же еще, Жанну д'Арк нашли... которая, вообще-то, по большей части – миф, выдуманный после крушения Наполеона. Ну, нужно было французам себя хоть чем-то утешить.

С утра по обеим сторонам дороги вновь потянулись леса, впрочем, быстро сменившиеся зеленеющими всходами полей, перемежающимися стерней и явно заброшенными землями – лет шестьдесят назад страшная эпидемия чумы – «черная смерть» – выкосила почти пол-Европы, уничтожив множество людского ресурса и тем самым на полтора-два десятилетия задержав наступление Нового Времени – «открытие» Америки, Реформацию, конкисту, распространение научных взглядов на мир.

Впрочем, чем дальше ехали, тем больше попадалось на пути выглядевших довольно зажиточными деревень, городков, феодальных замков – человеческая популяция восстанавливалась быстро.

Вожников давно уже мог наблюдать за тем, что творилось снаружи через слегка разошедшийся шов в самом углу кибитки – вот и развлекался, смотрел попеременно то правым, то левым глазом, прислушиваясь к разговорам попутчиков и встречных. Ехали долго, и северо-германская речь уступила место иной – южной – с большими вкраплениями латыни, а также итальянских и даже французских слов. Вот когда князь с благодарностью вспомнил супругу –

диалект южных немецких земель именно она заставил выучить, и теперь Егор, пусть не все, но в общих чертах кое-что понимал.

Они уже проехали многолюдный и шумный Нюрнберг, и двигались дальше на юг, благодаря видению, князь теперь хорошо знал, куда – в Констанц конечно же!

А вот ему лично туда что-то не очень хотелось! Наступила пора действовать, и действовать безотлагательно – своим видениям Егор привык доверять.

Потянувшись, узник снова припал глазом к щелочке, наострил уши – «автозак», как он прозвал свою кибитку, и сопровождавшие его воины во главе с Вандервельде что-то остановились, застряли в плотной людской толпе и никак не могли никуда двинуться – пробка!

– Да что там такое, что? – привстав в стремени, выкрикнул шкипер. – А ну, Герхард, сбегай, узнай.

Молодой, еще безусый, воин в кургузой курточке и смешном ярко-васильковом берете с петушиными перьями, при палаше, спешившись, юркнул в толпу... вернувшись минут через десять – красный, взлохмаченный, без берета и с оторванным рукавом... хорошо, палаш не потерял, Аника-воин!

– Там это... обоз с мукою – длии-и-инный, как змей! Все ворота заняли, нам с повозкой не протиснуться точно.

– Не протиснуться? – погладив по гриве коня, голландец покусал ус. – А другие что делают? Тут же с повозками не одни мы.

– Другие... я не...

– Так спроси, если не вызнал! Вон, у этих бродяг и спроси.

Вандервельде кивнул на только что развернувшийся фургон – запряженную парочкой мулов телегу с разноцветным красно-желтым шатром с веселыми зелеными звездочками и треугольниками и забавными рисунками, издав издав напоминая граффити. Мулов вел под уздцы высокий атлет в разноцветном трико и коротком, накинута на плечи, кафтане.

– И вам не проехать? – глянув на растрепанного Герхарда, улыбнулся атлет. – Тут нынче можно и до вечера простоять – обоз из Вормса пришел. Так что лучше всего будет через другие ворота въехать – через Птичьи или Святого Якова.

– А вы через какие поедете?

– Мы – через ворота Рыбаков, там потом у реки и встанем.

Юный воин довольно тряхнул локонами:

– Ну и мы за вами.

– Так вам круг получится.

– Ничего, мы у реки коней напоим.

– Ну, дело ваше, поехали. Первый раз в Аугсбурге?

– Угу, первый.

– Тогда смотрите, не отставайте, Аугсбург – город большой, людной. Да и ярмарка нынче.

Еще раз улыбнувшись, атлет повел своих мулов вперед и даже любезно дождался, когда воины развернут «автозак» с узником.

Значит, Аугсбург... Вожников задумчиво почесал бородку, пытаясь вспомнить, а что он вообще об этом городе знает? Выходило, что ничего. Абсолютно. И это было очень плохо, поскольку именно здесь князь и намеревался бежать – а чего еще ждать-то? Тем более – здесь народишка много, поди-ка беглеца сыщи, особенно когда города не знаешь. Быстро продумав план, князь уже совершил кое-какие предварительные действия и к вечеру, оказавшись во всеоружии, лишь молился, чтобы все прошло гладко.

Первым делом нужно было усыпить бдительность охраны, а уж потом, освободившись от ножных оков, бежать с первым проблеском рассвета. Ночью побег не имел смысла – князь не знал города, да и главные улицы, скорее всего, перегораживались на ночь решетками, к тому

же беглеца могла схватить ночная стража. Поэтому – на рассвете. Егор уповал и на то, что вымотавшиеся за долгий день войны вряд ли поднимутся с первыми лучами солнца.

Такой вот был план... и князь начал действовать, в первую очередь пожаловавшись Вандервельде на оковы.

– Натерли, совсем уж сил нет. Нельзя ли перековать? Хоть с кузнецом местным договориться.

И в самом деле, кожа под оковами сочилась кровью – Егор специально расковырял, расцарапал, стараясь не слишком усердствовать, дабы не подхватить какую-нибудь заразу.

– М-да, – подняв факел повыше – удобнее рассмотреть, – протянул голландец. – Что ж, сейчас пошлю кого-нибудь за хозяином – пусть позовет кузнеца. Думаю, у него таковой имеется, я слышал звон – кто-то правил подковы.

Путники остановились на небольшом постоялом дворе, заняв его целиком и заплатив – Вожников это хорошо видел и слышал – за три дня вперед. Видать, шкипер почему-то решил не торопить события... быть может, собирался выторговать себе куда более солидное вознаграждение за сановного пленника?

– Вам так нужны деньги, герр Вандервельде? – дожидаясь кузнеца, узник и его пленитель мирно уселись за стол в небольшом, освещенном тусклыми свечками, зале – немного подкрепиться, выпить вина и, как всегда, предаться беседе. – Скажите, сколько – и я вам их дам! И, знаете, почему?

Голландец ухмыльнулся:

– Знаю! Потому что кое-кто потребует с вас сумму гораздо большую! Но деньги мне не нужны...

– Не нужны-ы?!

– То есть нужны, но не это главное.

– А что же? – вскинул брови князь.

– Титул имперского рыцаря, – мечтательно улыбаясь, герр Вандервельде горделиво расправил плечи. – Его может мне дать только один человек – славный господин Зигмунд, германский король и император Священной Римской империи! А ему нужны вы. Вот и обменяемся.

– А титул русского боярина... барона... вам бы не подошел? – тут же справился князь.

И оба сразу замолкли, поняли, что проговорились. Егор теперь точно знал, что голландец все про него знает – впрочем, князь об этом и раньше догадывался, а вот теперь, по сути, признался, пообещав то, что может дать только правитель Руси!

– Нет, господин... э-э... великий герцог... Титул русского барона мне не нужен, я вовсе не собираюсь жить в Руси.

– Великий герцог? – Егор сурово нахмурил брови. – Я не герцог, герр Вандервельде, а великий князь. По-вашему – король Руси!

– О, ваше величество, прошу меня извинить. Надеюсь, я за время нашего общения я не нанес урон вашей чести?

– Так, – отмахнулся Вожников. – Самую малость. Но я вас прощаю... Жаль, что мы не смогли договориться – теперь все денежки получит жадный король Сигизмунд!

– Император!

– Он что, уже короновался?

– Н-нет... но – вот-вот. Его поддерживают почти все курфюрсты.

– Вот именно что – почти. Черт побери, так вы найдете, наконец, кузнеца, Вандервельде?

– Да-да, – поспешно закивал голландец. – Я лично этим займусь. Сейчас! А вы пока кушайте, ваше величество, думаю, охрана вам не будет слишком уж докучать.

– Охрана... – князь едко хмыкнул вслед поспешно уходящему шкиперу. – Скорей, конвой.

Вожников хорошо понимал, что то, что он великий князь, ничего здесь не значило – в этом времена томились в плену и короли, как французский Иоанн Добрый после битвы при Пуатье. Венценосных особ точно так же, как простых рыцарей, отпускали за выкуп, а могли и казнить. Или убить в бою, как погиб Иоанн, король Чехии, сражаясь на стороне французов. Так что титул титулом, а... а бежать надо! Тем более он, Егор – православный... для многих здесь – хуже, чем еретик. Схизматик!

Впрочем, голландский авантюрист Вандервельде относился к нему уважительно. Вот и сейчас привел не только кузнеца, но еще и молотобойца с переносной наковальней и горном.

– О! – глянув на кандалы, дюжий чернобородый кузнец поправил свой кожаный фартук и оглянулся на шкипера. – А вы говорили – подковы.

– Так вы с этим не справитесь, что ли? – герр Вандервельде вскинул левую бровь. – Просто перековать.

– Да справлюсь, конечно, – усмехнувшись, кузнец махнул рукой. – Но будет стоить дороже – пять флоринов!

– Сколько-сколько?! – возведя к потолку руки, округлил глаза пират. – О, Святая Дева! И эти люди еще называют нас, благородных пенителей моря, разбойниками! Почему так дорого?

– Я же не спрашиваю вас, кто этот достойнейший человек? – с ухмылкой промолвил кузнец, кивая на князя.

Голландец замахал руками:

– Ну, ладно, ладно, согласен. Пять флоринов так пять флоринов. Проходите на задний двор, там есть бочка с водой и все необходимое – хозяин корчмы покажет. Эй, вы, двое! Сопроводить!

Герр Вандервельде подозвал двух воинов из тех, кто оказался поблизости, – угрюмого, с мосластым лицом, и юного Герхарда в куртке с оторванным рукавом – видать, все некогда было пришить.

Все пятеро – кузнец с молотобойцем, двое стражей и князь – в сопровождении хозяина отправились на задний двор, где был разбит небольшой огорожок с садом.

– Осторожней, репу мне не подавите! – пригладив седую бороденку, озабоченно предупредил трактирщик.

– Не пода-авим.

Примостившись у самой ограды, рядом с большой, наполненной мутной водицею бочкой, молотобоец поставил наковальню на землю и, сходяв за углями, принялся раздувать горн, что само по себе было довольно муторным делом, тем более сейчас, когда на улице уже начинало смеркаться.

Шкипер поначалу присматривал за всем, встав в дверях черного хода, затем смачно зевнул и, махнув рукой, удалился.

Ногу князя примостили на наковальне... Звякнул молот. Ничего не скажешь – ловко! Два у дара – и кандалы слетели с левой ноги, еще два удара – и с правой.

Кузнец потер руки:

– Ну, что ж, теперь – новенькие. Давайте-ка вашу ногу, господин...

А вот теперь – шалишь! И это просто прекрасно, что оба стража слишком приблизились к кузнецам – любопытные, однако...

Первым вырубить кузнеца и молотобойца...

– Вы как разговариваете с королем, сволочи? Вот вам!

Согнувшемуся молотобойцу – короткий прямо удар (джэбб) в переносицу, кузнецу – буквально через секунду – хук в челюсть... Оба поплыли сразу, и сразу же настал черед стражей, так, чтоб не успели и пикнуть или схватиться за мечи. Мосластому – апперкот в подбородок – мощно этак, красиво – тренер бы похвалил... Мальчишке с оторванным рукавом – свингом... не, не в челюсть, хоть в печень – боксер ребенка не обидит. Вот так!

Ага! Все же не зря Егор получил когда-то кандидата в мастера спорта! КМС – он в Африке КМС, тем более здесь, в Аугсбурге.

Мосластый – тут уж Вожников бил от души, ушел в полный нокаут, парнишка же, отлетев на грядки с репой, держался за бок и глухо стонал... Больно, да, очень больно... однако же не смертельно.

А это кто еще там?

Выхватив из ножен мосластого меч, князь быстро обернулся, встретившись взглядом с прятавшимся за яблоней трактирщиком... Вот дурачок, ты бы еще за удочкой спрятался... или за лыжной палкой.

– А ну! – сдвинув брови, молодой человек грозно взмахнул мечом. – Говори, песий сын, где Птичьи ворота?

– Туда, туда, – жалобно бляя, указал старик. – Тут, в заборе, кали-точка.

– У, смотри у меня!

Погрозив хозяину постоялого двора кулаком, Егор выскочил на улицу и, забежав за угол, выбросил меч в кусты, ловко перебравшись через ограду... все туда же, на постоянный двор. И даже более того – в свою кибитку, где и затаился, едва сдерживая смех и вслушиваясь в нарастающую суматоху.

В случае поимки князю сейчас не грозило ничего – он же не убежал! Вот он, спит себе спокойненько там же, где и всегда. Упаси, Господь – никакого оружия при пленнике нету! А то, что простолюдинов слегка проучил, так это правильно, в следующий раз будут обращаться с особой княжеских – почти королевских! – кровей куда болек почтительно. А то ишь, выдумали... все по-простому, без должного церемониала... Забыли, песьи морды, что пленник не простой человек, а великий князь! Забыли. Вот князь им и напомнил.

– Как убежал? Куда? Да вы что, белены объелись, дьявол вас разрази? – слышался возмущенный крик разбуженного Вандервельде. – А вы что глазами пылькаете? Как – руками? Просто ударил? Ну-ну...

– Он туда, в калиточку пообедал... к Птичьим воротам.

– К каким еще воротам?

– К Птичьим, я покажу, идемте...

В возок так никто и не заглянул – не догадались! Вот уж верно говорят, ежели хочешь что-то спрятать, так прячь на самом видном месте, где никому и в голову не придет искать.

Спокойно дождавшись рассвета, Вожников, улучив момент, выбрался из возка и, прихватив сушившуюся на заборе курточку с капюшоном, выскочил за ворота, где тотчас же смешался с толпой мелких торговцев, грузчиков и мастеровых. Уже трезвонил, звонил колокол, возвещая начало рабочего дня, и князь, накинув капюшон, придал своему лицу самое озабоченное и хмурое выражение – как у всех. За городскими стенами всходило солнце, отражаясь в стеклах ратуши, в окнах богатых домов и в цветных витражах собора. Похоже, все сейчас двигались в одном направлении – к главному городскому рынку, куда Вожникову было не очень-то надо. Если начнут искать – так именно оттуда, ибо где еще беглецу удобней всего отыскать земляков? Один ведь долго-то не побегаешь, тем более в незнакомом городе, в чужой стране.

Глава 4

Жонглеры

На рынок князю было не надо! Он все подумывал, где бы свернуть, куда бы податься и, наконец, схватил за руку пробежавшего мимо мальчишку-нищего:

– Эй, малый! Рыбацкие ворота в какой стороне?

– А вон! – мальчишка махнул рукой в сторону кривой и темной улочки, застроенной узкими фахверковыми домами, так, что верхние этажи уступами нависали над нижними, не пропуская животворящие лучи солнца к текущим помоям.

Ударивший в нос князю стойкий запах мочи и фекалий мог бы свалить с ног и быка!

– Вы по ней до конца, господин, а там спросите, – крикнул вслед беглецу нищий.

Егор обернулся и едва успел уклониться от выплеснутого прямо ему на голову содержимого ночного горшка.

– За такие дела морду бить надо! – выругавшись, погрозил кулаком князь. – Вот ведь чучела, а туда же – Европой себя называют. Не устроить простых нужников!

Слава Господу, зловонная улица быстро закончилась, выведя беглеца на небольшую округлую площадь, от которой отходили улицы пошире, прямые и замощённые мелким булыжником – насколько представлял себе Вожников, Аугсбург ведь тоже когда-то построили римляне, как водится, по образцу своих военных лагерей.

На площади торговали зеленью – укропом, луком, редиской.

– Эй, бабуля, к воротам Рыбаков – куда?

– Вон, прямо. Купите лук, господин!

– В следующий раз – всенепрременно.

Обнадежив старушку, беглец, зашагал вдоль застроенной богатыми каменными особнячками улице, в конце которой виднелось какое-то большое вычурно-узорчатое здание с высоким шпилем, наверняка главный городской собор, весьма даже приличный... Впрочем, беглецу сейчас было не до аугсбургских красот.

– Ворота Рыбаков? А вон, господин, монастырь Святой Урсулы – видите?

– Угу.

– Так вам туда. Чуть дальше другой монастырь будет, тоже доминиканский, Святой Магдалены...

– Магдалена? А, знаю, знаю – лыжница. А дальше куда?

– А там уж и недалеко. Увидите. Удачи вам, господин.

«Какие удивительно доброжелательные люди в этом вонючем городке! – поблагодарив прохожего, вдруг подумал Егор. – Они, несомненно, достойны канализации и даже бани. Впрочем, и то и другое здесь, наверное, есть... только отнюдь не для всех. Средние века – все живут корпорациями – гильдиями, цехами. И всякая корпорация одеяло на себя тянет. Цех кузнецов, цех портных, цех булочников... Российские железные дороги, Газпром, Росгидро... Министерство обороны, МВД... Феодализм, однако, живуч!»

Около мужского монастыря Вожников едва не подрался с монахами, дюжими упитанными молодцами, живо напомнившими Егору знаменитых альхеновских «сирот» из бессмертного романа «Двенадцать стульев». Такие же рожи – ого-го, не одну женщину мимо не пропустят – одну юную девчонку с корзиной, как видно, служанку, так и вообще, зажали, задрали юбку... Егор не сдержался, подскочил, съездил особо наглomu по сопатке – тот так и сел, мотая круглой башкой, словно оглоушенный бык, остальные вытащили было ножи, но князь красноречиво показал сволочугам кулак с таким грозным видом, что те сочли за лучшее ретироваться. Трусоваты оказались братцы!

– Не слишком тебя обидели? – подняв корзинку, Вожников подмигнул девчонке – совсем еще молоденькой, сероглазой, с веснушками, в смешной войлочной шапке.

– Да нет, – девушка улыбнулась. – Не слишком. Не успели просто. Ой, говорила мне матушка на рынок окружными путями ходить.

– Правильно говорила, – охотно покивал князь. – Сразу видно, матушка твоя – женщина мудрая. Зря ты ее не послушала.

– Зря.

– К воротам Рыбаков – туда? – спросив, Вожников показал рукою.

Девчонка кивнула:

– Туда. А там, за воротами, у речки – жонглеры. Кибитка у них, представленья на площадях будут давать, славно!

– Любишь жонглеров?

– Угу! Они такие веселые, песни поют.

– А зовут-то тебя как?

– Грета. Я тут, у ворот Рыбаков, близко живу. Иногда и на речку купаться бегаю – и сегодня прибегу, там же жонглеры!

Жонглеры. Так называли бродячих уличных акробатов, певцов и актеров, развлекавших горожан забавными сценками, кукольным театром, хождением по канату, клоунами, всем тем, чем всегда славились циркачи.

С помощью этих бродяг Вожников и намеревался выбраться из города, ну, а пока неплохо было бы найти у этих достойных людей приют – больше просто не у кого было! Князь сбежал, в чем был – в грязном рваном камзоле и чужих башмаках, даже прихваченный в драке меч, и тот пришлось выкинуть. Да и сильно бы он помог, когда в этом городе у беглеца ни друзей, ни денег, ни крова над головою? Общества средневековых городов – весьма закрытые: чужого, без особых на то причин, не примет ни одна гильдия, ни один цех, даже корпорация профессиональных нищих. Одному же в средневековье не выжить, значит, следовало искать приюта у таких же чужаков, как и сам беглый князь – у бродяг-жонглеров, жилище которых – крытая рваной рогожкой кибитка, а родина – весь белый свет. Правда, как стать нужным жонглерам? Что сделать, чтоб завоевать их доверие?

Уже у самых ворот беглец оглянулся, услышав за спиной крики. Монахи! «Сироты», черт бы их побрал. Они уже успели вооружиться дубинками, видать, все же осмелев и решив намять-таки бока осмелившемуся вступить за девушку наглому проходимцу – князю.

А вот это было бы сейчас на руку! Лишь бы кибитка странствующих циркачей оказалась сейчас у реки. Рано еще, едва рассвело, а жонглеры, кочуя от площади к площади, показывали свои представления днем или даже ближе к вечеру, чтоб собрать побольше публики. Не должны бы уехать, не должны, да и девчонка эта, Гретхен, сказала...

Молодой человек нарочно задержался у ворот, пропуская вперед рыбаков, тащивших на плечах весла и свернутые сети, постоял, подождал – не отстанут ли монахи? А те вроде бы и потеряли преследуемого, заозирались, положив дубинки на плечи – пятеро здоровенных рыл, таким бы на галерах веслами махать или в какой-нибудь крестовый поход отправиться, а не грехи в кельях замаливать. Экие добрые парни, молодец к молодцу! Грудь колесом, кося сажень в плечах. И дубинки у них ничего, увесистые.

Ага, заметили... Побежали! Не слишком ли быстро, а? Спортсмены хреновы.

Миновав ворота, Егор и сам прибавил шагу, едва только увидел метрах в двухстах от рыбацкой пристани знакомый расписной шатер с зелеными треугольниками и звездочками. Мулы уже были запряжены в кибитку, и сидевшие вокруг шатра жонглеры торопливо доедали похлебку, судя по донесшемуся аппетитному запаху – уху. Вожников и сам бы был не прочь навернуть с полкотелка – да не до уха сейчас, некогда.

Наверное, здесь все-таки трапезничали далеко не все артисты – кудрявый старик в куцем сером плаще, длинный худосочный парень с изможденным лицом и одетая в мужское платье – узенькие штаны-колготки – шоссы – и короткую безрукавку, худая девчонка, довольно-таки миленькая на личико, большеглазая, с заплетенным в пучок каштановыми волосами. Но тощая – да... почти как модель, в чем только душа держится?

Того улыбочивого атлета, что Вожников заметил вчера, почему-то нигде видно не было, может, отошел отлить или по каким иным важным делам?

Обернувшись, князь обнаружил погоню довольно далеко, видать, запыхались, оглоедища. Показав им средний палец, молодой человек, больше не обращая внимания на доносившиеся позади угрозы, быстро спустился вниз, к кибитке и, вежливо поздоровавшись, быстро спросил:

– Ну, как вам тут, ничего?

– Да неплохо, – сдержанно отозвался старик. – Место красивое.

– И все же я на вашем месте немедленно бы отсюда убрался! – князь суетливо оглянулся и махнул рукой в сторону бегущих монахов. – Местный епископ послал своих людей проучить вас... вы же знаете, как к вам относится церковь.

– Да знаем, – старый жонглер быстро подошел к повозке и позвал остальных: – Иоганн, Альма! А ну в кибитку, живо.

Парень и девчонка удивленно переглянулись:

– В кибитку? Зачем?

– Ежели вы не поторопитесь, они все же намнут вам бока! – подогнал нерешительных Вожников. – Давайте, давайте, скорее – едем!

– Но наши мулы, – неожиданно встрепенулся старик. – Они слишком медлительны... Говорил же, не надо было посылать в город Готфрида и Айльфа!

– А кто бы тогда занял нам место? Труппа Алексиуса Канарейки тоже здесь, мы все знаем. Посмотрев на быстро приближавшихся монахов, беглец хлопнул жонглера по плечу:

– Давай, старина, погоняй, а я их отвлеку, чего уж! Где потом вас найти?

– Выше по реке встанем... там не так удобно, зато не на монастырской земле.

– Это только чертов аббат считает рыбацкую землю своею! – обиженно сверкнув глазами, выпалила девчонка. – Ладно, дядюшка, погоняй! Поехали. Места вверх по реке вовсе не менее красивы, чем здесь.

– Зато рыба там плохо клюет, девочка! И до города далековато.

– Зато никто не выгонит.

– С верхних-то пустошей? Да кому они нужны...

Старик дернул поводья, и кибитка покатила прямо по траве к видневшейся на вершине холма старой, построенной еще римлянами, дороге.

– Эй! – высунулась из-под полога девушка. – Добрый человек, а как же тут будешь их отвлекать?

– Не беспокойся, уж отвлеку как-нибудь.

На самом деле молодой человек еще не знал, как он будет отвлекать монахов и, главное, зачем – они ведь не за жонглерами, а за ним гнались. Вот и пускай побегают, порастрясут жир!

– Эге-гей, ослищи паршивые! Что-то не очень-то быстро вы двигаетесь, кургузые рыла!

«Паршивые ослищи» (они же – кургузые рыла), обалдев от такой наглости, с яростью прибавили ходу, размахивая дубинами и выкрикивая на ходу ругательства, явно не совместимые с образом смиренного божьего человека.

– Ну-ну, доходяги, быстрее! – на бегу издевался Егор. – Так вы норм ГТО не сдадите.

Скрывшись за кустами, беглец быстро рванул к реке – схватиться одному с пятеркой разъяренных верзил с дубинами не хватило бы никакого бокса! А потому нужно было поскорее где-то спрятаться, укрыться... хотя бы вот, нырнуть в реку, да спрятаться на плавнях, в

камышях, что Вожников, не снимая одежды, и сделал, успел лишь башмаки скинуть, надеясь их потом подобрать.

Напрасно надеялся! Нашлось, кому подобрать обувь. Те же хари и подобрали, рыла кургузые.

– Ой! – бежавший впереди отморозок резко остановился. – Башмачок! Чур, мой. Я первый увидел.

– А я – второй, брат Дитмар, – ухмыльнулся другой здоровяк, опуская дубину и подбирая второй башмак.

«Уж придется мне, видно, босым ходить», – видя такое дело, тоскливо подумал князь.

Окружающая обстановка нравилась ему все меньше и меньше – и промок, и башмаки, похоже, навсегда потерял, да и камышовые заросли на поверку оказались вовсе не такими густыми, какими виделись с берега.

Ну, конечно, толкового-то плана не было, впопыхах все, впопыхах, импровизация, блин, сплошная.

– Говорю же, я эти башмаки первый увидел, брат Дитмар!

– Нет, я, клянусь святой Афрой! Братья, вы все свидетели.

– Может, лучше в кости их разыграть?

– Это мою-то находку – в кости?

К вящему удовольствию скрывающегося в камышах Вожникова, дело между монахами шло к хорошей драке, что было бы весьма своевременно и более чем славно. Ну! Подеритесь же, подеритесь! Такие хорошие башмаки... почти «Саламандра».

Егор вдруг насторожился, услышав, как позади зашуршали камыши, кто-то подходил... Циркачка!

Большие карие глаза, миленькое личико в обрамлении длинных каштановых волос, мокрых, как и вся одежда девчонки.

– Ты откуда тут взялась, чудо?

– Я – с тобой! – девушка храбро сверкнула глазами и кивнула на монахов. – Ты один, а их пятеро. Не могла же я тебя одного тут бросить!

– Да-а... – не зная, что и ответить, князь покачал головой. – И как теперь с тобой быть, чудо?

– У меня, между прочим, имя есть – Альма, – неожиданно обиделась незваная спасительница.

Егор улыбнулся:

– А я – Георг. Ого! Смотри-ка, нас, похоже, заметили.

И впрямь, монахи вдруг перестали собачиться, злорадно подворачивая ряссы.

– Да, – протянула Альма. – Нам тут от них не уйти – отмель. А вообще, я очень хорошо плаваю, я ведь в Констанце родилась, на Баденском озере. Знаешь, какое оно огромное, Георг? Как море!

– Плаваешь, говоришь, хорошо, – Егор озабоченно посмотрел на преследователей и вдруг улыбнулся. – А бегаешь как – быстро?

– Ты предлагаешь мне сейчас убежать? Тебя одного здесь на расправу бросить?

– Зачем на расправу, – взяв девчонку за руку, подмигнул молодой человек. – Ты просто отвлеки их, пусть они за тобой побегут... во-он туда, где сети рыбацкие сушатся. Нет, ты точно быстро бегаешь?

– Эти жирные каплуны меня нипочем не догонят!

Егор взял Альму за плечи и посмотрел в глаза:

– Ну, беги тогда, девочка. Да! Ты сможешь сделать так, чтоб они за тобою погнались... хотя бы парочка.

– Сделаю. Не переживай, Георг!

Выскочив из камышей, Альма нырнула и, вынырнув ниже по реке, быстро побежала по отмели к берегу, на ходу задирая монахов:

– Эй, засранцы! Вы, кажется, позарились на нашу кибитку, подлые прощельги?

И тут она добавила такое, от чего покраснели бы уши не только у боцмана торгового флота, но и у учащихся классов ЗПР общеобразовательных российских школ.

Конечно, прощельги обиделись.

– Ну, и денек сегодня, прости господи! То бьют, то обзывают... то вещи свои норвят отобрать.

– Опять ты про башмаки, брат Дитмар! Давай-ка лучше догоним эту шлюшку, да оты-меем ее все впятером. Этот-то черт никуда от нас не денется.

– А что? Неплохая идея, братья.

– Тогда что стоим-то? Бежим!

Бросив дубинки, монахи, грозно сопя, погнались за быстроногою Альмой.

Тем временем беглец тоже не терял времени зря. Выскочив из камышей на отмель, он помахал рукой рыбакам да заорал что есть силы:

– Эй! Эй! Эгей!

Одна из рыбацких лодок поворотила к отмели:

– Ты что так орешь, парень? Всю рыбу нам распугаешь!

– Настоятель... Ох...

– Да что за настоятель-то?

– Аббат монастыря Святой Магдалены послал монахов забрать ваши сети! Говорит, в счет долга!

– Не может быть! – побагровел один из рыбаков, плечистый, с большими натруженными руками. – Он же обещал подождать до осени.

– Видать, решил не ждать, – скромно заметил Вожников. – Да сами-то посмотрите!

Выкрикивая угрозы и потрясая дубинами, монахи бежали к развешенным для починки сетям.

– А ведь и правда! – один из рыбаков почесал затылок. – Неужто будем все это терпеть?

– Но ведь... аббат может пожаловаться епископу!

– И пусть жалуется! Договор же был? Был! Все мы тому свидетели, так что пошли, парни!

Покажем толстощеками братьям, как зариться на чужое!

Бросив снасти, рыбаки дружно погребли к берегу, огибая отмель и разогнав лодки да такой степени, что те буквально вылетели на низкий берег. Поглядывая на них, Вожников довольно щурился – две дюжины разъяренных мужиков с тяжелыми веслами... Монахам не позавидуешь!

Наверное, сейчас можно было бы и уйти, поискать Альму и остальных жонглеров, однако любопытство оказалось сильнее осторожности: не сильно отставая от рыбаков, Егор прокрался кусточками и затаился в барбарисовых зарослях, с большим интересом глядя на разворачивающееся действие.

Рыбаки налетели на монахов, не особенно-то и выясняя, что к чему. Для этих простых славных парней и так все было ясно, а потому не стоило зря выжидать, раз уж решили проучить захребетников да отстоять свои сети.

– А вот тебе, гадина, получай! Н-на!

Прибежавший первым здоровенный плечистый мужик с такой силой звезданул монаха по хребту, что весло не выдержало, сломалось.

– Ай! Ай! – завопил брат Дитмар – судя по выроненным башмакам, это был именно он. – За что?

– А вот уберите ваши паршивые руки от наших снастей! Ни черта не получите!

– Да что говорить? Бей их, парни! Вот вам, вот... Получайте!

Монахи, конечно, пытались протестовать, правда, их никто не слушал.

– Да не нужны нам ваши дрянные сети! Мы тут ведьму ловим.

– Ага, говори, говори... ведьму. Что-то не вижу я тут никаких ведьм, а вы, парни?

– И мы не видим...

– Так из-за вас и сбежала! Подождите, еще будет вам на орехи.

– Слышали? Эти толстобрюхие охотники за чужим добром нам еще и угрожают?

– А еще они называли наши снасти – дрянными!

– Вот, сволочи!

Монахи все же были не столь глупы, как казались. Почуввав, что дело пахнет хорошей трепкой, «охотники за чужим добром» побросали свои дубинки и, приподняв рясы, побежали к городским воротам с такой скоростью, что за ними едва поспевали невесть откуда взявшиеся собаки.

Пару раз самонадеянным бедолагам еще перепало веслами... ну, а потом рыбаки просто не смогли догнать братию, да не особенно-то к этому и стремились – главное, сети-то отстояли, прогнали вражин.

– А лихо мы намяли этим жирнягам бока!

– Да уж – долго будут нас помнить!

– Как бы аббат не осерчал, парни.

– А что аббат? Договор-то был! А кто его нарушил? Уж точно не мы.

– Тем более настоятель с епископом давно во вражде живут – какие-то луга не поделили или выгоны.

Дождавшись, когда эти столь славные люди вернутся обратно к лодкам, князь тоже покинул свое укрытие и задумчиво огляделся по сторонам. Фургончик жонглеров, кажется, покатило туда... ну да – вверх по течению.

Егор еще недолго поискал башмаки, да, не найдя, плюнул – алчный монах брат Дитмар, похоже, прихватил их с собой, из рук не выпустил. Вот же паразитина, теперь ходи из-за него босиком. А что делать?

– Эгей! Подожди, а!

Услыхав за спиной звонкий голос, молодой человек обернулся, увидев позади Альму. Раскрасневшаяся от бега девчонка, однако же, улыбалась очень даже довольноно:

– А здорово мы этих каплунов проучили! Верно, Георг?

– Верно.

Несмотря на всю свою худобу, юная циркачка выглядела вполне миленько, и мужское платье – узкие чулки и короткая курточка ей очень шло. Если бы еще остричь длинные медно-каштановые локоны – так и совсем бы сошла бы за мальчика... Хотя нет, не сошла бы – двигалась-то не по-мальчишески грациозно. И еще – глаза, какие у нее были замечательные глаза – большие, блестящие, светло-карие, с затаившимися в уголках золотистыми чертиками.

– Ты так смешно говоришь, Георг, я даже не все понимаю. Ты, верно, с севера?

– С севера, – махнул рукой князь. – Я, по-моему, говорил уже.

– А по-моему – нет! Я что-то не помню.

– Вы, значит, из Констанца, – нагнувшись, молодой человек сорвал росший в траве колокольчик и с галантным поклоном преподнес его Альме. – Вот, моя прекрасная дама – вам!

– О, благодарю вас, благороднейший рыцарь, за столь чудесный подарок, который... который... – девушка неожиданно расхохоталась, смешно наморщив лоб. – Забыла! Как дальше – забыла.

– А, так это из пьесы, – догадался Егор. – Так вы и театральные представления даете?

– Да, – Альма скромно опустила ресницы. – Устраиваем иногда мистерии, а еще у нас кукольный театр.

– На все руки мастера!

– Ну да. Я, например, акробатка, и еще могу играть на виолине, старик Корнелиус – клоун, Иоганн – ты его тоже видел – ходит на ходулях. Еще есть Готфрид, возчик, он ухаживает за мулами и иногда поет, а мой брат Айльф – жонглирует ножами. И так ловко у него получается! Впрочем, я тоже могу.

Альма снова потупилась – видать, все же скромничала:

– Ты так на меня смотришь, Георг!

– Как? – срывая ромашку, засмеялся князь. – На вот тебе еще цветочек.

Юная циркача расхохоталась:

– Так у меня скоро будет целый букет. Или венок. Пока до кибитки дойдем, как раз и насобираю. Ну, не смотри так, ладно?

– Да как я смотрю-то? – всплеснул руками Егор. – Объясни, сделай милость.

– Ты смотришь на меня, как на глупого мальчишку, – девушка обиженно отвернулась. – Или – как свою на младшую сестру... глупенькую такую, забавную. Я и в самом деле смешная?

Губы девушки задрожали – вот-вот расплечется, слез только здесь еще не хватало.

– Что ты, что ты, – поспешно замахал руками беглец. – ты очень красивая, Альма... нет, честное слово, красивая, всеми святыми клянусь! Хочешь, еще подарю цветочек? Вон какой красивый, смотри... Василек!

– Опять шутишь! Вот, увидишь еще... Ой! – циркачка вдруг осеклась, искоса взглянув на своего спутника, и, как бы между прочим, поинтересовалась: – Ты ведь меня проводишь до нашего возка, правда? А то вдруг монахи опять нападут – они ведь меня за ведьму приняли. Это все потому, что я в мужском платье, а это большой грех. Но я же акробатка и не могу выступать в юбке, вот и приходится... Так ты проводишь?

Князь улыбнулся:

– Конечно, провожу. Не переживай, никто к тебе по пути не пристанет.

– А потом мы вместе поедem в город, – обрадованно покивала девушка. – Готфрид с Айльфом уже, верно, заждались. Мы будем выступать, а ты посмотришь, вот увидишь, как весело!

– Не сомневаюсь, – ухмыльнулся Егор, снова сорвав для Альмы цветочек. На этот раз – клевер.

– Да что я, корова, что ли?

Кибитка обнаружилась чуть выше по реке, километрах в трех от ворот Рыбаков и отмели. Сдавленная скалистыми утесами река здесь казалась куда более бурной, а растительность вокруг – куда более скудной: низкая, выжженная солнцем, травка, желтоватые кусты дрока, да несколько сосен – пиний.

– Эге-гей! – увидав фургон, обрадованно закричала девчонка. – Корнелиус! Иоганн! А вот и мы явились!

Оба жонглера – старик и подросток – смазывали заднюю ось повозки дегтем, но, услышав крик, разом обернулись.

– Альма! – Корнелиус радостно распахнул объятия. – Иди же сюда, моя девочка, дай мне тебе обнять.

– Это Георг, – обнявшись со стариком, циркачка кивнула на князя. – Ну, вы его знаете. Хочет с нами в город – посмотреть.

– Э... – молодой человек хотел было протестовать – уж больно ловко эта, мягко говоря, несколько взбалмошная девчонка приняла за него решение.

В город! Ага. Волку в пасть! Впрочем, оставаться здесь, на пустынном берегу, тоже было чревато – если беглеца уже ищут, так могли объявить по площадям приметы, а одинокий путник непременно привлечет внимание... хотя бы тех же рыбаков или окрестных селян, да мало ли!

– Да-да, поеду с вами в город, – решительно кивнул Егор. – Только мне бы высушить одежду... или у вас, может, найдется чего?

– Ой, я ведь тоже мокрая! – Альма запоздало ойкнула, похлопав себя по бокам. – Прямо как с гуся – вода. Так и льется. Иоганн, миленький, дашь мне свои штаны? И рубашку? Я б, конечно, и в юбке могла – но мне же выступать, правда.

– Да бери, – буркнул парень. – Мне что, жалко, что ли? Только вряд ли у нас что-то есть на Георга... разве что только из того, в чем мы играем мистерии.

В это Вожников и облачился. В концертный костюм, так можно сказать – разноцветные – красно-синие – шосссы, этакие колготки с толстыми кожаными подошвами, длинную, на манер римской тоги, накидку странного рыжеватого-зеленого цвета и не менее странную шапку, больше напоминавшую клоунский колпак.

Увидев беглеца в таком виде, Альма ахнула и поспешно прикрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться. Впрочем, Егору нравилось – в таком наряде его не узнала бы родная мать и даже налоговый инспектор – что уж говорить о Вандервельде и его людишках?

– Ну, что? – взгромоздившись на место возницы, оглянулся старый Корнелиус. – Теперь можно ехать?

– Да-да, поехали, – забравшись в фургон, крикнула Альма. – Только, бабушка...

– Что еще-то?

– А давай нынче не через ворота Рыбаков, а хотя бы через Птичьи или Святого Якова...

Старый жонглер удивленно хлопнул глазами:

– Так это же круг какой!

– Ничего, что круг, бабушка. Главное, там монастыря по пути нет – я же в мужском платье, все монахи плюются, обзывают ведьмой.

У Соборной площади жонглеров, как и уговаривались, встретили их собратья – Айльф и Готфрид, уже подыскавшие удобное для выступления местечко недалеко от рынка, по дороге к монастырю Святых Ульриха и Афры.

– Там и ехать удобно – в объезд, – сменив старика Корнелиуса за вожжами, пояснил Готфрид. – По главным-то улицам только благородные господа могут себя позволить ездить. Остальные – голь-шваль – прочь, брысь, гнусная сволочь!

– И у нас так же, – высунувшись из кибитки, охотно поддакнул Вожников. – Мигалки всякие, крикалки, эскорт... так и ездят. Все равно что на лбу себе написать – «ВОРЮГА»!

– Ой, а это наш спаситель – Георг, – Альма кивнула на князя и рассмеялась. – Он нам здорово против монахов помог. Потом расскажу, ага.

– Правда, от ворот Рыбаков они нас все равно погнали, – тяжело вздохнул старый жонглер. – Нынче вверх по руке встанем.

– Все им нейдет, – покачав головой, Айльф неожиданно подмигнул Егору. – А что, Георг, я так понимаю – ты на наше представление решил взглянуть?

– Да решил. А вы что – против? – Вожников напрягся, ожидая чего-то неприятного не столько лично для себя, сколько для своих планов.

Атлет улыбнулся:

– Да нет, мы-то не против, друг Георг. А вот как бы для тебя это потом боком не вышло, сам же знаешь, как к нам церковь относится.

– Не выйдет для него боком, – махнула рукой Альма. – Он же не здешний – с севера, по разговору не слышите, что ли?

Пригладив волосы, Айльф покивал, тоже забираясь в кибитку:

– А, с севера. То-то я и смотрю. А к нам зачем? Паломник, студент?

С любопытством обернувшись на шпиль собора Святой Девы Марии, Вожников едва сдержал улыбку:

– Студент я... бывший, да.

– Ага! – девчонка обрадованно хлопнула его по спине. – Так я и знала – наш брат, бродяга! Дядюшка Корнелиус, а давай Георга к нам в труппу возьмем!

– Это если он сам захочет.

Фыркнув, старик подогнал мулов, и кибитка, свернув за угол, покатила к видневшемуся на холме монастырю с высокой, выстроенной на итальянский манер колокольной и мощными стенами, сложенными из серого дикого камня.

– Может, все-таки не стоит дразнить епископа? – покосившись на колокольню, Корнелиус придержал мулов. – Может, где подальше встать?

– Где подальше, дядюшка, там и народу меньше, – запрокинув голову, хохотнул Айльф. – Да не слишком там монастырь и близко, забыл, что ли?

– Да помню.

Старый жонглер подогнал мулов, сворачивая в сторону рынка. Там циркачи и встали, невдалеке, на небольшой круглой площади с римским фонтаном, проворно превратили кибитку в сцену и привязав мулов к росшему рядом тополю, от которого – до старого платана – дружно натянули канат.

– Ну, теперь смотри, Георг! – потеряв руки, Корнелиус подмигнул князю. – Может, что и понравится.

Быстро на лицо маску, старик взял в руки небольшую лютню и, взобравшись на «сцену», ударил по струнам:

– Не проходите мимо, добрые люди, добропорядочные бюргеры и славная молодежь, мастера и подмастерья, хозяева и служанки, поглядите-ка, задержите ваш шаг, затаите дыхание, представление начинается! А ну-ка, сможет ли эта девчонка дойти по канату во-он до того дерева? Не свалится ли?

Не особенно избалованный зрелищами народ быстро окружил жонглеров, люди ободрительно щелкали языками, прихлопывали и что-то выкрикивали.

– Эй, эй, давай, девчонка, не трусь!

– Упадешь, так мы тебя поддержим!

– Ой, братцы, до чего же она худая! Я сперва думал – парень.

– А тебе, Герман, пухленькую Жизель подавай? О, грудь у нее пышная. Как две дыни!

– Ай! Смотрите, смотрите – шатается! Ой!

Дойдя до середины каната, Альма действительно замедлила ход и как-то неуверенно замахала руками. А потом и свалилась! Правда, не до конца – ухватилась за канат руками, подтянулась и, отвесив затаившим дыхание зрителям грациозный поклон, пошла себе дальше до самого тополя, где и спрыгнула наземь под шумные аплодисменты присутствующих.

– Ай, девка! Ай, молодец!

– Эй, Герман, а твоя Жизель смогла бы по веревке – вот так?

– Да на нее никакой веревки не хватит, даже самой лучшей, из русской пеньки! Только ступит – оборвется любая.

Раскланявшись, Альма вновь подбежала к тополю, но облаченный в жилетку умопомрачительной расцветки, сшитую из разноцветных лоскутков, Иоганн догнал ее, схватил за руку и, тряхнув белобрысой челкой, обернулся к заинтригованно притихшей толпе:

– А что, если мы ей завяжем глаза? А, добрые люди? У меня вот и лента есть... Может, вот ты завяжешь?

Жонглер обратился к высокому толстогубому парню в бархатной синей куртке и кожаных башмаках, с пухлым кошельком на поясе:

– Давай, давай, завяжи!

– А что, и завяжу! – подбадриваемый соседями, губастый взял ленту. – Уж так завяжу, крепко! Нипочем ничего не увидит. Ага! Вот.

С завязанными глазами юная акробатка на ощупь взобралась на дерево и, нащупав ногами веревку, пошла под нарастающий рев толпы.

– Иди, иди, девчонка, ага!

– Ой, да он ей завязал плохо!

– Ага, а ты сам-то хоть и с открытыми глазами – пройдешь?

Снискав бурные овации, девушка уступила место своему старшему братцу: мускулистый, обнаженный по пояс Айльф поднимал и жонглировал разными тяжестями: запасными тележными колесами, бочонками, даже старой наковальней! Сменившие его Готфрид и Иоганн ловко перекидывались зажженными факелами, а в перерывах старый Корнелиус развлекал народ забавными песенками из жизни разных социальных групп: больше всего доставалось на орехи монахам и богатырям.

– Так их, так! – одобрительно смеялись собравшиеся. – А песню о Лисе знаете?

«Пеня о Лисе» была представлена в лицах: хмурый Готфрид играл скупого богача, Иоганн – злого стражника, Айльф – доброго молотобойца, а ловкая и подвижная Альма – хитрого Лиса. Стоя на краю сцены, старик Корнелиус громко объявлял, где происходит очередное действие:

– А вот мы на лугу, там тучное стадо и небольшая полянка. А вот он, наш лис... А вот и стражник! Не догнал, не догнал!.. Вот крепкий дом богача Толстеуса, у-у-у, сколько в нем добра: серебряная посуда, скользящие в руках ткани, огромные сундуки, полные золотых монет. А вот и сам хозяин – жадно пересчитывает свои богатства! Смотри, не ошибись, толстопуз!

Длящуюся всего-то минут десять пьесу народ принимал лучше всего: и смеялся, и хлопал, и щедро кидал денежки в большую, подставленную Корнелиусом кружку, из которой старый жонглер сразу же после выступления отсыпал треть воинам городской стражи. Просто подошел и, не говоря ни слова, отсыпал в подставленный стражником в серой кольчуге мешочек, наверняка заранее приготовленный. Ну а как же? Всем кушать хочется, всем кормиться надо – это в средние века хорошо понимали.

Пока собирали кибитку, Альма с Иоганном сбегали, купили на рынке припасов – едва успели, поздновато было уже, сумерки над головами сгустились.

– Пора, пора, – старик Корнелиус сурово погонял мулов. – Пошли, но-о, пошли-и-и! Нам еще за городом сколько ехать.

– А неплохо мы сегодня заработали, правда, дядюшка? – прижалась к старому жонглеру Альма.

– Неплохо, да, – старик откликнулся не очень-то весело. – Правда, стражникам пришлось куда больше дать... и на воротах так же придется.

– А что такое?

– Просто больше их нынче, ловят кого-то, – чуть помолчав, пояснил старый жонглер.

– Ловят, дядюшка? А кого?

– То ли поляков... то ли чехов... то ли вообще – татар. В общем – чужаков каких-то, – махнув рукой, Корнелиус обернулся к чутко прислушивающемуся к беседе Вожникову:

– Эй, Георг, не твой брат-студент что натворил?

– Не, – тут же улыбнулся Егор. – Среди нашего брата татар нету.

– Ты все же смотри, молчи больше, – старик предупреждающе покачал пальцем. – Узнают по выговору у ворот – хлопот не оберешься. – У нас ведь как? Сначала похватывают кого попало, а уж потом разбираться будут. Стражник сказал – по всем постоянным дворам вестники посланы, по деревням, селеньям. Награда немалая обещана – целых пять дукатов!

– Пять дукатов! – ахнул белобрысый Иоганн. – Мы и за полгода столько не заработаем!

– Заработали бы, – Айльф вдруг нахмурился и с ненавистью сплюнул на дорогу. – Если бы лишние рты не кормить. А то стражникам на площади – дай, у ворот опять же – дай, аббату – дай... А он еще и людей послал – нас выгнать. Мало дали, что ли?

Корнелиус обернулся:

– Вообще ничего не давали. Не успели просто.

– А-а-а, тогда понятно, – атлет задумчиво почесал выбритый до синевы подбородок. – Как бы с нас и в верховьях не взяли. Тамошня-то земля, она ведь тоже – чья-то!

– Да кому они вообще нужны, эти пустоши? – со смехом дернулась Альма. – Нет, ну, правда – кому?

Брат с нежностью прижал ее к себе и погладил:

– Э, не скажи, сестренка! Нынче нет земли без хозяина. Нет!

Айльф как в воду глядел: в верховьях реки, на пустоши, едва жонглеры успели развести костер, как к ним сразу же подошли двое, представившись слугами некоего барона фон дер Леха, и попросили плату за пользование землей и водой в размере дюжины серебряных монет, без собой правда разницы, чьих – мы, мол, ежели что, так сами на господских весах взвесим.

– Нет, ну надо же! – не выдержав, возмутился Готфрид. – Двенадцать грошей требуют! Да на любом постоялом дворе возьмут вполтину меньше!

– Может, и так, господин, – один из слуг – кривобокий, лет сорока – скривился. – Но ведь здесь-то вы не одни – и повозка, и мулы... К тому же вы ведь можете ловить и рыбу.

– А откуда мы вообще знаем, кто ваш господин и чья эта земля?

– Сейчас воины прискачут – узнаете! Ага!

Вожников было напрягся, однако до воинов местного барона, слава богу, дело не дошло – за восемь кельнских серебряных грошей все-таки сговорились.

Слуги ушли, а Готфрид, усевшись к костру, продолжал бурчать – все же считал, что восемь грошей за такое гиблое место – много:

– Нет, вы только послушайте! Рыбу они нам разрешили ловить – да рыба тут сто лет не водилась, одни, прости, господи, жабы! А заработали-то мы – не очень... Эх! Нам бы пьес побольше...

– Хотя бы одну, но хорошую, – поддакнул Айльф. – Через две недели праздник – день святой Афры. С хорошей-то мистерией нам был разрешили где-нибудь на окраине выступить. А по праздникам и на окраине народу полно, тем более – в день святой Афры!

Быстро поужинали купленными в городе припасами – парной телятиной по полтора гроша за фунт, двумя большими жареными линиями за два с половиной гроша, да хлебом, да с луком, да еще запили вином – ужин не так уж и дешево обошелся: землекопу, к примеру – почти что сутки за такое работать.

Вожников уснул вместе со всеми, под телегою – в повозке спала Альма и старик Корнелиус, остальные – вот так, на подстеленной мешковине, на травке. Да и неплохо – здесь, в Южной Германии, ночи стояли теплые, сухие.

Сразу уснув, Егор проснулся среди ночи от громкого кваканья лягушек и потом долго не мог уснуть, ворочался, пока, наконец, не провалился в звенящую черноту сна.

– Хватайте его, вот он!

Хозяин постоялого двора – чернобородый, с хищным оскалом, мужик – выхватил из-за пояса нож, позади маячили дюжие слуги с дубинками, а у ворот – четверо воинов в блестящих, надетых поверх кольчуг панцирях, с короткими алебардами и в круглых открытых шлемах. Хорошие доспехи – они везде в Европе во время Столетней войны подешевели в разы, теперь почти любой рыцарь мог себе позволить экипироваться как следует. Полный доспех – латы – еще формировался, еще – особенно в Германии и восточных землях – в цене были кольчуги... такие, как на этих. Черт! Еще один! С арбалетом!

Солнце вроде было, жара летняя... и вдруг – дождь... капли дождя, хмурое осеннее небо. А вот уже – снег: падает и тут же тает, а под ногами чавкает жирная грязь.

– А ну-ка, парень, нож брось!

Это они ему, Егору... Князю великому!!! А им до черта, что князь.

– Теперь руки вытяни... ага...

Вот и веревки. Схватили, связали – довольные все, щурятся... еще бы, деньгу от Ван-дервельде срубили нехилую. Вон он, гад голландский стоит, ухмыляется, бацинет под мышкой держит, сука! А солнце-то, солнце – садится пожаром... режет глаза! Господи... Это же не солнце! Огонь! Лижет, лижет лицо... плавит кости, и кровь уже в жилах кипит! Костер! Аутодафе! Рядом так же пылает Ян Гус – не ко времени реформатор... Боже! Боже! Горячо! Больно-то ка-ак! А-а-а-а!!!

Закричав, Вожников проснулся, выкатился из-под телеги и некоторое время лежал на спине, глядя в звездное небо. Господи... снова видение! И смысл его – более чем ясен, кто бы сомневался? Егор ведь собирался идти... неважно куда... в Чехию пробираться или в Бранденбург, на север... И вот, оказывается, чем весь его путь закончится, так толком и не начавшись. Костер!!! Черт побери, костер... Ну, как же так? И что делать? Видениям своим князь привык доверять – никогда они его еще не подводили, не возникали на пустом месте. Значит – ясно – схватят, по какой бы дороге ни шел. И что теперь? Затаиться на какое-то время здесь, в Аугсбурге? А на какое время? Что было в видении? Сначала – явно – лето, потом... Потом – осень, зима... Значит, до весны беглеца точно искать будут! Значит, продержаться до весны. А как? Что делать, где и на что жить? Пока-то, наверное, можно и с жонглерами – главное, им как-то помогать, не быть лишним ртом. Надо что-то придумать... что? Ах, как же душно!

Егор спустился к реке, разделся, нырнул в бурные воды, ощутив, наконец, желанную прохладу... и не только прохладу – холод! Выскочил на берег – зуб на зуб не попадал, видать здесь, в верховьях, несшие в речку воду ручьи с горных склонов просто не успевали нагреться. Однако ж холодно... Брр!!!

– Что, тоже не спится, Георг?

Услыхав девичий голос, молодой человек быстро отступил за какой-то куст. Хоть и ночь – да луна, звезды, не так уж и темно.

– Душно как, – спустившись к воде, Альма наклонилась, зачерпнула ладонями воду.

Напилась, умыла лицо:

– Жарко. Ты, я смотрю, купался?

– Купался, – тихо отозвался Егор. – Ты только не вздумай – холодно!

– Холодно? – девушка обернулась, как показалось князю, с какой-то затаенной насмешкой. – В самом деле?

– Да-да. Тебе вряд ли понравится.

– Но тебе же понравилось.

– Так я с севера...

– Ну вот и я... искупаюсь.

Потянувшись, Альма, ничуть не стесняясь, мигом скинула с себя всю одежду и не торопясь вошла в воду... поплыла... нырнула...

Черт!

Так не показалась! Там же ручьи... ноги свело и...

Больше не раздумывая ни секунды, Вожников бросился в воду, нырнул... распахнул глаза... ну, где же она? Где?

Вынырнул... Альма уже плыла рядом!

– Действительно, холодно. Я уже и замерзла.

– Так вылезай на берег, чудо!

Девчонка и в самом деле была сейчас, как чудо... чудо, как хороша! Изящная, легонькая, хрупкая... но эта хрупкость вовсе не производила впечатления беззащитности, наоборот, казалась обманчивой – такой же, как у дамасского кинжала или меча. И вовсе она не худая, нет. Модель!

– Слушай, мне и в самом деле холодно, милый Георг. Обними меня за плечи... согрей.

Призрачный свет луны, отражаясь в блестящих глазах юной акробатки, рельефно подчеркивал всю красоту ее тренированного гибкого тела: тонкую талию, стройные сильные бедра, изящную вогнутость пупка и грудь – маленькую, но упругую... которую так хотелось обхватить рукой... что князь и сделал, и услышал в ответ:

– Да! Я хочу этого, Георг... пожалуйста...

На месте Вожникова тут никто бы не устоял, не винил себя потом и Егор: просто забыл в этот момент обо всем: и о далекой супруге, о том, кто он вообще такой и зачем здесь... Были двое. Плыла над головами луна... Нежная теплая кожа в капельках холодной воды... в быстро высыхающих капельках. Короткий вздох... Выдох. Соленый вкус поцелуя... тонкий, трепетно изящный стан... плечи... бедра... Манящее ощущение прикосновений... и – огонь! Внезапно вспыхнувшее пламя! В широко распахнутых глазах девушки серебром взорвалась луна...

Альма стонала, изгибаясь, и запрокинув голову, смотрела невидящими глазами в усыпанное золотыми звездами небо. Вокруг пахло жимолостью и мятой, и двое лежали в траве, в серебряном лунном свете тела их казались скульптурами.

– Как славно, – прильнув к Егору, девчонка заглянула ему в глаза.

– Согрелась? – глядя Альму по спине, прошептал князь.

Циркачка поцеловала его в губы:

– Согрелась, да... Хочешь, погадаю тебе?

– Может, не надо?

Вожников и в самом деле этого не очень хотел, опасаясь колдуний со времен бабки Левонтихи, с того самого момента, когда – исключительно по собственной вине! – оказался в прошлом. Опасался... и вместе с тем когда-то надеялся с помощью колдуний вернуться. Увы, не вышло.

– Давай, давай, вот, посмотри мне в глаза... нет, нет, не смейся... Ой...

Девушка неожиданно отпрянула, словно бы увидела вдруг в глазах Егора нечто странное и страшное. Даже задрожала, и кожа ее покрылась мелкими пупырышками.

– Ну, ну, милая барышня, – Егор растер Альме кожу между лопатками. – Ты и впрямь, что ли, замерзла?

– Нет, – рассеянно отозвалась девчонка. – Просто я... просто мне... мне показалось вдруг, что ты – чужой.

Князь посмотрел на звезды:

– Так я и есть чужой – с севера.

– Нет, нет, не с севера... не знаю, как и сказать... совсем из далекого далека. Поверь, я это знаю, чувствую – моя родная тетушка была колдуньей... три года назад ее сожгли на костре.

– Еще что ты про меня скажешь? – улыбнулся Егор.

– Еще? – Альма вдруг рассмеялась, снова прильнув к любовнику всем своим горячим телом. – Еще скажу – что ты добрый. Очень-очень добрый – я тоже это чувствую, знаю. И еще знаю... – девушка вдруг погрузилась, почти до слез, и тихо продолжила: – Еще знаю, что нам с тобой не быть вместе. Никогда! Просто – вот сейчас, здесь... недолго.

– Ты хорошая девушка, Альма, – так же тихо прошептал князь. – Добрая, сильная, смелая... Как ринулась мне на помощь, а!

– Но ты же оставался один, а их – много. Как же было не помочь?

– Вот я и говорю – смелая. Вы, кажется, пьесу собирались ставить? Ну, это... мистерию.

– Пьесу? Ах, да... – юная акробатка засмеялась. – Хотелось бы, но...

– Могу вам в этом помочь, – тут же заявил молодой человек. – Я же этот... драматург, клянусь всеми святыми! Драматург.

Глава 5

Драматург

– Драматург? – щурясь от утреннего солнышка, недоверчиво переспросил Корнелиус. – Ты, Георг – драматург?

Егор пожал плечами:

– Ну да, а что в этом такого? Некоторые студенты изучают юриспруденцию, некоторые – богословие, иные – медицину... Так и я – драматургию изучал. Короче, могу вам поспособствовать с пьесой! И даже в ней сыграть... конечно, не главную роль, а так, на задворках где-нибудь – принеси-подай.

– Дра-ма-тург, – все еще не веря, по слогам повторил старый жонглер и, обернувшись, повысил голос: – Эй, вы там! Наш Георг драматург. Слышали?

– Так это славно! – тут же подскочил Айльф. – Ко дню святой Афры мы уж точно разучим пьесу, мистерию! Неплохо заработаем, ага!

Бросив возиться с колесом, к костру подошел вечно угрюмый Готфрид и, шумно высморкавшись, осведомился:

– Позволь спросить – у кого же ты учился, любезный Георг?

– У многих, – не раздумывая, соврал Вожников. – По книгам, правда. Аристофан, Вергилий, Данте, Франсуа Ви... впрочем, нет, этот еще не родился, по-моему...

– Кто не родился?

– Один... очень талантливый человек. Так вам нужна хорошая пьеса?!

– Да!!! – хором отозвались все.

– За две недели?

– За две недели.

– Сделаем! – обнадеживающе хохотнул Егор. – Что нам стоит дом построить – нарисуем, будем жить. Только вот что – обещайте во всем меня слушаться...

– Клянемся святой Афрой!

– И еще надо будет прикупить костюмы и реквизит.

– И за этим не станет дело, дружище Георг! Лишь бы вышло.

– Выйдет, не сомневайтесь, – поднявшись на ноги, Егор важно поклонился и тряхнул головой. – Думаю, «Ирония судьбы» нам как раз подойдет. И забавно, и реквизита много не надобно...

– Что нам подойдет, дружище?

– Ну уж не «Семнадцать мгновений весны» – точно! Говорю же – «Ирония судьбы»... «С легким паром», короче.

– С легким... паром... ага...

– Кстати, я с вами сегодня не поеду – здесь подожду, над пьесой подумаю. Ну, что смотрите? – Егор оглянулся, глядя на заинтересованные лица своих новых друзей. – Поезжайте. Удачи!

– Э-э... господин Георг, – покусав губу, неожиданно промолвил Готфрид, – Может быть тебе... вам... нужна чернильница, перо, бумага... не самая дорогая, конечно, но... местную, аугсбургскую-то, мы вполне сможем купить, тем более, я думаю, не так-то много ее и надо, бумаги... Ага?

– Купите, Готфрид, купите, лишней не будет.

Рассеянно махнув рукой и еще раз пожелав уличным артистам удачи, Вожников уселся у костра и с видом только что осененного музой поэта задумчиво посмотрел в небо... Хо!!! Самолет! Пассажирский лайнер, какой-нибудь «Боинг» или «Эрбас»... точнее – след от него... Нет! Просто облако. А похоже!

Весь день Егор приспособливал рязановский сюжет к местным реалиям, и вроде бы, на первый взгляд, получалось неплохо, уж по крайней мере, куда лучше, нежели давно уже забытый ремейк «Ирония судьбы-2». Повеселее как-то, тем более что князь решил вставить в пьесу побольше эротических сцен – народу нравится! – особенно в эпизод «баня» так и просились женщины, тем более сейчас, в средние века, городские бани выполняли функцию публичных домов – лупанариев, а кроме этого, также служили и просто для раскрепощенного общения мужчин и женщин. Время от времени озабоченная сильным падением нравственности горожан церковь эти бани-лупанарии закрывала... и тогда среди вечных подмастерьев и прочего небогатого холостого люда резко возрастало количество гомосексуальных контактов... приходилось бани снова открывать, уж тут точка в точку – «по многочисленным просьбам трудящихся». Вот в такой-то бане и начинало разворачиваться действие...

– Ха-ха-ха! – держась за бока, покатывались со смеху возвратившиеся к вечеру жонглеры. – Ой, держите меня! Так что же та булочница? Так вот и сказала – «Зайчик ты мой»?! А в Нюрнберг кто должен был ехать? А! Тот монах... понятно. И с булочницей у них дома похожи... так они везде похожи, что здесь, в Аугсбурге, что в Нюрнберге, что в каком-нибудь Любеке. Отличная пьеса, Георг! Только вот до конца мы ее вряд ли доиграем.

– Как это не доиграем, дядюшка Корнелиус? – «драматург» обиженно приподнял брови. – Поясни!

– Поясню, – со вздохом кивнул старый клоун. – Праздник-то – церковный, не какой-нибудь языческий, а у тебя тут – баня! И этот еще, пьяный монах на речной барке. Епископ и так на нас зуб имеет, это уже не говоря про аббата. Не, такую – не дадут доиграть.

– Ничего, – подумав, Вожников согласился со всеми доводами. – Переделаем, коли уж на то пошло, время есть.

На следующий день новоявленный драматург приступил к делу, уже вооружась пером, чернильницей и двумя дюжинами листов чудной аугсбургской бумаги ценой по полфлорина – на взгляд Вожникова, слишком дороговато. Бумажные мельницы принадлежали монастырю Святой Магдалены, конкурентов в этом сегменте экономики пока еще не было, так что цену аббат ломил – будь здоров – не кашляй! И все равно выходило куда дешевле пергамента.

Подумав, Вожников без особого сожаления выкинул из сценария эротические сцены, – все-таки день святой Афры, а не Валентина, да и дополнительных актрис – девок из того же лупанария – нанимать выходило дороговато, раздевать же в угоду толпе Альму князь не хотел – да и мало кому понравилось бы тонкое тело юной акробатки. Иное дело – развеселые девки из городской бани – упитанные, плотные, с грудями, как дыни.

С распределением ролей Егор управился быстро, заменив разбитную булочницу скромной вдовицей – Альмой, а пьяного монаха – на лекаря, коего должен был играть Иоганн. В роли Ипполита, на радость аугсбургским женщинам, блистал атлетически сложенный Айльф, он же играл и одного из друзей, второго – а также и маму главного героя – воплощал в жизнь старик Корнелиус, третьему другу – Готфриду – досталась роль практически без слов. Только пить. Правда, уже не в бане, а в корчме, куда четверо друзей заглянули обмыть предстоящую помолвку.

Две недели пролетели незаметно, как студенческий триместр – не успели глаза со сна протереть, а уже сессия! Жонглеры перед праздником волновались – все же такую длинную пьесу они играли впервые, пригласив на предварительный просмотр одного из помощников бургомистра – тот пришел в полный восторг и долго бил себя по ляжкам, восклицая:

– О, майн гот!

«А ведь мог бы – и „Дас ист фантастиш!“ – расслабленно подумал Егор. – Ежели бы эротические сцены не убирать».

– Хорошо, очень даже, очень, – мотал головой ратман, допивая второй кувшин вина, заботливо купленный Готфридом специально для этой цели. – И забавно, и... без всего такого лишнего. Хорошо!

Роль суфлера взял на себя сам режиссер, он же давал краткие пояснения, где именно происходит действие – декорации в те времена были понятием более чем условным, да иди еще, попробуй, купи на низ сукна да краски – цена-то кусается ого-го как! Какая-то паршивенькая красочка модного цвета ультрамарин – флорин за унцию! Заработная плата местного «офисного планктона» за целый месяц, и то если без штрафов и добровольно-принудительных выплат на подарки боссу! Жирная свинья – и та всего три флорина стоила, а тут просто немного краски... Ах-хренеть!

– И вот мы в Нюрнберге, в доме вдовы... – утробно вещал из-за кулис Егор. – Вот ее сундуки, полотенца, накидки... Вот она идет – скромная красавица в простом платье... – тут молодой человек обернулся, жестом позвав Альму. – Давай! И котелок возьми, польешь Иоганна водой...

– А-а-а-а! Зачем ты меня поливаешь, женщина?

– Зачем поливаю? Ах ты, худой пес! Подожди, вот я сейчас возьму дубину, да отколочу тебя так, что спина затрещит!

– Верно, вдовушка! – радостно вторили зрители. – А ну-ка, намни ему бока!

– Теперь ты, Ипполит! – Вожников повернулся к Айльфу. – Готов?

– Угу.

– Ну, ни пуха.

Под аплодисменты зрителей на сцене появился запомнившийся многим красавец атлет, и князь запоздало подумал, что именно ему и нужно было поручить главную роль. Ему, а не тощему подростку Иоганну. Впрочем, и так все шло неплохо.

– Ах, какой прекрасный подарок, милый! Эти благовония... ах... я давно о таких мечтала. И у меня для тебя кое-что есть. Вот... смотри.

– Чудная бритва, любимая! И какая острая... ею можно запросто разрубить горла сразу трем сарацинам!

Спектакль прошел на ура, причем, Вожников и не ожидал иного – все-таки классика. Собравшийся в честь дня святой Афры народ отличался щедростью, и заработанных бродячими артистами денег оказалось раз в пять больше, чем обычно, что, естественно, радовало сейчас всех, даже вечно хмурый Готфрид – и тот улыбался.

По дороге к бивуаку заглянули на рынок, а потом еще прошлись и по лавкам – благо денежки позволяли – накупили себе подарков и хорошей еды с вином, закатив по возвращении настоящий пир.

– Ну, как мне, идет? – радостно кружась вокруг костра, Альма приподняла подол платья из добротного аксамита цвета морской волны. На рукавах и кое-где по подолу желтели шелковые вставки – для красоты и демонстрации определенной зажиточности: не каждому горожанину по карману такое платье!

– Славно, славно, сестренка! – хлопнул в ладоши Айльф. – Красавица ты у меня, ага!

– Да ну тебя, братец, – девушка фыркнула, отвернулась, но все же – видно было – похвала пришлась ей по вкусу, и это заметили все... кроме вдруг погрузившегося в какие-то свои мысли Егора.

Набравшись храбрости, белобрысый Иоганн даже толкнул его локтем:

– Эй, Георг, дружище. Правда ведь, наша Альма – красавица?

Князь дернул головой:

– А? Что? Ах да, ну, конечно – красавица, кто бы спорил. И пояс ей этот весьма к лицу, видать – новый.

– Да у меня не пояс, платье новое! – обиженно ахнула девчонка. – Кручусь тут, кручусь... а вы...

– Вот и хватит крутиться, – старый Корнелиус разлил по поставленным кружкам вино из большого кувшина. – Садись к нам, Альма, выпей. Неплохо мы сегодня потрудились, слава святой Афре!

– Святой Афре... и – нашему Георгу! – подняв кружку, продолжил слова старика Айльф. – Добрую пьесу сочинил, ага!

– За это и выпьем.

– Ты чего такой грустный, Георг? – выпив, атлет удивленно воззрился на князя.

– Да я не грустный, – не очень-то вежливо отмахнулся тот. – Просто кое о чем задумался. Есть одни мысли...

– Что за мысли? – Корнелиус подвинулся ближе. – Верно, хочешь податься в родные места, а? До весны-то подожди, денжат подкопишь – мы после Аугсбурга сразу в Констанц вернемся, там не бедные люди живут и денежки кидают охотно. Заработаем!

– Вот и я про то думаю, – неожиданно улыбнулся Егор. – Как нам еще больше заработать. Куда больше, совсем другие деньги, нежели нам на площадях бросают... совсем другие.

– Грабить никого не пойду! – сурово заявил Готфрид. – За такие дела, знаешь, и повесить могут.

Вожников удивленно приподнял брови:

– А я вам что, грабить предлагаю?

– Так ты же сам сказал – совсем другие деньги, так?!

– Так, да не так, – уже не сдерживая смеха, князь махнул рукой. – Не так, как ты почему-то подумал, славный дружище Готфрид! Не будем мы никого грабить... другие способы есть. Вот что! – посмеявшись, Егор продолжал уже на полном серьезе: – Сейчас ведь в городе все лавки работают, так?

– Так. Праздник ведь – вот и торгуют.

– Тогда мне надо в город – чего зря время терять? Тем более купцы сейчас радостные, податливые...

– Да мы же только что из города! – ахнула Альма. – И ты снова собрался. Зачем?

– Подстричься хочу, – Вожников подмигнул девчонке и снова рассмеялся. – А то ты у нас такая красивая, а я вот оброс – бородатый, косматый – страх один!

– Да не такой уж страх, – девушка тоже расхохоталась и, покрутив на пальце локон, предложила: – Давай, я тебе подстригу, ага?

– А ты умеешь?

– Спрашиваешь!

– Да ты не бойся, – хохотнул Айльф. – Голову от шеи не отстрижет... хотя – может... если захочет.

– Да что ты такое, братец, говоришь-то!

Альма и впрямь сносно владела ножницами, и подстригла князя «в кружок» довольно быстро и ловко, ну, а щетину Вожников уж сбрил сам, после чего, достав писчие принадлежности и листок бумаги, расположился на старом пне.

Видя такое дело, жонглеры удивленно переглянулись:

– Ты же в город собрался... вроде.

– Собрался, – прищурившись, князь склонил голову набок, глянув на своих новых знакомцев и уже, можно сказать, сотоварищей с этакой хитрецей. – Только сперва о горожанам хочу кое-что узнать. Вы ведь не первый раз в Аугсбурге?

– Ха! Тысяча первый!

Вожников потер руки:

– Замечательно! Вот и расскажите мне о сих уважаемых бюргерах – о купцах, владельцев рядков и лавок, ну и мастера, если сами торгуют, подойдут тоже.

– Ого! – присвистнув Айльф, сдвинув на затылок шапку. – А ты знаешь, сколько здесь таких, дружище Георг? Рука писать устанет!

– Ничего, как-нибудь разберусь. Да! Вы мне только тех называйте, кто с умом дела ведет, дураков пока не нужно.

– Однако, – покачав головой, Корнелиус снова потянулся к кувшину, разлил. – Интересно, зачем тебе умники?

– Узнаете, – подняв кружку, хохотнул князь. – Кстати, от вас тоже кое-что потребуется... по ходу пьесы, само собой.

В город Вожников отправился не один – Альма и Иоганн изъявили желание составить ему компанию. И в самом деле, почему бы и не прогуляться в столь чудесный праздничный денек? Ни Иоганн, ни Альма так, как другие жонглеры, не пили, а если и захмелели, то лишь слегка: для хорошего настроения – в самый раз, а вот для тупого сна с раскатистым храпом – явно маловато будет.

– Ну, пошли, пошли, раз уж так хотите, – накинув на плечи летний плащ, Егор махнул рукою. – Вместе-то все веселей.

– Вина там купите, – поднял голову уже разлегшийся на солнышке у повозки Готфрид. – А то наше-то, чувствую, очень скоро закончится.

– Хорошо, возьмем, – Альма со смехом пригладила волосы. – Еще что-нибудь?

– Да ничего. Вино, главное, не забудьте.

Они шли, весело смеясь и дурачась, и путь показался князю довольно коротким – не заметили, как уже и показались ворота Рыбаков, широко распахнутые, с гостеприимно поднятой решеткой – праздник! Пей, гуляй, веселись!

– Вот вам, ребята, в день святой Афры! – подойдя, Альма без всякого стеснения сунула стражникам по серебряной монетке.

– Спасибо, красавица! – ухмыльнулся в рыжие усы дородный, в кольчуге с нагрудником, воин с алебардой на длинном древке. – Обратно сегодня пойдете?

– Угу!

– Можете особенно-то не торопиться – до полуночи ворота открыты будут. Праздник!

Девушка всплеснула руками:

– Вот славно! Вот и мы повеселимся, на людей посмотрим... Это хорошо, милый Георг, что ты нас с собой взял! А то сидели бы сейчас у телеги, ковыряли в носу или спали бы. Верно я говорю, Иоганн?

– Ага! – с готовностью кивнул подросток. – Уж тут-то мы точно повеселимся.

– А вот и нет! – пряча усмешку, Вожников резко оборвал обоих. – Сначала дело сделаем, а уж потом веселиться будем... может быть.

– Может быть?

– Ла-адно, не злись, девочка! – расхохотался Егор. – Пошутил я.

Достав из-за пазухи свернутый в свиток листок, он зачитал вслух:

– Итак, первый в списке – некий Вольфганг Эйке, торговец тканями... живет он на улице Менял, в том же доме – и лавка. Ну, что смотрите? Идем! Вы же город куда лучше моего знаете.

Друзья проболтались по делам почти что до темноты, кроме торговца тканями Вольфганга Эйке посетив еще ювелира Генриха Штольца, а также герра Адольфа Браве, кузнеца по ножам и бритвам, заглянули в мастерскую мебельщика Хамстера Кунца и побывали еще у полдюжины не менее почтеннейших бюргеров славного города Аугсбурга. Кто-то смеялся, кто-

то задумался, но большинство все же заключили соглашение с некой «жонглерской» организацией «Корнелиус АГ».

Все трое сильно устали, но все же остановились на освещенной факелами соборной площади – поплясать под игру уличных музыкантов. Повеселиться – за тем ведь и пришли! Князю казалось – он и шагу уже не может ступить, и это он-то – тренированный и выносливый воин, что уж было говорить о его юных спутниках? Однако нет – едва заиграла музыка, как усталость тут же ушла, растаяла без следа. Да и музыканты играли так, что ноги сами собой в пляс пускались. Волынка, флейты, лютни, бубны...

Ай-ля-ля, ай-ля-ля...

Что-то типа «Бони М» или приснопамятной «Белой верблюдицы» из репертуара знаменитой ордынской певицы и танцовщицы Ай-Лили.

Заглянув Вожникову в глаза, Альма обняла его за плечи:

– Давай вместе! Покружим, ага.

Обхватив юную циркачку за талию, князь закружил девушку так, что отражавшиеся в ее карих глазах факелы превратились в длинную золотисто-оранжевую полоску, войлочная шапка давно слетела с головы, потерялась где-то, и волосы, чудные каштановые волосы, растрепались по плечам... и князь наконец заметил, что это новое платье очень идет Альме, просто как по фигуре сшито, и...

– Пойдем, – шептала девушка в ухо. – Пойдем, а? Пора уже возвращаться... пойдем.

Пробираться вверх по реке в ночной тьме оказалось не таким уж и простым делом, несмотря на звезды и луну. Пару раз идущий впереди Иоганн уже спотыкался, падал, но, слава богу, все обошлось без травм. Егор и Альма часто останавливались, целовались и шли дальше, лишь услышав озабоченный крик Иоганна:

– Э-эй! Ну, где вы там?

Костер уже едва тлел, а из-под повозки доносился густой и довольный храп.

– Есть будешь, Иоганн? – присев к костру, обернулась Альма. – Тут еще рыба осталась.

– Завтра, – юноша потянулся и устало зевнул. – Пойду-ка я спать, вот что.

– Вот и хорошо, – прошептав, девушка взяла князя за руку. – Пойдем и мы, да? Нет, нет... не в повозку, там же Корнелиус... вон туда, к реке.

Они медленно спустились вниз, обнялись, поцеловались, Егор чувствовал, как тяжело дышала девчонка, как обольстительно вздымалась под тонкой материей ее грудь. Ах, эти глаза... губы... И шепот, едва слышный шепот, таящий нешуточную страсть.

– Подожди... я сниму платье... Ой, нет... без тебя не справлюсь – завязки...

Альма повернулась спиной, и молодой человек на ощупь развязал тонкие шелковые ленточки, стягивающие лиф. Поцеловал девчонку в плечо, погладил по спинке... нежно поласкал набухшую грудь... С тихим шорохом упало под ноги платье... Оба повалились в траву, тесно прижимаясь друг к другу и чувствуя теплоту кожи... нет! Жар!

Качнулась в небе луна, побледнели звезды, и где-то за горами алой пока еще едва заметную ленточкой подобрался рассвет.

– Ой! – вздрогнула Альма. – Что ж, мы с тобой уснули... прямо здесь?

– Тебе неудобно, краса моя?

– Уютно. Только ты на моем платье лежишь... Ай! По мне ползет кто-то... прямо по спине, меж лопатками... верно – паук!

Егор хохотнул:

– Это пальцы мои, милая.

– Да? Тогда пусть ползут... ниже, еще ниже... ах...

Назавтра труппа Корнелиуса,ждавшись возвещавшего окончание рабочего дня трехкратного звона колокола собора Святой Девы Марии, принялась вновь окучивать горожан,

только уже несколько по-иному. Герр драматург внес в постановку некоторые дополнения, и ныне разворачивающееся на сцене кибитки действо выглядело примерно так:

– А вот перед вами, достопочтенные зрители – зажиточный дом вдовы, – вдохновенно вещал Егор. – Стены его обиты прекрасным темно-голубым бархатом ценою полтора флорина за локоть, приобретенным вдовой в лавке почтеннейшего и уважаемого всеми купца, председателя гильдии, герра Вольфганга Эйке! Вот и сама вдова, одетая в платье из белого дамаска, ценою два с половиной флорина за локоть, но купленного все у того же господина Эйке за гораздо меньшую цену – нынче скидки, мои господа!

Князь нарочно называл цены во флоринах – флорентийских золотых монетах – подобные же чеканились и в Венеции, так их называли дукатами (на востоке Европы – цехинами), делали их и на монетных дворах владетельных германских князей, и в вольных имперских городах, и называли просто и без затей – «гульдены» – «золотые». Но сказать «флорин» считалось куда круче – они в те времена котировались, как в современной России доллары.

– Ах, какие прекрасные благовония, – вдыхая, округляла глаза «вдовушка» Альма. – Где ты купил их, милый?

– Как где? – ахал «Ипполит» Айльф. – Конечно же в лавке славного купца герра Иоахима Миллера, что у Красных ворот.

– Видно, недешево обошлись тебе эти прекрасные благовония, милый мой?

– Сказать по правде, не так уж дорого – пять флоринов флакон...

Зрители при этих словах ахали: цена-то была та еще! Ничего себе – «недорого», скажем, лавочный мальчик на побегушках зарабатывал столько же в год!

– Но эти благовония действительно прекрасны и стоят этих денег! Ни один мужчина не устоит перед ними, ни один, клянусь святым Зимпертом, спасителем детей, день которого, как напоминает нам всем наш уважаемый епископ, уже в следующее воскресенье. А между тем кружки, повешенные в соборе Святой Девы Марии – пусты! А пора уже начинать опускать подаяние в честь благочестивого святого Зим-перта, пора!

– И у меня есть для тебя подарок, милый... вот.

Айльф чувственно прикрыл глаза и восхищенно свистнул:

– Какая чудесная бритва! И какая острая. Да ею же запросто можно зарезать дюжину сарацин!

– Еще бы, мой милый! Она же сработана в мастерской известного на всю Империю кузнеца Адольфа Браве, кстати – старосты цеха изготовителей бритв и ножей! В этой мастерской на улице Святой Урсулы можно заказать многое и по вполне умеренным ценам.

– Прекрасная бритва, ах! А что это блестит у тебя в ушах, дорогая?

– Как? Ты еще спрашиваешь? Да разве сразу не видно, что это серьги самой искусной работы нашего знаменитого ювелира Генриха Штольца?! Его лавка у монастыря Святой Урсулы торгует и по воскресеньям!

– По воскресеньям!!!

– Именно так! С разрешения господина епископа. Слишком много покупателей, знаешь ли.

– Ай-ай-ай... Ай! А что это за бродяга спит у тебя вон там, на сундуке?

– Не на простом сундуке, милый, а на сундуке из мастерской мебельщика Хамстера Кунста! Прекрасные сундуки, лари, дорожные саквояжи, а также стулья, кресла, скамейки и прочая мебель, как на заказ, так и на продажу – бесплатная доставка по городу на больших и удобных телегах! Всегда трезвые грузчики! Обращаться в любое время по адресу...

Вот так все и проходило. Задуманная Вожниковым кампания принесла свои плоды очень быстро – доходы рекламодателей за неделю возросли в целых три раза, соответственно, увеличились и гонорары артистов. Иоганн с Айльфом даже заказали себе самое изысканное платье с золотым и серебряным шитьем, пошитое в портняжной мастерской господина... тьфу! В

общем, приделались – то же касалось и Альмы, выглядевшей нынче не хуже настоящей принцессы.

– Вот он, шоу-бизнес-то! – издеваясь, хохотал по пьяни Егор. – Разбогатели! Зажрались!

Вообще-то, носить подобную одежду простолюдинам не позволялось – только всяким там князьям, баронам, герцогам и всем таким прочим, да и тем – каждому по своему статусу, однако же Аугсбург недавно купил себе звание вольного имперского города и нынче плевать хотел на все законы. Вот кое-кто этим и пользовался.

Ужас! Простолюдина от владетельного сеньора не отличишь! Позор и слом всех нравственных устоев.

Некоторые было кинулись жаловаться, да местный епископ горой встал за жителей – именно в его карманы поспешно введенный налог на роскошь и шел, чего бы не заступиться-то? Кровное дело!

Труппа старика... нет – почтеннейшего господина Корнелиуса уже к осени нынешнего, тысяча четыреста тринадцатого, года гремела на весь город, и уважаемые артисты давно не ночевали в кибитке, сменив ее на приличную корчму на тихой улочке Ратманов, невдалеке от ворот Святого Якоба. Айльф, Иоганн и все прочие уже давно не жонглировали, Альма не ходила по канату – все только играли пьесу – пока что одну – главную! – нынче приносящую нехилый доход. Однако же рано или поздно и сия гениальная постановка должна была приесться, и Вожников, предвидя такое, уже взялся за новый проект, не менее гениальный, задумав воплотить на кибиточной сцене целый сериал по мотивам знаменитой «Илиады». Постановка уже имела рабочее название, как принято было в средние века, довольно громоздкое – «Троянская война, или Похождения знаменитого проказника Гектора в обществе веселых и приятных девиц». Альма должна была играть Елену, Айльф – Гектора, Иоганн – Ахиллеса, а по поводу «девиц» князь уже вел переговоры с городской баней – чтоб отпустили своих б... ммм... б-банщиц, да. Пьесу сию Егор называл «мыльной оперой» и задумал сдобрить постановку изрядным количеством эротизма, для чего нужно было заручиться согласием епископа... что никакой проблемы не представляло – двадцать процентов от будущих доходов, и хоть все пусть на площади голыми скачут! А что? Папе Иоанну не до того – интриг хватает, да и сам-то он – бывший кардинал Балтазар Косса – личность та еще: прелюбодей, разбойник и пират.

Да, с епископом аугсбургским Альбрехтом можно было вести дела – сквалыжный, конечно, и жадный, не меньше, чем доминиканский аббат, отец Йозеф, но, в отличие от последнего – умный, и выгоду свою на десять шагов вперед просчитывающий. С умными людьми – пусть они и сволочи – уж куда приятней дела иметь, нежели с честным и порядочным дураком – тот уж если втемяшит себе что-то в башку, так никакой колотушкой не вышибешь!

Кстати, именно от епископа Альбрехта Вожников узнал о голландце Вандервельде, когда приходил к почтеннейшему прелату договариваться насчет банных девиц.

– Ты ведь с севера, Георг, да? – благословив преклонившего колена князя, негромко осведомился святой отец.

Вожников тут же помотал головой:

– Нет, падре, я из Константинополя.

– Наверное, генуезец? Или из Венеции?

– Нет – грек.

– Ага, ага... – сидя в высоком резном кресле, епископ – худой, в фиолетовой мантии из дорогущего шелка и гламурной, украшенной жемчугом, шапочке – бросил на посетителя пронизательный взгляд. – Приходил тут ко мне один... какой-то голландец, помощи в одном деле просил – мол, императорской важности дело!

– Голландец? – князь сделал вид, что задумался. – Нет, у меня таких знакомых нет.

– Некий Антониус Вандервельде, короля Зигмунда доверенный человек... – епископ неожиданно зло усмехнулся. – Императором себя мнит, чучело, к землям нашим присматривается...

– Это вы про голландца? – невинно переспросил молодой человек.

– Про какого еще голландца? Про Зигмунда же! – епископ Альбрехт скривил губы в ехидной улыбке и посмотрел на посетителя так, как смотрит на прогульщика-врунишку учитель, причем оба знают – кто и почему врет.

– Ты, Георг, вид-то не делай, будто не знаешь, что мы с королем-то не очень дружим... мягонько говоря, – попенял прелат.

Егор пожал плечами – мол, ваши дела, а я-то человек маленький. По всей Священной Римской империи Сигизмунда за императора где-то признавали, где-то не признавали, а где-то – да, признавали, но лишь формально. Сложные были в Германии властные отношения, собственно, и Германии-то никакой не было – так, конгломерат. Аугсбургский епископ императора недолюбливал – о том все знали, – даже именовал не по-латыни – Сигизмунд, а по простецки, на немецкий манер – Зигмунд.

– Да, насчет голландца, – вдруг вспомнил епископ. – Он все тут просил... даже не просил – требовал от имени императора...

– Ай-ай! – молодой человек скорбно покачал головой. – Какой негодяй!

– Вот и я говорю – наглец, каких мало, – согласно кивнув, отец Альбрехт снова пронзил посетителя взглядом и продолжал, не спуская с князя маленьких подозрительных глаз: – Просил помочь мне отыскать и арестовать одного человека с севера. Не сказал – кого именно – мол, не его тайна, но портрет описал точно.

– Да что вы!

Епископ прищурился:

– Ну-ка, подними, любезный Георг, голову да посмотри на меня... Ага, вот так...

– Не понимаю, святой отец, чем дело?

– Не понимаешь, ага... – прелат прищурился и зябко потер ладони. – Смотрю я на тебя и мысленно дорисовываю – бороду, космы... плюс – северный говор... Это же на тебя голландец охотился... пока я его из Аугсбурга не выгнал – слишком уж наглый. И – хоть и не дурак, но жадина та еще!

«Кто бы говорил!» – опустив глаза, подумал про себя Вожников, недоумевая – к чему бы вся эта прелюдия?

Впрочем, тут и думать было нечего – все ясно и так.

– Скоро праздник у нас, – негромко промолвил епископ. – Деньги понадобятся...

– Двадцать пять процентов! – враз сообразил Егор.

– Тридцать! – епископ прихлопнул ладонью по столу. – И ни медяхой меньше!

Князь неприязненно скривился: ишь ты, уже и до медях дошел, вот крохобор-то!

– Хорошо – тридцать, – поспешно согласился Егор. – Только... мало ли, возникнут какие трудности, так я могу обратиться...

– Можешь, можешь, сын мой! – прелат отечески развел руками. – Разве же я хоть когда-нибудь отказал тебе в аудиенции? Все в городе знают – любого приму, будь он хоть князь, хоть грязь, хоть вот, прости Господи, комедиант, как ты, Георг. Так что милости прошу, заглядывай.

– Спасибо за благословенье, отче.

Приложившись к униженной драгоценнейшими перстнями – какой-то там «Ролекс» не стоял и рядом! – епископской длани, молодой человек еще раз поклонился и вышел, в который раз уже восхищаясь умением прелата со всем изяществом и тактом обтяпывать свои личные финансовые дела.

Жадный, хищный, жестокий, епископ Альбрехт Аугсбургский, тем не менее, благодаря своему недюжинному уму и великолепному по тем временам образованию, имел репутацию

кристальной честности, щедрого и великодушного человека, истинного пастыря заблудших человеческих душ!

Да, принимал каждого, никому не отказывал. Только цену за аудиенцию брал, собака, такую, что многим потом икалось! Вот и сейчас за десять минут Вожников уплатил два флорина. Флорин, между прочим, стоил визит врача... так ведь и епископ тоже врачевал – только не тела, а души, вот и брал в два раза дороже, что где-то и справедливо, в общем-то.

Князь хорошо понимал, почему отец Альбрехт не отдал его Вандервельде. Не только потому, что ненавидел императора, тут еще был и изрядный денежный интерес – хитроумный епископ внимательно следил за каждым финансовым успехом. И всегда имел свою долю – что уж говорить: феодализм, как же без этого?

Вот и Егор тоже платил. Не зря, как выяснилось. Однако выяснилось и другое – князь сидел в Аугсбурге, словно в ловушке – Вандервельде, конечно же, разослал своих людей по всей округе: по всем постоянным дворам, по всем дорогам – покинуть город означало гарантированно попасть в его цепкие руки... о том же красноречиво свидетельствовали и видения.

Правда, и князь не сидел сиднем – действовал. Он уже отправил три письма на родину через купцов из Ростока, и по одному – всем курфюрстам... от имени Великого князя, разумеется. Написал да, так, на всякий случай, хорошо понимая, что ни один из адресатов – кроме, разумеется, родной жены и новгородского архиепископа Симеона – за чистую монету письмишки эти не примет. Великий князь Всея Руси – а передает послание через каких-то там купчишек, акробатов, жонглеров... Нонсенс! И это еще мягко сказано.

Правда, уже и здесь, в Аугсбурге, появились заделы на будущее – на то самое будущее, ради которого и пустился великий князь в столь опасное путешествие, оставив дома жену и маленького сына. Финансовая империя! Вот если бы удалось оплести денежными цепями хотя бы Германию! Вот тогда можно было бы говорить о реальном влиянии, вот тогда никто бы из курфюрстов не вякнул, не говоря уже о вольных имперских городах и прочих баронах-рыцарях.

В письмах-то Егор не только приветы передавал, но и просил прислать денег – золотишка, камней драгоценных – специальных людей для того отрядить, самых верных! И деньги те в дело пустить, а дело это уже сейчас устроить... и для того жонглеры, увы, не надобны. Надобно искать фигуру покрупнее... и такую фигуру Вожников уже обнаружил, проанализировав некоторые финансовые потоки – кто-то взял в долг, кто-то где-то поменял золотишко на серебришко и наоборот... и все это как-то мимо еврейской кассы, а ростовщицеством в те времена занимались почти исключительно евреи, а тут их подвинули, и у того, кто подвинул, деньги имелись серьезные. Подпольный миллионер! Местный аугсбургский Корейко!

Стоило с ним познакомиться, тем более что театрально-рекламный бизнес осенью начал давать ощутимые протечки, виной чему были объективный экономический закон спроса и предложения. Ну и конкуренция – куда же без нее-то? Местные жонглерские труппы давно уже сообразили, в чем причина феноменального финансового успеха «констанцких выскочек», и, беззастенчиво передрав все ноу-хау, принялись рекламировать все, что только было возможно, включая предметы религиозного культа: мощи святых, подозрительные, различной емкости, ковчеги со Святым Граалем и все такое прочее. И все – вот ведь хитрые гады! – исправно платили епископу, а кое-что – аббату.

То, что «гады» еще в августе сожгли фургон и пересчитали ребра Иоганну, это было бы еще терпимо, а вот резкое падение прибыли вполне могло поставить крест на дальнейшем существовании труппы. И поставило!

В один далеко не прекрасный момент Корнелиус пригласил артистов к себе, в закуток – жонглеры снимали весь второй этаж весьма приличной по местным меркам корчмы с полным пансионом – и, оглядев всех погрузневшим взором, молвил:

– За последнее выступление у нас денег – как в мае. Скоро снова в кибитке будем жить.

– Да-а-а... пошли дела-а-а, – неопределенно протянул Готфрид и, как всегда, нахмурился. – А я ведь предупреждал! На той неделе еще.

– Уезжать отсюда надо, – негромко предложил Айльф. – Домой, как и собирались ведь осенью. Так осень уже! Вот и поедем!

– Правильно! – тряхнув белобрысой башкой, Иоганн радостно поддержал коллегу. – Давно надо было ехать. Тут нас убьют всех скоро!

До того молчавшая Альма, поправив унизанный жемчугом воротник дорогого платья, встала и неожиданно улыбнулась:

– Уезжать да – надо. Но вовсе не из-за того, о чем сейчас сказал Иоганн. Дело в другом...

– В чем же?

– В Констанце ведь наверняка еще не ставят такие пьесы... Я спрашивала у наших купцов... Многие уже готовы платить! Но – в Констанце. Дома! Так что едем.

Взволнованно накрутив локон на палец, девушка посмотрела на Егора:

– Георг, ты с нами?

– Нет, – сказал, как отрезал, князь.

В конце концов, а чего ждать-то? Рвать так рвать, прощаться так прощаться. Тем более в Констанце ему по-любому нельзя – там император, да и люди голландца по всей округе – просто так из Аугсбурга не выберешься.

– Вы же знаете, у меня в Констанце могущественные враги... Я вам говорил уже, кажется.

– Да, говорил, – грустно кивнула Альма. – Потому я и спрашиваю, мало ли, вдруг ты все же надумал?

Вожников хмуро покачал головой:

– Нет. Хотя, поверьте, мне и грустно расставаться с вами.

– И нам...

– Тем более я научил вас всему... и еще дам кое-какие полезные указания, – молодой человек неожиданно подмигнул юной циркачке. – Альма, ты ведь обещала научиться читать и писать, нет?

– Умею уже! – скромно опустив глаза, девчонка даже покраснела от гордости.

Жонглеры очумело переглянулись:

– Альма умеет читать? И писать? Господи... неужели правда?

– А вы думали, я такая тупая, что ли?

– Тихо, любезнейшие господа, тихо! – успокоив всех, Егор вновь посмотрел на Альму. – Тебе я оставлю новую пьесу, покажу, что и как... Корнелиус, когда вы собрались ехать?

– Наш земляк Ульрих Трот, торговец тканями, как раз завтра собирается выехать. Вот и мы бы с ним – все веселее, да и безопаснее все же.

– Правильно, – улыбнулся Егор. – Тогда не будем сегодня работать. Просто закатим прощальную пирушку, ага?

Высказанную идею жонглеры подхватили с дружным энтузиазмом, напрочь прогнавшим всю грусть... лишь у Альмы глаза все равно были на мокром месте. Кстати, и юный Иоганн вроде как тоже всплакнул... впрочем, в те времена не стеснялись слез.

– Трудно нам будет без тебя, Георг.

– Ничего, прорветесь, мой мальчик... Главное – трудиться и... что?

– И не забывать делиться! – улыбнулся подросток. – Как ты и говорил – с сильными мира сего.

– Кстати, Иоганн... – князь вдруг вспомнил что-то важное, что-то такое, о чем как-то говорил мальчишка, и на что он сам почему-то не обратил тогда внимания. А следовало бы обратить!

– Слышь, мальчик... Помнишь, ты как-то обмолвился, что у кого-то занимал деньги?

– Так я совсем немного, – парнишка удивленно хлопнул ресницами. – Да почти сразу и отдал.

– А на что занимал, интересно узнать? – вклинилась в разговор Альма.

– На картинку, – почесав подбородок, юный жонглер опасливо посмотрел на девчонку. – Только ты не смейся, ладно?

– Да не буду. Что за картинка-то?

– А вот сейчас покажу!

Парнишка враз унесся в свой угол, вытащив из-под кровати дорожный сундучок, работы мастера... да пес с ним, с мастером, главное, что сундучок был удобным и весил-то всего килограмм десять (без поклажи, естественно) – настоящий дорожный сундук, такой и одному, при нужде, нести можно!

Видать, Иоганн давно хотел похвастаться, да прочему-то стеснялся... и Вожников сейчас понял – почему.

На пергаментном листе размерами примерно формата А-4 была изображена небесной красоты обнаженная девушка, чем-то похожая на Альму, только грудь побольше. Нимфа! Что и говорить – нимфа! Однако, кроме нимфы, по краям картины еще маячили достаточно натуралистично изображенные фигуры, мужские и женские... в таких позах, которых, по соображениям этики, никогда не мог бы себе позволить, к примеру, журнал «Плейбой», не говоря уже о «Максиме».

Такая вот средневековая порнография, причем – очень хорошего качества и нарисованная вовсе не без таланта, можно даже сказать – изысканно и добротнo.

Иоганн показал картинку с гордостью, как самый дорогой для него предмет, этакий фетиш:

– Вот!

– Ох ты ж блин! – цокнул языком князь. – Это кто еще?

Мальчишка повел плечом:

– Как это – кто? Святая Афра!

– Ах, святая... Одна-ако! – Вожников удивился еще больше и спросил про остальные фигуры.

– А это грешники, – не отрывая от картинки глаз, спокойно пояснила Альма. – В лупанарии все происходит, святая Афра, прежде чем принять крещение, гулящей девкой была. А потом приняла мученическую смерть за Христову веру.

– А, вот оно как, – протянул молодой человек. – Тогда понятно. И сколько ты за эту картину отдал, мой юный продвинутый друг? Если не секрет, конечно.

– Да никакой не секрет, – Иоганн пожал плечами. – Всего-то десять флоринов.

Егор подумал, что слышался:

– Десять?!?!

– Торговец-то просил дюжину, да я сторговал до десятки.

– Умный ты у нас...

– Вы только взгляните, сколько на ней золотой краски!

– Краски? – князь хлопнул в ладоши. – Да тут и без краски, я бы сказал, есть на что посмотреть... верно, Альма? Смотрю, ты глаз не сводишь.

– Красота какая! – с неким оттенком зависти негромко произнесла девчонка. – Блестит все... ах!

– Ну, вот, – подросток довольно улыбнулся и потряхнул челкой. – А вы говорите – десять флоринов!

– За такую красоту и дюжину не жалко отдать, – шмыгнув носом, Альма взяла парнишку за руку и, хитро прищурившись, попросила: – А можно я буду иногда у тебя эту картинку смотреть? Даже не брать никуда, а вот с тобой, вместе?

– Конечно, можно, – великодушно согласился Иоганн. – Мы же с тобой – как брат и сестра.

– Ой, и правда, – девчонка рассмеялась и, обняв юного жонглера за плечи, чмокнула в губы.

Вожников только головой покачал – вот она, волшебная сила искусства – да, чуть выждав, спросил:

– Так ты, говоришь, помнишь, у кого денежку занимал?

– Помню. Что же я, совсем без памяти? – Иоганн обиженно шмыгнул носом. – Правда, не знаю, как торговца зовут, но где он торгует – знаю, и показать могу. А зачем тебе это, Георг?

– Надо, – не вдаваясь в подробные объяснения, кратко пояснил молодой человек. – Так пошли, покажешь. А они тут пока поляну накроют...

– Э... какую поляну, Георг?

– На стол соберут, – Егор живенько накинул на плечи добротный зеленый плащ – хоть и солнечно за окном, а уже не лето – вот-вот и октябрь. – Ну, идем же!

– Надо так надо, – кивнув, согласился парень. – Картинку только вот сейчас уберу – и идем. Да недалеко тут.

Меняла, у которого юный жонглер занимал деньги, вовсе не маячил с весами на рынке, а скромненько торговал себе в лавке всякой скобяной мелочью – хомутами, подковами, дверными ручками, и визиту двух «достойнейших молодых людей» ничуть не удивился, хотя князь сразу с порога заявил, что вовсе не собирается здесь ничего покупать.

– Так вы, верно, хотите занять денег? – догадливо улыбнулся лавочник – невысокий, юркий, в смешной круглой шапке и с узким лицом, выглядел он довольно забавно, тем более – беспрерывно сыпал любезностями и время от времени кланялся... Однако глаза... глаза оставались холодными, подозрительными и такими... такими... в общем, не глаза, а экран игрового автомата!

– Что вы говорите? Случайно отдали амулет... ай-ай-ай... печально. И что за амулет? Старинный константинопольский солид? Действительно, монета редкая... Поискать? Что ж... наверное, это возможно. Эй, Бруно!

Хлопнув в ладоши, ростовщик вызвал из глубины лавки мальчика в кургузой бархатной куртке, темненький, с грустными карими глазами.

– Постой-ка у дверей, парень... Так вы...

– Да-да, мы готовы заплатить, и неплохо...

– Хм... – лавочник задумался. – Я, конечно, поищу... Но, возможно, придется подождать... до вечера.

– Это аванс, – отсчитав деньги, Егор расстроено покачал головой. – Вечером нам некогда будет. Вот если бы вы прислали своего мальчика с вестью – мы бы знали, приходите утром или, увы, нет.

– Хорошо, пришло, – тут же уверил торговец. – Говорите – куда, я слушаю.

Ближе к вечеру жонглеры, как и договаривались, устроили прощальный пир, где много было съедено разных изысканных вкусов, типа паштета из соловьиных язычков или фаршированных белыми грибами воробьев, тушеных в белом вине с шалфеем. Еще больше пили, уж от души: Вожников сильно подозревал, что вот так просто расслабиться среди родных людей ему еще очень долго не светит! А потому не стеснялся, хлебал белое вино кружками, а красное прихлебывал из тонкого, венецианского стекла, бокала.

Тем не менее опьянел гораздо меньше других – пили-то, чай, не водку, а слабенькое винишко. Первым сдался Корнелиус – махнул рукой, облобызал Егора, да, пошатываясь, пошел себе спать. Готфрид уснул прямо тут же, на столе, юный Иоганн – под лавкой, ушел в свой угол и Айльф, а вот Альма, как ни странно, продержалась куда дольше других, хотя и тоже нализалась изрядно... и кинулась приставать к Вожникову:

– Ах, Георг... обними, поцелуй же меня, ведь мы с тобой теперь не увидимся... быть может – никогда! Ты добрый человек, милый Георг, и умный, а я...

– Ты тоже умная, девочка... Спать не хочешь?

– Нет! Хочу с тобой... чтоб мы... как тогда, помнишь?

Вскочив на ноги, Альма собралась было стянуть с себя платье, да вот незадача – пошатнулась, упала бы, да князь вовремя подхватил девушку на руки, унес в постель, да чмокнув в нос, улыбнулся:

– Спи, чудо! Тоже еще, сексу ей захотелось... Тогда уж зачем было так пить?

– К-кто пил? Я? – осоловело приподнявшись на локте, Альма моргнула и, упав головой на подушку, тут же уснула.

Не выдержала, бедолага...

– Господин Георг, – подошел к столу корчемный служка. – Вас там спрашивали.

– Кто?

– Мальчик из лавки купца... з-забыл, как его...

– Бруно зовут?

– Купца-то?

– Нет, мальчика.

– Ага. Именно так он и сказал – Бруно.

– Так позови же его, не стой!

– Понял, господин Георг.

Поклонившись, слуга выбежал во двор и вскоре вернулся вместе с лавочным мальчишкой в смешной кургузой куртке.

– Вы просили зайти, г-господин, – чуть заикаясь, сообщил тот.

Князь широко улыбнулся:

– Просил, да. На вот тебе грошик.

– О, благодарю, достопочтеннейший го...

– Еще один такой хочешь?

– Угу, – обрадованно кивнув, отрок тут же вздохнул. – Но ваша потеря так и не отыскалась, мой господин, увы.

– И черт с ней, – Егор махнул рукой и, понизив голос, осведомился: – А тебя хозяин, лавочник, посылал к кому-то?

– Н-нет...

– Значит, не хочешь второго грошика, – с укоризной попенял Вожников.

Парнишка вскинул глаза:

– П-почему не хочу? Хочу.

– А что тогда врешь-то?

– Вру? Ой... – чуть помолчав, юный Бруно решительно тряхнул длинными, тщательно расчесанными гребнем – от вшей – волосами. – Да, посылал хозяин. У него самого есть... как и сказать-то...

– Свой хозяин, – охотно продолжил князь. – И кто же это?

– Некий Ганс Фуггер, владелец бумажейной мастерской и еще кой-чего. Нас, посланцев, встречает всегда в какой-нибудь корчме... Но я знаю, где он живет, проследил как-то, так что показать могу...

– Вот и молодец!

– А, раз молодец, так гоните, уважаемый герр, серебряху!

Глава 6

Воротилы

– Ну, будь здоров, Бруно, не кашляй! – кинув в подставленную ладонь серебряную монетку, Вожников показал мальчишке кулак и, предупредив, чтобы пареньшний раз глаза не пялил и не вздумал следить, зашагал к корчме с гостеприимно распахнутыми дверями, что располагалась на самом краю города, за монастырем доминиканцев, недалеко от ворот Рыбаков, с которыми в здешней жизни князя было связано так много...

Не слишком ли много воспоминаний? Не слишком! Ах, Альма, Альма... дай, бог, счастья тебе, девочка.

– Кого, вы сказали, ищите, достопочтенный герр? – почтительно переспросил слуга – дюжий молодец с кулачищами, словно две дыни, и квадратной мордой.

– Некогого господина Фуггера. Я знаю, он сейчас здесь, у вас.

– А... он вам назначил встречу?

– Конечно! – от возмущения князь сдвинул брови, однако счел нужным добавить еще кое-что. – Правда, мог и забыть, давненько мы с ним договаривались. А, чтоб вспомнил, ты ему, парень, скажи – дело, мол, бумажных мельниц касается, тех, что на Лехе-реке.

И вновь сверкнул серебром грош, полновесный, рильский. Он же – альбус, он же – «белый пфеннинг», который – по счетной системе – целых двенадцать геллеров весил.

– Напомню, – радостно сверкнув глазами, служка усвистел куда-то на второй этаж, правда, тут же вернулся:

– Забыл спросить, господин – как о вас доложить?

– Доложи – Георг из Кост... Из Конст... Из Константино...

– Понял – из Констанца, мой господин. Так и доложу. А я ведь бывал в Констанце!

«Иди, иди... – присаживаясь на широкую скамью перед большим столом, ввиду раннего времени пока что пустующим, ухмыльнулся про себя князь. – Бывал, ишь ты... Знал бы ты, парень, где я бывал...»

– Вас ждут, господин. Я провожу, идемте.

Вожников захохотал башмаками по лестнице, поглядывая на широченные плечи служки.

И что такая шайба в корчме делает? Плечищи – косая сажень, кулачищи – с голову, и на тебе – на побегушках, каждому грошику – пусть даже и «тяжелому» рильскому – рад.

– Вам во-он туда, герр Георг.

Ишь, имя-то запомнил, орясина.

– Вот...

Парняга как-то незаметно испарился, оставив посетителя один на один в небольшой комнатке с широким, забранным свинцовым, со стеклом, переплетом, окном и небольшим столиком, за которым сидел невидный собой человек неопределенного возраста, правда, скорее, молодой, нежели старый – и только это, наверное, и можно было о нем с первого взгляда сказать. Лицо тоже неприметное, какое-то... не сказать, что уродливое, но и не симпатичное, точно... впрочем, когда сидевший вдруг поднял свои оказавшиеся пронзительно-синими глаза и улыбнулся... А ведь приятный мужчина, вполне... И лет ему не очень-то много.

– Ну, здравствуйте, господин Георг, присаживайтесь. Не думаю, что вы из Констанцы.

– Доброго дня, герр Фуггер.

– Доброго, доброго... Так что вы там хотели сказать начет бумажных мельниц?

– Да ничего особенного, – усаживаясь в небольшое креслице, светски развел руками князь. – Просто землю в верховьях Леха я вчера перекупил.

– Что?! – Синие глаза ростовщика округлились, но он быстро взял себя в руки. – Перекупили? Хм... И что же вы теперь хотите?

– Хочу взять вас в долю, почтеннейший господин! – рассмеялся Егор. – Думаю, чего я один-то буду напрягаться, строить? Уж лучше с вами – на паях.

– Почему именно со мной? – не спуская с вошедшего настороженных глаз, тут же поинтересовался Фуггер.

– Потому что вы один из умнейших людей в этом городе, – умело интригуя, князь понизил голос почти до шепота. – Но даже и вы пока не знаете – что такое бумага, и сколько ее понадобится уже в самом ближайшем будущем! Раз в десять... нет, в сто раз больше, нежели сейчас!

Холодом сверкнули глаза:

– Вы, герр Георг, сказочник? А не вас ли я видел как-то с жонглерами? То-то я и смотрю – и голос мне ваш знаком, и акцент, выговор...

– С жонглерами – это я все придумал, – скромно признался Егор. – И, поверьте, поимел совсем неплохие деньги.

– Не сомневаюсь!

– Очень хорошо, что не сомневаетесь. А насчет бумаги – пока просто поверьте. Надеюсь, Гуттенберг еще не успел изобрести печатный станок?

Конечно, этот короткий разговор еще не стал ключом к появлению ЗАО «Ганс и Георг», но тропинка в ту сторону уже оказалась протоптанной, правда, идти по ней Егору пришлось ох как нелегко!

Явно заинтересовавшись, Фуггер назначил новую встречу, все здесь же, в корчме у ворот Рыбаков, на которой устроил набивавшемуся в компаньоны князю настоящий экзамен. И Вожникову пришлось попотеть да раскинуть мозгами, хоть он и на факультете «Бухгалтерский учет и аудит» учился.

Однако средневековая финансовая система – это что-то! При всей схожести монет – золотых и серебряных (расчеты и операции с золотом, кстати, мало кому позволялись!), нужно еще было учитывать некие довольно-таки интересные особенности, делающие банковское дело и вообще торговлю занятием весьма нескучным и для средних умов – попросту неприемлемым.

Во-первых, золото и серебро, кроме нарицательной, имели еще свою собственную стоимость, изнашивались и постоянно подвергались порче. Во-вторых – десятичной системы в Европе еще не очень знали – считали на дюжины, а на Руси и Восточной Европе – на «полсорока», та еще была морока! Ну, и в-третьих, счетная система – и реально денежная – это были две абсолютно разные вещи. К примеру, золотой рейнский гульден стоил три марки пять шиллингов, при этом гульден – реальная монета, а марки и шиллинги – у. е. – единицы чисто счетные. Были еще геллеры, денарии, альбусы, и разные счетно-конвертируемые системы: кельнская, рейнская, рильская...

Егору пришлось со всем этим разбираться, вникать... хорошо хоть Фуггер почему-то чувствовал к нему благорасположение, хоть и узнал, конечно же, что никаких участков под мельницы «герр Георг» не покупал.

– Я просто собирался купить, – с самой радушной улыбкой Вожников развел руками. – И уже договорился с местным бароном.

– Так-так, – покивал головой ростовщик. – А что вы там говорили о бумаге? Мол, спрос почему-то должен в разы вырасти. Я пока что не понимаю – почему?

– Сейчас поймете, – едва речь зашла о конкретном деле, князь сразу стал серьезным. – Я вам кое-что расскажу, некую идею озвучу...

– Идеи – хорошо, – герр Фуггер натянуто скривил губы. – Но к ним бы еще и кое-что материальное. Я так полагаю – потребуются деньги, но... кроме денег – что еще?

– Не что, а кто, – спокойно уточнил Егор. – Нужен хороший кузнец... быть может, ювелир даже, который бы смог работать с мелкими деталями, скажем, из свинца или олова...

– Есть такой Адольф Браве, да вы, должно быть, знаете...

Князь хлопнул себя по лбу:

– Ах да, да – и как я мог забыть? Но сей достойный кузнец, сколь помнится, специализируется на бритвах?

– Он что угодно может выковать, – заверил ростовщик. – Талант!

– Есть еще один талант, – Вожников задумчиво почесал голову, припоминая одну важную вещь. – Художник, он рисует некие картинки на божественные темы... весьма фривольные, к слову сказать. Отлично рисует, декорирует золотой краской.

– А, – ухмыльнувшись, перебил Фуггер. – Вот вы о ком. Я знаю его, да – действительно, незаурядный художник. Считайте, что и с ним договорились.

– И нужен бы хороший гравер.

– Таких в Аугсбурге много.

– Тогда слушайте...

Егор не просто рассказывал, еще, взяв лист бумаги и перо, чертил чертежи, так что к концу его выступления Ганс Фуггер уже достаточно хорошо представлял себе печатный станок – первый в Европе, за несколько десятков лет до Гуттенберга... правда, пока только на бумаге, но деньги на изобретение уже пошли – молодой ростовщик оказался парнем хватким.

Впрочем, и весьма недоверчивым:

– Сказать честно, не представляю пока – что и для кого мы будем размножать... или, как вы говорите – печатать?

Вожников пожал плечами:

– Для начала – Библию, что же еще-то? А потом и любовные романы запустим, и пьесы, и – те самые картинки, только их производство будет уже куда более дешевым. Понимаете, можно даже целые подшивки этих картинок выпускать – каждый месяц, с натуры кое-кого зарисовывать, рекламы давать...

– Что давать – я не понял?

– Ну, о товарах разных рассказывать – не за бесплатно, конечно.

– Ага, ясно. Хорошая мысль! А вы далеко не дурак, герр Георг, я это сразу почувствовал, иначе бы вообще с вами не говорил. Все хорошо!

– Еще бы!

– Только это все – в перспективе, пусть даже и в не такой уж далекой, – резко охолонул князя «денежный мешок». – Пока процесс наладим, пока продадим, пройдет... ну, месяца три, уж точно. А до этого времени... может быть, предложите еще что-нибудь?

– Конечно, предложу, – хмыкнул князь. – Вы только в Аугсбурге что-то покупаете-продаете?

– Не только, – Фуггер подозрительно сузил глаза. – И с ганзейскими городами торгую, и с Италией, с Константинополем даже – хлопок для бумагеи где я буду брать? Только на юге. В Константинополь или в Венецию его привозят из далеких восточных стран – а уж там мои агенты скупают.

– А кораблей своих нет?

– Пока нет. Но – думаю. А почему вы спрашиваете?

В синих глазах купца снова зажглось недоверие, складывалось такое впечатление, что его собеседник уже не раз пожалел, что связался с князем. И это впечатление нужно было менять.

– Паломники, – негромко произнес Егор. – Паломники, бродячие актеры, студенты... Дать им хорошую охрану, организовать – вы ведь все равно обозы без стражников не пускаете?

Герр Фуггер неожиданно рассмеялся:

– Ага, попробуй, без охраныпусти! И так-то по пути плачу каждому встречному-попечечному.

– А теперь и другие будут платить.

– Паломники и студенты?! Так это же народ пустой, нищий!

– А мы много брать и не будем... потому что их самих – много. Курочка по зернышку клюет, а тут побочный доход почти без всяких вложений – чего упускать-то?

– Упускать нельзя, да, – подумав, согласился торговец. – Так они же сами по себе ходят, разбойников не боятся – нищие, чего их грабить-то?

Князь сдвинул брови, постучав пальцами по столу, – они сидели все в той же корчме у ворот Рыбаков, где, собственно, и познакомились:

– Так надобно распустишь слух – мол, нападают и на нищих, хватают, угоняют в рабство. Ну, и людей нанять, с добрыми и мужественными лицами – днем они верные стражи, ночью – злые разбойники в масках. Чтоб паломники боялись! Чтобы вместе держались, чтоб к нам шли. И вот еще что... из Аугсбурга, скажем, в Констанц – какая дорога?

– Хорошая, римская, – прищелкнув пальцами, герр Фуггер попросил подбежавшего служку принести кувшинчик вина. – И дальше, на юг, такая же.

– Это славно, – Вожников довольно потер руки. – Надо будет по хорошим дорогам большие повозки пустить – чтоб ходили по расписанию, скажем, раз в неделю, возили бы людей.

– Думаете, будет спрос?

– Будет! – уверенно кивнул князь. – А не будет, так сформируем.

– Что сделаем?

– Вот журнал издавать начнем... ну, в смысле – картинки в переплете, там все и опишем.

Первый «междугородний автобус» – устрашающего вила колымага с большими колесами, запряженная четверкой неумомимых мулов – начал курсировать уже через пару недель, пока только по маршруту «Аугсбург – Констанц», однако два раза в неделю, по средам и пятницам, и по вполне приемлемой цене в десять грошей. Удобство первыми оценили паломники, особенно когда пошли дожди – под крышей-то путешествовать было удобно – сиди себе на мягкой соломе, спи, тем более что на римской-то дороге почти не трясло – легионеры на века строили, бюджеты не пилили, щебень с песком налево не пускали – смерть!

К весне следующего, тысяча четыреста четырнадцатого года компаньонам удалось почти все из задуманного, пока что исключая постройку собственного флота – дороговато было, да и венецианцы препоны чинили: этот вопрос предприниматели оставили на потом, пока что сосредоточившись на том, что уже начинало приносить неплохую прибыль.

Поставленные на реке Лех бумажные мельницы работали без перерыва, снабжая бумагой выстроенный здесь же печатный двор с четырьмя станками, число которых компаньоны планировали со временем увеличить до дюжины, а то и больше. Все легально, все по закону – напоив бургомистра и ратманов, зарегистрировали в ратуше цеховой устав, назначив старостой нового цеха печатников почтеннейшего герра Адольфа Браве, кроме умелых рук и безупречной репутации, еще имевшего обширные связи среди верхушки других ремесленных объединений.

Роскошно изданный экземпляр Библии на Пасху, сразу после мессы, торжественно преподнесли епископу Альбрехту, ему же каждый месяц выплачивали положенные пятнадцать процентов – за покровительство бизнесу, иначе здесь просто не умели вести дела – феодализм, что уж говорить-то!

К Пасхе же вышел и долгожданный номер журнала комиксов, обильно сдобренный рекламной почти всех уважающих себя бюргеров – вплоть до сапожников и устроителей блошинных бегов. Комиксы – это была придумка Егора, народ-то кругом почти сплошь неграмотный, печатное слово не разумел, а вот картинки рассматривал с удовольствием. Первый номер так и назывался «Святой Зимперт – спаситель детей» и имел подзаголовок – «для семейного просмотра», второй же выпуск – «Житие святой Афры до принятия веры в Господа нашего Иисуса

Христа» рекомендовался «только для взрослых» и разлетелся словно горячие пирожки, так что пришлось срочно печатать дополнительный тираж и анонсировать в следующем номере продолжение. Святая Афра-то ведь была проституткой, и ее «житие», почти полностью придуманное Егором и воплощенное в краски талантливым художником Гердтом Малером (кстати, автором той самой картины, так понравившейся Иоганну и Альме), содержало в себе легкую эротику, очень и очень красивую, что вызвало яростные нападки аббата... без особого труда отбитые «тяжелой артиллерией» – епископом Альбрехтом.

Не то чтобы аббат так уж сильно радел за общественную нравственность, его просто бесило, что пенки-то со всего дела снимал епископ, а не он сам.

«Турфирма „Паломник“», как Вожников называл созданное им транспортное предприятие, весной пополнилась еще двумя кибитками о шести колесах каждая (Грузоперевозки компании «Ганс и Георг». Всегда трезвые грузчики!), а также тремя экипажами класса «люкс» – легкими колясками на железных рессорах, рассчитанных уже на куда более состоятельных людей, нежели паломники и студенты.

К этим коляскам в рекламных целях «прицепили» комикс, посвятив путешествиям целый номер, обильно сдобренный эротическим картинками и описаниями различных красот и чудес в Констанце и Нюрнберге – туда тоже уже открылся маршрут, благодаря комиксам быстро ставший популярным у местной «золотой молодежи».

Дела шли в гору, но Егору было радостно не только от этого – еще в начале весны он получил с польскими купцами письмо от любимой супруги, а затем – почти сразу – и от архиепископа Новгородского Симеона, в котором тот хвалил «княгинюшку нашу Елену» за строгость и решительность «в важных государственных делах».

Послание же Еленки, окромя обязательного «сиропа», типа – люблю, жду, надеюсь и «мне без тебя плохо», содержало еще и четкие инструкции, как вести себя мужу в отдалении от жены и вообще – «в краю чужом и опасном».

«Женок же гулящих – пасись, хоть то, я понимаю, трудно, однако же можно болезнь нехорошую поиметь. Путешествующим одиноко или долгое время в иных краях без семьи живущим лучше молиться беспрестанно, иль, уж в самом крайнем случае – женку простую найти, купить на базаре служанку добрую – цена им шестьдесят золотых монет, большие платить не нужно».

Сие вполне открытое предложение несколько озадачило князя и даже вызвало к жизни некие дурные мысли на предмет верности дражайшей супруги! А если и она так вот... купит кого-нибудь? Ишь, цены-то уже знает. Хотя нет... то – позор для женщины, а мужчине ничего, наложниц иметь можно, а человеку знатному – и нужно даже, в том зазора ни мужу, ни жене нет – и Еленка то хорошо понимала, все-таки немало времени провела на востоке, в Орде.

«Все письма твои, любезнейший супруг мой, я получила, – писала княгиня дальше. – Миша растет славно, не болеет... Черчение твоё, что во втором письме прислано, я кузнецам переправила – те станок печатный изладили, и уже первую книжицу отпечатали – Азбуку».

– «Азбуку», – умиляясь, тихо повторил князь. – Вот, молодцы какие! Не то что мы тут – одни комиксы гоним в погоне за золотым тельцом.

«Также сообщаю, любимый, что большие баркасы – как ты хотел – ходят по Волхову до Ладоги и обратно каждую пятницу и среду, а когда большая ярмарка – ежедневно. О других делах: москвиты воду тайно мутят, но покуда, силы нашей убоясь, сидят смирно, на Заозерье я летом собираюсь – могилкам родным поклониться, да проверить – как оно там? Все же – родина. Да! Приезжал из Орды муж ученейший именем Карим Заурбек, хотел с тобой поговорить насчет векселей да бумажных денег, кои бы и мы у себя на Руси, и они бы в Орде, вместо золота да серебра принимали, ибо уже невозможно купцам монет всяких изрядную толику за собою возить. Да не везде еще их и получишь монеты-то, товар на товар бедолаги меняют, часто и не нужный, покуда деньгу где найдут».

– Здесь, в Европе, так же, – вспомнив разговор с Фуггером, усмехнулся Егор. – Права Еленушка – пора ассигнации вводить.

«Теперь – об уборных».

– О! Это правильно! Самый, пожалуй, важный вопрос. Гигиена!

«Указ я, о благодетельный муж мой, самый строгий издаю, чтоб всем, даже и малых усадьбах выгребные ямы устроить, а у кого нету – тех пребольно батожьем бить».

– Да-а, – взяв со стола недопитую кружку с вином, князь восхищенно присвистнул. – Вот ведь, слава тебе, Господи, повезло мне с женой. И красива – глаз не оторвать, и ума – палата, хотя, между прочим – блондинка. Впрочем, обидные про блондинок анекдоты – завистницы сочиняют, а дураки мужики – подхватывают, особенно когда какую-нибудь юную златовласку за рулем крутой тачки видят. Обидно им, понимаете ли, завидно! Нет чтоб искренне восхищаться красотой двойною – и машинной, и женской – они ведь того стоят, наверное... А об уборных... Неплохо бы и здесь – батожьем! Очень даже неплохо – подкинуть идейку епископу?

«А еще, по римскому древнему примеру, трубы в землю кладем – уборные с водосливом ставим, пока, правда, не каждому то по силам. В общем, работаем».

Егор закашлялся – вдруг сдавило грудь, до слез, почти до рыданий... Ленка. Ленка... Когда же увидимся-то? Хотелось бы верить, что – скоро. Скоро... Но время-то идет – вот бы и не расставаться больше!

«В общем, работаем» – это ж, его, Егора, фраза, княгинюшка ей от мужа своего научилась. Как и следующей, в письме последней – *«Люблю. Жду. Лена».*

А сексуальную проблему – права женоушка премудрая! – нужно было как-то решать. Князь, как и любой здоровый мужик, похаживал, конечно, в баню, но туда и приезжие частенько заглядывали – а что они с собой принесут, чем наградят банных дев? В Италии, между прочим, сифилис – почти эпидемия, это уже не говоря о чем попроще. Ничего пока еще толком лечить не умели! Вожников, правда, надеялся на свои видения, но... все же предпочел бы подстраховаться. Именно так и поступить, как мудрая супруга советовала, она вообще много чего советовала, и устно, и – вот сейчас – в письмах. Все муженька направляла, считая вполне искренне, что без нее Егор бы совсем пропал, сгинул.

Так Вожников и поступил уже в ближайшее воскресенье – отстоял вместе со всем местным истеблишментом обедню, получил благословенье епископа, из собора Святой Девы Марии на улицу вышел... и ноги сами повели его к бане...

Была там одна такая рыженькая... ой!

– Нет, шалишь, дьявол!

Оглянувшись, молодой человек перекрестился на острый шпиль собора и решительно повернул к рынку, где и остановился в задумчивости перед торговцем людьми, уважаемым синьором Винченцо Фразой из славного города Турина.

– Хотите верного помощника, слугу? – Купец – живой, черноглазый, подвижный – по воскресеньям вел торговые дела лично. – Могу порекомендовать вон того парня, всего за семьдесят флоринов!

– Семьдесят? – машинально переспросил Егор. – А его случайно зовут не Аристотель? Или, может быть – Пифагор? Платон?

Итальянец расхохотался:

– Хорошо, синьор! Только для вас – пятьдесят.

– Да мне, в общем-то, слуга и не нужен – я служанку ищу, – несколько смущенно признался князь. Он всегда почему-то смущался, когда покупал рабов.

– А-а-а! – обрадованно воскликнул работородец. – Так бы сразу и сказали, мой господин! Вот, смотрите, очень хорошая девушка, белошвейка... Десяносто флоринов!

– Ой!

– Восемьдесят пять.

– Да мне не нужна белошвейка, я обычную, простую служанку хочу купить. Найдутся у вас такие, уважаемый герр?

Синьор Фраза приложил руки к груди:

– О, не сердитесь, друг мой! Уверяю вас, что-нибудь стоящее всегда подберем. Вот, к примеру...

Он обвел рукой невысокий помост с выставленными для продажи рабами:

– Вы, господин, помоложе желаете?

– Да уж не старую.

– Угу... Тогда эти! Эй, вы, – сюда.

К краю помоста подошли три совсем уж юные девочки лет по тринадцати, и Вожников разочарованно махнул рукой:

– Не, таких молодых мне не надо.

– Всего шестьдесят флоринов, учитывая доставку и налог с продаж, – вкрадчиво пояснил купец. – А если надумаете брать сразу трех – отдам за сто пятьдесят!

– Нет!

Молодой человек чувствовал себя как-то противно, даже подумывал бросить всю эту затею да пойти, к черту, в баню – авось с сифилисом пронесет! Нехорошо, нехорошо стоять вот эдак, выбирать – все же живые люди, не роботы...

– А это кто там у вас сидит, горюет?

Князь вдруг натолкнулся взглядом на сидевшую у помоста девчонку в рубище и – в отличие от всех остальных – в массивных железных цепях, уже натерших несчастной запястья до крови. Темно-рыжие космы, опущенное в обнятые руками коленки лицо.

– А-а-а, это Лерба, мы ее Кошкой прозвали, – неприятно усмехнулся торговец. – Я ее с берберского корабля купил. Поначалу злющая была – ужас! Я уж думал – нипочем такую злюку не продам, да ведь ничего, и не таких обламывали. Всего-то малость постегали кнутом да отдали на ночь слугам, а потом снова постегали, вот...

Нагнувшись, купец приподнял одетую на девчонку жилетку, обнажив смуглую спину в белесых рубцах. Невольница не прореагировала на это никак – даже лица не подняла.

– Я честный человек, уважаемый, – оглянувшись на Вожникова, негромко произнес итальянец. – Это вам всякий скажет. Вот и сейчас – если вдруг надумаете брать, так смотрите – что! Впрочем, вы с ней легко справитесь, если у вас сыщется хорошая плеть... Честно сказать, у меня уже спрашивали про нее какие-то монахи... видать, решили исповедать несчастную, обещались завтра прийти.

Девчонка вздрогнула, видать, расслышала, что сейчас сказали.

– Ну, ты сиднем-то не сиди, Лерба, лицо-то яви, не то живо у меня получишь, тварь!

Звякнув оковами, рабыня подняла лицо, сверкнув блестящими зелеными глазищами... тут же погасшими.

Остренький подбородок, тонкий изящный нос, лоб... для канона средневековой красоты низковат... Красивые зеленые глаза...

– Рот открой, тварь! Покажи господину покупателю зубы.

Белые ровные зубы...

– И сколько вы за нее хотите!

– Что вы, господин, – замахал руками купец. – Даром отдам... почти. Пятьдесят пять флоринов!

– За ту, которую еще нужно воспитывать?

– О, многим людям этот процесс нравится, господин. Вот и тем монахам я как-то подобную тварюшку продал... теперь они за новой пришли. Брат Дитмар, брат Фридрих и прочая братия из доминиканского монастыря.

– Ладно, беру... Сейчас пришлю слугу с деньгами, а вы пока упакуйте товар.

– Что сделать?

– От цепей-то освободите, ну. Надеюсь, она не сбежит по дороге?

– Не сбежит, – поджав губы, уверил почтеннейший синьор Фраза. – Ей тут бежать некуда – живо поймают, да будут бить кнутом, а потом заклемят, может, и ноздри вырвут. Оно ей надо? Эй, Лерба, – согласна со мной? Согласна, спрашиваю, тварь?!

Невольница поспешно кивнула, бросив на работорговца полный затаенной ненависти взгляд.

Егор давно уже подумывал о том, как искоренить позорную торговлю людьми, да пока так ничего конкретного и не придумал. Наказывать работорговцев – этого никто сейчас не понял бы и не принял. Да и эксплуатировали купленных невольников, честно сказать, не так чтоб уж очень, не в масштабах античности – брали в качестве домашней прислуги, и многие вскорости выкупились на волю, правда, своих хозяев старались не покидать без особой на то причины – изгой в средневековом обществе не нужны никому, одному – не члену клана, гильдии, цеха или иной корпорации – просто не выжить. Никак.

Оставшуюся часть дня – почти до вечера – князь провел в трехэтажном особняке своего компаньона, герра Ганса Фуггера, которого давно уже звал просто – Ганс. Ганс был вполне счастливо женат, имел четверых детей и целую кучу племянников и племянниц от умершей в лихорадке сестры. Племянников Ганс воспитывал точно так же, как и своих собственных детей, различий между ними не делал, одинаково сердито покрикивая на всех, кто попадался под руку.

– Эй, Якоб, забодай тебя комар! Ты куда ножницы задевал?

– Это не я, батюшка, это Тереза!

– Я вот тебе дам – Тереза... Тереза, иди сюда!

– Уу-у-у, это Якоб все... Сказал, давай Фрица подстрижем...

– Вот отправлю на мельницу – будете там баранов стричь, и никаких вам гостинцев!

Отобедав с Фуггерами, Егор попутно решил несколько важных вопросов относительно нового номера комиксов и строительства еще одной мельницы, после чего откланялся, отправившись к себе – вот уже более полугода князь снимал «апартаменты» на постоялом дворе господина Лукрециуса Фогта, уважаемого далеко за пределами Аугсбурга за честность и отсутствие назойливого любопытства к своим постояльцам.

«Апартаменты» представляли собой расположенные на втором этаже добротного каменного дома покои, вытянувшиеся анфиладою и включавшие в себя кабинет с писчими принадлежностями и большим столом, просторную опочивальню с высокой, под бархатным балдахинном, кроватью на резных – в виде львиных лап – ножках, умывальную с большой бочкой – ванной и настоящим венецианским зеркалом из тонкого и почти прямого стекла, и небольшую каморку для слуг.

Именно оттуда, из каморки, едва только князь поднялся домой, стремительно выскочила какая-то растрепанная рыжая бестия, бросилась вошедшему под ноги, вероятно, намереваясь убить...

Егор выхватил кинжал:

– Остановись! Кто ты?!

– Я твоя новая служанка, мой господин, – подняла лицо... та самая невольница со строптивым нравом, которую, как помнил князь, нужно было все время бить.

– А, понял... как тебя...

– Лерба, мой господин.

– Лерба, да... Ты что под ноги-то кинулась?

– Просто хотела снять с тебя башмаки, господин, – так и не поднимаясь с колен, пояснила девчонка.

Он была все в том же невообразимом рубище, грязная, босая...

– Я тут прибралась немного.

Действительно – князь оглянулся по сторонам – и подоконники от пыли протерты, и пол вроде вымыт... Ого! Даже серебряный кубок – подарок Ганса – начищен до блеска. Видать, и впрямь эта невольница сильно боится кнута.

– Ты что такая грязная? – велел девчонке подняться, нахмурился князь. – Там, в умывальной – бочка. Натаскай, нагрей на кухне воды и вымойся, поняла? Только не вздумай потом надевать свою рвань – выкини, там, верно, вшей...

– Нет у меня вшей, господин, – невольница обиженно дернулась. – Я специальной травой натиралась.

– И все равно – помойся.

Вожников вовсе не думал использовать наложницу прямо сейчас, просто выпил в одиночестве немного вина, любуясь через тонкие стекла закатом, да, как стемнело, завалился спать – устал за день.

И, уже засыпая, услышал чей-то шорох... слова...

– Ты устал, мой господин?

– Ну да, устал... ты не видишь?

– Вижу. Давай я разотру тебе спину – сниму усталость. Я умею, не думай.

Князь хотел было прогнать служанку, но... раз уж она так хочет понравиться своему хозяину – почему бы и нет?

Он перевернулся на живот, чувствуя, как ловкие пальцы служанки стаскивают с него рубашку... и еще ощутил прикосновение... вытянул руку:

– А почему ты голая?

– Ты же сам приказал, мой господин – выкинуть рубище.

– Ах да, да... приказал, помню.

– Расслабься, мой повелитель... и ни о чем не думай.

О, эта рабыня знала толк в массаже! Уже через пару минут князь ощутил прилив сил и почувствовал, как куда-то исчезла без следа накопившаяся за день усталость. Горячие девичьи бедра сжимали его бока, ловкие ладони на ошупь, в темноте, растирали тело... и было так хорошо, что молодой человек боялся пошевелиться... и все же... все же не выдержал, повернулся... Ощувив кожей волнуемое прикосновение упругой женской груди...

– Распахни ставни, Лерба. Сегодня полнолуние... я хочу видеть тебя.

– Как скажешь, мой повелитель.

Легкий звук шагов, лязганье рамы... и юное женское тело, вдруг явившееся в ночи под бьющим фонтаном серебристого лунного света!

– Какая у тебя нежная кожа, Лерба... только эти рубцы на спине...

Девушка вздрогнула:

– Господин, прошу, не надо сейчас о них! Я просто хочу любить тебя, хочу, чтоб ты был доволен.

Вот вам и кошка! И в самом деле, она так боится плети, или все же прикидывается в каких-то своих целях? Уселась сверху... Вот сейчас сверкнет глазищами, выхватит нож – да всадит по рукоять в сердце, на том вся княжья миссия и закончится.

О, нет... зеленые жгучие очи говорили об обратном!

– Наклонись, – погладив невольнице грудь, Егор обнял ее за талию, погладил по спине, притянул к себе, нащупал губами ее губы...

– Господин... – томно вздохнула девчонка. – Ты сейчас хочешь поцеловать рабыню! Это как-то... не принято.

– А мне плевать, что не принято! – князь улыбнулся, с нежностью поглаживая по спине прильнувшую к нему фею. – Я хочу целовать не рабыню... а красивую молодую женщину, обворожительно прекрасную, нагую... тебя, Лерба!

– Ах...

Губы любовников слились в затыжном поцелуе, скрипнула кровать... девушка встрепенулась, задрожала... со стоном запрокинула голову...

И уже стало без разницы – господин и служанка, бесправная рабыня, наложница, купленная на рынке за пятьдесят пять флоринов, нет! Просто молодой видный собою мужчина и трепетно юная женщина, хотевшие сейчас одного...

– Ах... мой господин...

Лерба снова застонала, когда князь начал целовать ее грудь, и шелковая бахрома на балдахине кровати заколыхалась в такт вспыхнувшей страсти, а сердца молодых любовников забились в унисон.

Скрипела кровать. Девчонка стонала. За окном завистливо вздыхала луна.

С новой служанкой князю повезло, и далеко не только в сексуальном плане, хотя и это было для молодого мужика вовсе не лишним – не импотент все же. Лерба оказалась девушкой хоть и обидчивой, да умной, и перемены в своей судьбе оценила со знаком плюс – ну, где еще сыщешь столь благородного и доброго хозяина, как герр Георг из Константинополя? К тому же и собой он мужчина красивый, видный... и не жадный – можно и планы строить на дальнейшую жизнь, про которую раньше Лерба и думать не думала, считая, что никакой жизни у нее уже больше не будет. Так, рабство дремучее.

А вот нынче все наоборот оказалось! Новый хозяин все торговыми да банкирскими делами занимался, вот и со служанкой расчеты произвел. Вернулся как-то усталый, хмурый – дожди в последнее время шли да снега в горах таяли – весна! – вот на дальней мельнице колесо потоком воды и сорвало. Хорошее колесо, верхнебойное, такое нелегко поставить – вот и прикидывал герр Георг, сколько теперь вложить – две дюжины гульденов или поменьше?

Думал, думал... да возьми и спроси у невольницы – так, машинально:

– А ты-то что молчишь все?

– Да так, – Лерба давно всю строптивость свою подальше засунула, понимала – второй такой шанс судьбу свою изменить ей вряд ли выпадет, а потому за господина своего держалась.

– Что так? – поднял глаза князь. – Отвечай, когда спрашивают.

– И отвечу, – вымыв хозяину ноги в большом медном тазу, служанка вкинула голову. – Только прежде, чем говорить, знать бы – как именно колесо сорвало? Шкивы, шестерни – целы ли? А желоб? Или там несколько желобов было?

– Иди ты! – удивившись, Егор пристально посмотрел на рабыню. – И откуда ты, дева, все это знаешь-то?

– У моего отца когда-то мельница такая была, – опустив глаза, тихо призналась Лерба. – Там... в Трансильвании. Пока турки не пошли в набег...

Князь самодовольно прищурился:

– Ну, сейчас-то там набегов нет!

– И отца нет, – дрогнули на веках девчонки черные пушистые ресницы. – И семьи моей – тоже. Давно. Можно, господин, я не буду вспоминать об этом?

– Ну, извини, – «герр Якоб» погладил служанку по волосам. – Мы же с тобой о мельнице говорили. Что там да как – я не знаю, доложили просто про колесо. Думаю вот, кого послать – герру Браве не до того, и с печатным двором дел хватает... Впрочем! – князь неожиданно взял Лербу за подбородок и улыбнулся. – Кого послать – я уже надумал. Собирайся! Дам тебе провожатых, поедешь завтра же.

– Но... – вздрогнув, девчонка и возразить ничего не успела – Вожников просто не дал.

– Коль уж про шкивы с желобами спросила, значит – представление имеешь. Да ведь не просто так я тебя посылаю – и, кроме жалованья, заплачу... Черт! – выругавшись, молодой человек вдруг хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл, договор-то мы с тобой не составили!

– Какой, мой господин, договор?

– Об оплате, какой же еще-то? А ну, идем в кабинет. Свечу захвати, пожалуйста.

Усевшись за стол, князь придвинул к себе чернильницу и лист чудесной – собственного производства – бумаги:

– Итак... платить я тебе буду по два флорина в месяц, что...

– О, господин! – служанка бухнулась на колени.

– Встань, Лерба, – строго взглянул на нее «герр Георг». – И помолчи, не мешай. Просто пока слушай. Два флорина в месяц, это составляет двадцать четыре флорина в год, не так уж и много, но для прислуги вовсе неплохо...

– Но я же твоя собственность, мой господин! – все же не выдержала девчонка.

Князь стукнул ладонью по столу:

– Сказал же ведь – помолчи! Ох, женщины...

– Молчу, молчу, господин.

– В собственности ты моей будешь два месяца, после чего я и начну платить, как сказал, а, кроме того, доплачивать за исполнение разных поручений – вот как завтра. – Егор неожиданно замолчал, задумался и через некоторое время продолжил: – Проживу ли я здесь, в Аугсбурге, год – вопрос интересный, скорее всего – уеду.

– И я с тобой, господин, – сверкнула глазами Лерба.

Молодой человек взглянул на нее и неожиданно расхохотался:

– А вот это – вряд ли! Я, видишь ли, женат, а супруга моя женщина нрава крутого, строгого – и никакой наложницы рядом с собой не потерпит. Потому – так: пока я здесь, служишь, а как уеду – будешь свободной и сама по себе... Да не бойся, одна не останешься – к какой-нибудь корпорации я тебя пристрою. Ты грамоту знаешь?

– Н-нет.

– Учи! Жалованье я тебе за полгода вперед заплачу – учителя сама сыщешь, мне этим заниматься некогда. Все! – отложив перо, князь присыпал написанное мелким речным песочком. – Как вернешься, позову нотариуса. А сейчас – спать, тебе завтра путь предстоит неблизкий.

Дела фирмы «Ганс и Георг» шли настолько успешно, что неизбежно должны были вызвать зависть – и вызывали. Появились и недоброжелатели, и откровенные враги – к примеру, аббат монастыря Святой Магдалены отец Йозеф, сочинявший про корпорацию такие гнусные небылицы, коим позавидовал бы и его знаменитый тезка – рейхсминистр пропаганды Йозеф Геббельс.

Кроме того, постепенно поднимали головы и конкуренты, быстро пронюхавшие технологию печати. Вожников им в том особых препятствий не чинил, понимая, что остановить технический прогресс сил у него не хватит, он же не российский сырьевой олигарх – главный тормоз развития науки и техники, именно благодаря нефтяным королям народ и в начале двадцать первого века передвигается на ужасных бензиновых колымагах, изобретенных больше ста лет назад! Сырьевое лобби гнобит на корню все исследования – у них уже все есть, ничего нового не надо, более того, любой прогресс – опасен, ибо грозит полным исчезновением феодально-добывающе-сбытовой популяции. У Вожникова таких рычагов влияния в руках пока не было, да он не собирался тормозить технический прогресс и связанное с этим развитие общества. Не тормозить, а возглавить! И получить неплохую прибыль, черт побери.

Тем не менее конкуренты и завистники не дремали, и, уяснив, кто есть кто – уже совершили несколько покушений, два – на герра Фуг-гера и одно – на Егора. Первые два предотвратили охранники банкира, последнее князь сам предвидел, благодаря видениям, и успел при-

нять соответствующие меры. А вот с неделю назад какие-то неизвестные люди попытались поджечь типографию, но были отогнаны – а частью убиты – охраной.

Который раз уже Егор вынужденно благодарил про себя старуху Левонтиху: все же не обманула колдунья, опасности-то князь предвидел! Правда, только те, что угрожали лично его жизни...

Посланная на дальнюю мельницу Лерба вернулась лишь через три дня, да и то к вечеру, усталая, но довольная, из чего князь, как только увидел девушку, заключил, что его поручение та исполнила четко и скрупулёзно, о чем тут же и доложила:

– Там не все так чисто, мой господин...

– Постой, постой, – герр Георг тут же охладил ее пыл. – Во-первых, вымойся, успокойся, а потом уже и на доклад: все подробно, со справками.

– С чем, мой господин?

– Иди умойся, дева! Да! И на колени никогда больше не падай, поняла? Я же тебе не римский папа... хоть их и трое нынче, да четвертым что-то не тянет быть – не оттяпали бы голову, ха-ха! Шучу. Ну, иди – что встала?

Вняв всем урокам – девчонка училась быстро, – Лерба явилась на доклад чистенькая, в белом нарядном переднике и новой юбке из темно-синего вельвета ценой по одному флорину за локоть. Ишь ты, половины месячного жалованья не пожалела! Женщина... Как же им без шмоточек-то? Да никак. За то – в том числе – мужики их и любят.

Что и говорить, юбка шикарная, а вот рубаха куда поскромней – из дешевой бумазеи, опять же производства корпорации «Ганс и Георг». Дешевой, но массовой! Уже полгорода в таких рубахах ходило – красивые ведь, тоненькие, с рисунком.

– Ну, вот теперь садись, садись, дева, – встав, Вожников чмокнул девушку в губы и усадил в креслице для гостей. – Рассказывай, что там да как?

Доклад затянулся за полночь. Лерба оказалась девушкой на удивление дотошной, не упускавшей ни одной мелочи, какая почему-либо ей казалась важной, да еще и князь постоянно что-то переспрашивал, уточнял, делал записи. Непростое оказалось дело!

После доклада Егор отправил измученную дорогой и вопросами девушку спать, сам же крепко задумался, сидя в обитой зеленым бархатом кресле и словно наяву представляя все, столь подробно описанные Лербой, события.

Девушка выехала из города в сопровождении трех стражей – дюжих, готовых к любым неожиданностям, молодцов, вооруженных короткими палашами, арбалетами, палицами. Выехав римской дорогой, через пару миль свернули на тянущуюся вдоль речки тропу. Недавно прошли дожди, и копыта лошадей скользили по раскисшей глине, да так, что кое-где приходилось спешиваться и брать коней под уздцы. Узкие обычно ручьи ныне разлились в могучие бурные реки, и приходилось немало помучиться, чтобы отыскать брод. Еще хорошо, что по совету хозяина, Лерба надела в дорогу мужское платье – с длинной-то юбкой точно намучилась бы.

Воины ее костюм воспринимали спокойно, хоть для многих сие было и внове – да в последнее время в городе появилось так много новинок, что на женщин в мужском платье можно было бы и внимания не обратить! У одного из парней Лерба заметила тонкую, с золотым тиснением, книжицу – «Жития святой Афры, выпуск № 12» – и краем глаза усмотрела такие рисунки, от которых ее бросило в жар. Правда, воины никакой непочтительности не проявляли, наоборот, слушали каждое слово сопровождаемой девушки, будто она являлась их командиром. Да именно так ведь все сейчас и было!

К мельнице, расположенной в самых верховьях бурной реки Лех, среди мощных, поросших редколесьем утесов, добрались, слава Святой Деве, затемно, едва успели до того, как с синих горных вершин спустился густой туман.

Наскоро перекусив, заночевали в доме для приказчиков, а уж с утра, дождавшись, когда прояснится, Лерба отправилась непосредственно к речке, где уже начинали копошиться рабочие – плотники делали новое колесо, ремонтировали шестерни и желоб. Поток разнес в клочья все! Однако, присмотревшись и поговорив с людьми, посланница все же позволила себе усомниться в дикой силе стихии.

Старый желоб, выброшенный бурным течением на берег, оказался пробит в нескольких местах, буквально расколот, словно какой-то великан колотил по нему острым камнем! Такой же вид имели и остатки колеса – одни лопасти, без втулки, ту, верно, унесло вниз по течению... А лопасти почему не унесло? И желоб? Просто так повела себя река? Странно – русло здесь прямое, все должно было унести, а тут вот кое-что выкинуло.

Девушка еще раз всмотрелась в бурное течение реки, что-то про себя прикидывая, размышляя... и, вдруг услышав за спиной шаги, обернулась, готовая тут же метнуть заранее приготовленный кинжал, – а в этом деле уж Лерба была мастерица, правда, своему господину про то куда не говорила – зачем?

Приготовилась... но не метнула, увидев перед собой паренька лет, может, тринадцати-четырнадцати, в синей вельветовой курточке, тонкого, с наивным взором и растрепанной темной чёлкой, явно не представлявшего никакой угрозы.

– Привет! – сверкнув карими глазами, улыбнулся парнишка. – Я – Бруно.

– А меня Лербой зовут.

– Я знаю, – Бруно попытался пригладить растрепанные волосы, впрочем, безуспешно. – Тебя к нам за бумагой прислали, верно? Ну, образцы взять, так многие делают, ничего удивительного, присылают приказчиков...

– А не удивительно, что я – девушка? – хмыкнула служанка.

– Ничуть, – мальчишка повел плечом и сплюнул. – К нам уже тут две женщины приехали, одна, как ты, приказчица, другая – хозяйка. Обе, конечно, вдовицы... ты тоже вдова?

– А я что, такая старая? – обиженно дернулась Лерба. – И не приказчица я, просто меня послали посмотреть... Мы такую же мельницу собрались ставить...

– А-а-а!

– Вот ваш хозяин и разрешил посмотреть.

– Так тебе на другую мельницу надо, – засмеялся парнишка. – Эта-то – сломана.

– Как раз хорошо – мне интересно, как чинить будут. Посмотрю.

– Смотри. А чего здесь бродишь?

– А... ищу место, где бы искупаться. Ты такое знаешь?

Бруно охотно кивнул:

– Угу. Хочешь, так провожу – я как раз туда и собрался. Правда, тут не очень-то близко идти.

Годы горького рабства сделали Лербу, и без того умную, девушкой весьма осторожной и подозрительной. Вот и сейчас, сразу после осмотра желоба, она не побежала обратно к мастеру и рабочим, не кинулась с расспросами вновь, почувствовав, что здесь что-то явно нечисто. И этот вот парнишка, Бруно, пришлось сейчас очень кстати – поболтать он, как видно, любил.

– Я раньше в одной лавке служил, – на ходу повествовал мальчик. – За пять флоринов в год.

– Негусто!

– Уж так, негусто. Я хотел бы читать да писать выучиться, тогда бы мне платили хотя бы дюжину, но ведь на учебы тоже деньги нужны, правда?

– Ох, – улыбнувшись, Лерба искренне посочувствовала пареньку. – Учеба – тяжкое дело. И вовсе недешевое.

– Это так. Так вот, я – как герр Фуггер стал на дальние мельницы людей набирать, сюда и подался. Лавочнику за меня заплатили, да уже и отработал все... почти.

– И с чего же это тебя взяли?

– Потому что – смысленый, – не моргнув глазом похвастался юный работник. – А умные люди везде нужны. Сейчас вот я с лотками работаю – бумагу делаю, а вот грамоте выучусь – со шрифтами буду! А даже сейчас, знаешь, сколько мне платят? Не поверишь!

– И сколько же?

– Тридцать флоринов в год! Как какому-нибудь писцу или счетоводу.

Лерба поспешно спрятала усмешку:

– Ну да – солидно.

– Ты как-то странно говоришь... словно придыхаешь.

– Я в Трансильвании раньше жила... но дед мой отсюда, из Швабии, из-под Штутгарта.

– Ага, понятно. Ну, вот и пришли – раздевайся.

– Что-что?

– Говорю, раздевайся да ныряй, я отвернусь, если ты стесняешься.

Сам же Бруно не стеснялся ничуть: быстро сбросил одежду да, подняв тучу брызг, бросился в воду.

Лерба тоже долго не думала – уж больно хорошее было местечко, такой спокойный закуток, омут, а вокруг – заросли краснотала, бредины, барбариса. Красота, покой!

Вынырнув, мальчишка выплюнул изо рта воду и махнул рукой:

– Ну, что же ты?

– Иду... Можешь не отворачиваться... Ой! Студено-то как, о, Святая Дева!

Они так и сидели потом на бережке – обсыхали, ничуть не стесняясь друг друга. Бруно все время болтал, похоже, наконец-то нашел благодарного слушателя: рассказывал про свою прежнюю жизнь, лишь иногда искоса поглядывая на Лербу.

– А вода-то холодная, – передернув плечами, заметила та. – Хорошо хоть солнце.

Бруно посмотрел на нее и заулыбался:

– Вот и славно, что холодная. Старики говорят – от того молодость сохраняется. Вот тебе сколько лет?

– Не знаю, – честно призналась девушка. – Может, семнадцать, а, может, и все двадцать.

– Вот видишь! Старовата ты уже, пора в студеной водице купаться!

– Это кто старовата? Я?! – Лерба вдруг по-настоящему рассердилась. – Ну и злой же у тебя язык! Ничего, сейчас я его остужу...

– Эй, эй, что ты делаешь?

– Вот выкину тебя в воду, и сиди там, охлаждайся... молодой ты наш! Ага... Оп!

– Не надо, не надо, нет... А-а-а!!!

Загнав Бруно в воду, девчонка не выпускала его оттуда, пока парень совсем не закоченел – а пусть знает, как говорить гадости! – но, наконец, и ее суровое сердце смилостивилось.

– Вылезай уж, ладно. Одевайся, да пошли.

Долго дуться Бруно не умел, и, придя в себя, снова начал болтать, только уже с опаскою, на личности не переходил... и в самом деле – смысленый. Лерба тоже поняла, что несколько перегнула палку, и теперь слушала своего юного знакомца внимательно, часто и подолгу смеясь, так что совсем скоро они с Бруно стали, как брат и сестра. И вот тогда-то хитрая девушка и перешла к давно мучившим ее вопросам, кои она опасалась пока задавать более взрослым людям.

– Колесо? Лопасты? – наморщив лоб, переспросил парнишка. – Все правильно, их туда и должно было вынести, там же – стремнина. Ужасно сильное течение, под водой, я там никогда не купаюсь – опасно!

– И куда та стремнина идет?

– Мимо самого берега, а там – заворачивает, так что все и выкинуло.

– Все, да не все, – поглядывая на валявшиеся по всему берегу щепки, пробормотала про себя Лерба. – Тут одни лопасти. А втулка?

– Так и втулка где-то здесь валяется. Ну, не может она никуда исчезнуть – выкинуло б, я же говорю – стремнина!

Девушка задумчиво покусала губу:

– Ты иди, Бруно, а я тут пока... ну, мне, в общем, надо...

– Надо так надо, – не стал спорить парнишка. – У меня тоже сразу после потопа так живот прихватило... да и не только у меня одного.

– А потоп... он с грозой был?

– Конечно, с грозой – так ухало, аж в ушах звенело, – ахнув. Бруно хлопнул себя по коленкам. – Я уж думал – плеснет сейчас в голову, тут концы и отдам. Пронесло, хвала Святой Деве! Еще хорошо, что монахи у нас оказались – они, видать, всем нам Божье соизволение и вымолили.

– Что за монахи? – тут же напряглась Лерба.

– Да за бумагой приехали. К нам часто приезжают.

Втулку девушка так и не нашла, а вот явные следы волочения имелись – кто-то торопился от нее избавиться... зачем?

А затем, что втулку явно заклинили железным штырем – так бы колесо в щепки не развалилось, его просо сорвало да унесло – потом притащили бы, подлатали, поставили. Не-ет, кому-то хотелось, чтоб ремонт затянулся, чтоб солидные средства на него потратили.

С втулкой все ясно. А вот – желоб...

Лерба наклонилась, провела по расколотым доскам рукой. С одной стороны, да – принесенными потоком камнями именно так желоб и могло раздолбать. Однако если посмотреть более внимательным взглядом – вот здесь вот явно был сучок – плохое место, именно сюда камень и ударил... словно направил кто-то. И вот тут – точно так же, и вон здесь... Слепая стихия? Ага, как же! Скорее уж, дьявольская рука.

Рука... рука... Но не дьявольская, вполне человеческая, – закрыв ставни, подумал про себя Егор. И эти странные монахи, угощавшие персонал мельницы и бумажной мастерской вином. За бумагой приехали... А зачем тогда на ночь остались? Убоялись ливня и ветра? Может быть... А, может быть, и специально остались – просто ждали грозу, ею и воспользовались, причинив фирме «Ганс и Георг» убытки в размере уж никак не меньше четырех сотен флоринов... а учитывая упущенную выгоду – и куда большие. Следует усилить охрану! Более того – создать специальную службу безопасности, хватит полагаться на ленивых стражников.

Что же касается Лербы – девчонка, несомненно, достойна награды – на этом экономить не нужно.

Уже утром, вызвав невольницу в кабинет, Егор зашуршал бумагами:

– Я обещал тебе заплатить – и сдержу свое слово.

– О, господин, – низко поклонилась служанка.

– Но денег я тебе не дам! – усмехнувшись, князь протянул Лербе грамоту с мелкими буквицами, затейливыми подписями и узорчатой печатью из покрытого золотом серебра – сей хитрой технологией ювелиры Аугсбурга славились далеко за пределами своего родного города. – Ты получишь вот это!

– А что это? – хлопнув ресницами, полюбопытствовала девчонка.

– Ценная бумага, вексель, – Егор пояснил все с задумчивой улыбкой. – А я бы назвал – акция. Дающая тебе право на часть мельницы... той самой. И на часть от ее прибыли, само собой. Небольшую, но поверь, весьма заманчивую часть.

– И что мне с этим делать? – все еще не понимала невольница.

– Ничего не делать. Просто раз в полгода получать деньги. Ты все поняла, душа моя?

– Да поняла... – Лера кивнула и, чуть помолчав, призналась: – Просто как-то все это непривычно, право.

Этот вечер князь провел со своим компаньоном в одном из самых дорогих питейных заведений города – таверне «У трех дубов». Дубов давно уже не было, их заменяла вывеска и старинный, еще римский, фонтан, ныне – благодаря новым хозяевам (Георгу и Гансу) – действующий.

Они сидели на втором этаже, за небольшим столом на террасе, выходящей в весенний благоухающий сад, и, потягивая дорогое вино, неспешно обсуждали дела, в том числе – и недавнее происшествие на дальней бумажной мельнице.

– Так твой доверенный человек – женщина? – все никак не мог поверить герр Фуггер.

– Юная девушка! – Вожников расхохотался, подняв золотой кубок с терпким, самого изысканного вкуса, вином. – Это моя служанка.

– Служанка?!

– Более того – наложница, которую я недавно купил. И был весьма удивлен ее познаниями и – как оказалось – умом.

– Да, бывают умные женщины, – согласно кивнул банкир. – Я знаю многих таких... Но чтоб служанка...

– Просто ей в жизни не очень-то везло, – князь посмотрел в сад, прислушиваясь к соловьиным трелям, и продолжал, все с той же легкой улыбкой: – Хотелось бы, чтоб умным людям везло, чтоб ум было легко превратить в богатство... так и будет, поверь мне, Ганс!

Фуггер усмехнулся:

– Так уже есть. Мы ведь с тобой не дураки, а богаты... но вместе с тем – и не князья, однако.

Егор не стал спорить. Лишь усмехнулся... где-то в глубине души.

Глава 7

Колдунья

О мрачном подземелье монастыря Святой Магдалены давно ходили легенды. Говорили, что очень часто среди сырой тьмы раздаются крики и стоны, даже тогда, когда никого не пытали, а немой палач Гуго Шнайдер – или просто Немой – спал в пристроенной к общежитию доминиканской братии камерке.

И все же кто-то стонал, кто-то раскачивал решетчатую дверь, перекрывавшую вход в темницы святой инквизиции, ибо сия почтеннейшая организация тоже располагалась здесь, в обители Святой Магдалены. «Домини Канис» – «Псы Господни» – кому же еще поручить борьбу с ведовством, колдунами и самим Сатаной?

Братья молились – не помогало, по ночам, а, бывало, и днем, все равно слышались стоны, и их заглушали лишь истошные крики истязаемых ведьм. Вот как сейчас...

– Пожалуйста, не надо... Пожалуйста... Ради Святой Девы...

– Не погань своим гнусным языком пресветлое имя, ведьма! – настоятель, отец Йозеф, от возмущения привстал в кресле, забрызганном кровью пытаемых, и, гневно сверкнув глазами, махнул рукой палачу: – А ну, заткни ей рот, брат Гуго!

Обнаженная колдунья была вздернута на дыбу, и выдернутые из суставов руки ее при любом движении причиняли боль, а вывернутые лопатки торчали, словно крылья раненой птицы.

Рядом, в камине, горел огонь, от жара на лысой голове палача выступили крупные капли пота, вспотел и отец Йозеф, а вот ведьма – нет, и это являлось еще одним доказательством ее связи с нечистой силой. Все нормальные люди потеют, а вот колдунья...

– Что же ты не вспотела, Марта? – язвительно осведомился аббат, наблюдая, как палач ловко поджег намотанный на длинную палку пучок сена. – Ты, верно, замерзла, бедняжка? Брат Гуго, так подогрей же ее, а ну!

Палач с непостижимым изяществом провел по спине несчастной горячей соломой. Колдунья выгнулась, закричала... Она не потела уже – весь пот вышел вместе со страхом и болью, которую невозможно было терпеть.

– Не на-а-адо... Прошу вас, прошу...

Из темно-карих глаз ведьмы полились слезы, и отец Йозеф удивленно почесал подбородок, недоумевая – и откуда они только взялись, ведь эта упрямая женщина выплакала, кажется, все.

Упрямая, не упрямая – а ведь сломали, какая бы колдунья она ни была! И в колдовстве призналась, и в потраве полей, и даже – что очень приятно – в прошедшей буре с грозой и ливнем, она-то, оказывается, эту бурю и вызвала, лишь бы соседкам своим навредить. Теперь за малым дело – расскажет о сношениях с дьяволом, и можно передавать светским властям – на костер, с чистым сердцем, так сказать – аутодафе!

Или пока не отправлять... попытать еще... да-да, обязательно попытать, ишь она еще какая, ведьмочка-то, в самом соку... еще волосы не поседелели, и зубы не были вырваны, и все ногти – до одного – целы! А какая нежная у нее грудь, выпуклая, словно церковный колокол... Тьфу ты, господи, прости!

Перекрестившись, аббат отогнал от себя навеянные, несомненно, колдуньей, греховные мысли и даже хотел было приказать палачу вырвать грешные ведьмины соски раскаленными щипцами – сначала – левый, а потом – чуть погодя – правый... Хотел было... Но одумался – слишком мало они еще эту Марту пытали, это все дело надобно продлить – поиграть с ней, как кошка играет с мышью, пока красоту не рушить – просто постегать чуток, да пожечь, а

уж потом, постепенно – можно и к щипцам приступить. Пока же... поиграть, поиграть, быть может, дать даже надежду...

– Ну, что, голубушка, – удобно тебе висеть?

Вместо ответа женщина застонала, и настоятель дал знак палачу ослабить веревки, так, чтоб ведьма смогла встать на ноги... вот так... нет!

– Эй, эй, ты не падай, милая! Гуго! Руки ей вправь.

А она и вправду красива, отец Йозеф это еще в первый день заметил, как только эту ведьмочку привезли. Красива, да – но только красота эта – дьявольская: вьющиеся черные волосы, спутанные, как конская грива, горящие неземным блеском глаза, пухлые губы, родинки – на правой груди, у соска, на спине, у копчика, и на бедре, рядом с... Прости, Господи, спаси и сохрани!

Родинки эти аббат в первый же день велел проткнуть иголкой – кровь выступила, как и у всех нормальных людей должна бы, другой бы подумал – не ведьма, врут все крестьяне, да только не ушлый отец Йозеф, прекрасно знавший, насколько связанные с Сатаной люди могут быть коварны и хитры. Ведь сам Дьявол за них играет, что ему стоит устроить так, чтоб из родинки у ведьмы пошла кровь? Да легче легкого! Кто бы и поверил, да отца Йозефа не проведешь – он на таких делах собаку съел и еще маленького щеночка.

– Ну, вот, родная, садись вот, на скамеечку, к столику, посиди... Гуго, дай ей водички!

Стуча зубами о кружку, несчастная напилась и, стыдливо прикрыв рукою лоно, покосилась на развешенные по всей стене крючья.

– Правильно, правильно смотришь, милая, – окуная в чернильницу крупное гусиное перо, одобрительно покивал настоятель.

Отец Йозеф любил самолично записывать все показания подозреваемых, он вообще мало кому доверял, ну, разве что Гуго, так и то потому, что тот был немой – не расскажет.

Низенький, кривобокий, однако плечистый и сильный, аббат никогда не пользовался успехом у женщин... как, к примеру, тот же епископ Альбрехт, о связях которого ходили самые разные слухи – их настоятель тщательно собирал и берег до удобного случая. Круглое, щекастое лицо аббата ныне лоснилось от пота, маленькие серые глазки довольно шурились, тонкие губы непомерно большого рта кривила гаденькая улыбка.

– Ах, Марта – вот настала пора и рассказать. Ты говорить можешь? Иначе Гуго тебе поможет...

– Нет-нет! Я могу говорить.

Женщина со страхом оглянулась на палача, давно уже безразлично повернувшегося к ней спиной и занимавшегося каким-то своими делами.

– Значит, ты у нас – Марта, урожденная Носке, девятнадцати лет, вдова Хельмута Ашенбаха, крестьянина... замужем ты долго была?

– Шесть лет, святой отче.

– Не называй меня святой отче! – брезгливо прикрикнул аббат. – Говори просто вежливо – мой господин, поняла?

– Поняла, мой господин.

– Это хорошо, что ты такая понятливая. Дети у вас имелись ли?

– Я родила троих, – неожиданно тяжело вздохнула колдунья. – Одну девочку и двух мальчиков-погодков. Все умерли в раннем детстве.

Настоятель покачал головой:

– Так бывает, что ж. Дети помирают, а ваше бабье дело – рожать, так уж мир устроен. Но я сейчас не об этом, просто кое-что уточнил, люблю, знаешь ли, во всем порядок.

Почесав пером нос, отец Йозеф громко чихнул и продолжил:

– Итак, очередной вопрос: как именно ты имела отношения с дьяволом и в каком виде он к тебе являлся?

– А... в каком виде он обычно является, мой господин?

– Да, видишь ли, по-разному, – усмехнулся аббат. – Потому я тебя и спрашиваю. Бывает, в виде огромного черного пса, бывает – козлом, а бывает – обернется видным и красивым мужчиной.

– Вот! – отрывисто кивнула колдунья. – Именно в таком виде он ко мне и приходил. Я и знать не знала, что сатана, думала – мужчина.

Отец Йозеф поморщился:

– Вот только не лги! Дьявол тебя давно уже соблазнил, обучил колдовству – с чего бы ему перед тобой таиться? Он ведь и не таился, так? Гуго!!!

– Так, так, – поспешно согласилась несчастная. – А вы меня не будете больше...

– Посмотрим на твое поведение! – совсем добродушно хохотнул аббат, правда, маленькие глазки его при этом оставались таким же похотливо-злыми. – Будешь все четко рассказывать... Какие у вас были отношения? Как, где, каким образом? Ну? Что ты молчишь-то, роднуля?

– А... что говорить-то? – ведьма непонимающе моргнула.

– А то и говорить, – хохотнул настоятель. – К примеру, взял он тебя прямо у порога, затем – на столе, затем – велел стать на колени... поняла, дура?

– П-поняла...

– Значит, так и запишем: первый раз – на пороге... сколько раз-то?

– А?

– Запишем – много. Потом – распростер на столе, специально под распятием... У тебя распятие в доме есть, а?

– Нет, господин – оно же дорожее, не купишь. Просто иконка в углу висит с ладанкой.

– Тьфу ты! Иконка... Ну, не молчи же, давай дальше рассказывай, как вы там... за какие место он тебя хватал, поглаживал... может, тебе еще и приятно было?

Колдунья отвечала на все вопросы, впрочем, довольно путано и все время – с прямыми подсказками инквизитора, знавшего свое дело гораздо лучше попавшей в его руки ведьмы.

Закончив допрос, отец Йозеф присыпал написанное песочком и, подозвав палача, велел растянуть Марту на козлах.

– О, мой господин! – упав на колени, слезно взмолилась та. – Пожалуйста, не надо меня больше пытаться, я же вам все сказала!

– Пытаем мы тут не для того, чтоб из тебя показания выбить, а для порядка, – поднимаясь с кресла, наставительно пояснил аббат. – Порядок такой, понимаешь? Ничего ты не понимаешь, дура. Пытать тебя не будем, просто лежишь тут, в себя придешь... а я после вечерни зайду, и мы нашу беседу продолжим. Гуго! Глаза ей не забудь завязать. И руки привяжи понадежней.

Настоятель явился в подвал сразу же после вечерни, пробрался тайком, словно тать. Осторожно закрыв за собой дверь, посмотрел на распятое на козлах обнаженное женское тело с завязанными плотной черной тряпицей глазами.

– Кто... кто здесь? – уловив шаги, встрепенулась колдунья.

Как восхитительно качнулась при этом ее грудь! Нет, рано еще ее щипцами, рано...

– А ну-ка, иди сюда, милая... – поднимая сутану, пробормотал про себя аббат и, воровато оглянувшись, взгромоздился на козлы...

Он насиловал ведьму недолго, больше просто не хватало мужских сил, да и основное свое наслаждение отец Йозеф получал вовсе не от этого, а от пыток... Бить кнутом это юное податливо-красивое тело, жечь огнем, а потом – раскаленными щипцами... Вот это по-настоящему сладостно, а так...

Сделав свое дело, аббат поправил сутану и, потрепав ведьмочку по щеке, покинул подвал с самой довольной улыбкой на тонких губах.

Еще бы не радоваться! Эта ведь – Марта Ашенбах-Носке – не какая-нибудь оболганная завистливыми соседками деревенская дурочка, а самая настоящая колдунья! Доказательств хватало, многие обращались к «доброй Марте» за помощью: кому кровь заговорить, кому любимого приворотить, кому просто так – погадать на суженого, а кому – и порчу заговором навести! Про порчу, правда, ведьма – еще до кнута – отрицала напрочь, а в остальном призналась сразу, без всяких пыток. Ведунья!

И бабка ее, старуха Носке, тоже была ведунья, а прабабку сожгли на костре. Выходит, не простая ведьма – потомственная. А прикинулась тут дурочкой – мол, не бейте, я все скажу! Скажешь, скажешь, куда ты денешься? А вот чтоб не били – шалишь! Порядок – он и есть порядок, сказано – без пытки нельзя, значит – нельзя. А уж он, отец Йозеф, да такую-то ведьмочку – со всем удовольствием.

– Гуго! Колдунью в каморку отведи – пушай выпится. Да дай ей воды и краюшку хлеба – не дай бог, еще помрет раньше времени.

Войдя в свою келью, настоятель уселся на большую кровать под сверкающе-желтым шелковым балдахинном и, искоса посмотрев на висевшее в углу распятие изысканной миланской работы, посмотрел на недавно зажженные послушником свечи, одна из которых сильно коптила – недоглядел послушник-то, уж придется наложить на него епитимью. Свечки монастырем покупались хорошие, из доброго русского воска, правда, на всю братию, конечно, не шли – горели только в церкви да в кельях самых уважаемых братьев, включая самого аббата и отца каштеляна.

В обставленной дорогой мебелью келье имелась потайная дверца, через которую можно было пройти в монастырский сад и даже выйти подземным ходом в город, в расположенный напротив обители дом одного уважаемого бюргера, связанного со святыми братьями общими финансовыми делами, ныне, увы, пришедшими почти в полное расстройство благодаря появлению сильных конкурентов в лице некоего Ганса Фуггера, вынырнувшего вдруг неизвестно откуда. Еще год назад никто про него и знать-то не знал, а тут, ишь ты – и мельницы у него, и повозки, и доходные дома и – изобретение дьявола! – станки для печатанья книг! Многие из этих книг давно на костер просились... вместе с теми, кто их печатал.

И пошли бы на костер, а как же! Если бы не высокий покровитель – епископ Альбрехт. Мхх...

Вполголоса выругавшись, отец Йозеф закрипел зубами с такой силой, что еле-еле услышал донесшийся за потайной дверью стук.

– А! Входи, входи, брат Арнольд! Нынче я тебе что-то заждался.

Быстро поднявшись, аббат отворил дверь, впуская в келью невысокого монаха в темной сутане, с узким, вечно озабоченным чем-то лицом и забавным венчиком желтых волос вокруг обширной лысины. Этаким нимб, прости, господи.

– Ну, брат Арнольд, какие у нас новости?

– Мельницу наши люди разрушили, – усевшись на предложенный настоятелем стул, доложил брат Арнольд. – Теперь-то ее уж не скоро восстановят. Молодец брат Дитмар, справился, а я уж, грешным делом, думал...

– Что ты думал, брат, меня не интересует, – отец Йозеф прошелся по келье и скривил губы. – О наших врагах узнал что-нибудь?

– Узнал, а как же! – с готовностью закивал монах. – О Гансе Фуггере сказать особенно нечего – он с рождения в Аугсбурге живет, и предки его здесь жили. Ничем особым не выделялся, но дела вел с умом...

– Из-за этого и разбогател?

– Не только, – брат Арнольд потер ладони и усмехнулся. – Компаньон ему попался хороший.

– Компаньон? А, это ты об этом... о Георге из Константинополя... Наверняка схизматик, хоть он и утверждает обратное! Мхх! В подвал бы его к нам...

– Нельзя в подвал, отче...

Аббат отмахнулся:

– Понимаю, что нельзя – в покровителях-то сам епископ. Ничего! Дай бог, не долго Альбрехту осталось... Что ты так смотришь, брат Арнольд? Что-то добавить хочешь?

– Много чего, – блеснув лысиной, закивал монах.

– Ну, так говори, говори! Внимательно тебя слушаю.

– Он очень странный человек, этот Георг... неизвестно откуда. Говорит, что грек, но по-гречески не разговаривает, по крайней мере – никто того не слышал. Появился он в городе не так и давно, сначала связался с жонглерами – помните, отче, те гнусные мистерии, на которые все валом валяли?

Настоятель сверкнул глазами:

– Да уж помню. Я бы их всех тогда еще в подвал упрятал, да только епископ... Знали, к кому подвалить – хитрые.

– Балаган этот, потом – ездящие всегда по одному и тому же маршруту повозки, станки печатные, – разгибая пальцы, негромко перечислил брат Арнольд. – Все это новое, чудное, чего никогда раньше не было. И появилось все тогда, когда явился этот вот Георг, господин более чем странный! Знаете, святой отче, я сильно подозреваю, что он – колдун!

– Что-о... – настоятель от неожиданности икнул и схватил стоявшую на резном столике кружку с водой. – Колдун, говоришь? Ну, с этим-то мы разберемся, какой-никакой опыт имеется. Стой! А с чего ты так решил-то? Прознал что?

– Мы четыре раза подсылали к нему людей – чтобы просто проучить, избить... Он справился с ними голыми руками!

– Да, помню, помню, – досадливо хмыкнул аббат. – Надо было не брата Дитмара посылать, а кого-нибудь похитрее.

– Два раза мы устраивали засаду, трижды подсылали убийц, – монах пригладил растрепавшийся венчик. – Георг благополучно ускользал, словно все про них знал...

– Да не мог он знать!

– И я думаю, что не мог. Значит – предвидел. Ведун! Много чего знает... Но и я зря времени не терял.

Брат Арнольд неожиданно ухмыльнулся и вытащил из-за пазухи плотный полотняный мешочек:

– Здесь вот его волосы – не поленился, подобрал в цирюльне... жаль, крови не удалось раздобыть...

– Понимаю тебя, брате... – склонившись над посетителем, отец Йозеф хищно прищурился и потер руки. – Ты хочешь нашу ведьму использовать, так?

– Так, святой отче! Клин, говорят, клином вышибают... а колдуна – колдуном, верней – колдуньей.

– Ну, тогда пошли, – решительно бросил настоятель. – Что зря время терять-то?

На этот раз колдунью не обнажали для пыток, она так и оставалась в рваном, из мешковины, платье без рукавов. Правда, немой Гуго уже раскочегарил жаровню, и теперь, отвернувшись к стеночке, деловито позвякивал устрашающего вида инструментарием, вызывавшим бы самую искреннюю зависть какого-нибудь современного стоматолога или, на худой конец, лора.

А так аббат нынче был сама любезность.

– Уж прости, что не дали тебе поспать, голубушка. Больно уж срочное дело. Дай-ка свой мешочек, брат Арнольд.

С интересом поглядывая на ведьму, монах протянул узелок.

– Знаешь, что это? – достав прядь светло-русых, с остатками хны, волос, вкрадчиво осведомился настоятель.

Марта присмотрелась и удивленно моргнула:

– Кажется, волосы.

– Да не кажется, а так и есть. Волосы! – громко расхохотался отец Йозеф. – И ты сейчас расскажешь мне об их обладателе все, что можешь узнать. А потом... потом наведешь на него порчу... как ты умеешь!

– Да я же никогда этим не...

Ведьмочка дернулась было, но аббат, подскочив, отвесил ей звонкую пощечину, и, схватив несчастную левой рукой за горло, правой рванул платье, обнажив грудь.

– А ну-ка, неси сюда клещи, брат Гуго! Хватит с ней цацкаться, раз уж не хочет нам помочь...

– Нет! Нет! – дернувшись, закричала Марта. – Я согласна... согласна...

– Ну вот, давно бы так, – отпуская женщину, довольно усмехнулся настоятель.

– Согласна попробовать... – шепотом закончила ведьма и, тут же вскинув глаза, попросила: – Только мне понадобится большой медный таз и зеркало, хорошо бы стеклянное...

– Все найдем, – потрепав колдунью по щеке, отец Йозеф подозвал палача. – Все слышал, брат Гуго?

Немой кивнул, почтительно приложив руку к сердцу.

– Ну, так иди, неси все, – махнул рукой настоятель. – А ты, Марта, не стесняйся, проси. Может, тебе нужно еще что-нибудь, ну, там, печень повешенного или кровь некрещеных младенцев – так ты только скажи, мы все доставим, лишь бы дело было!

– Н-нет, – затравленно посмотрев на монахов, девушка дернула головой. – Кровь мне не нужна... и печень тоже. А вот добрая восковая свечка понадобится!

– О, – самодовольно улыбнулся аббат. – Этого-то добра у нас много. Из самого лучшего русского воска!

Где-то в коридоре, за дверью, что-то звякнуло, загремело – видать, брат Гуго, споткнувшись в полумраке, выронил из рук таз... Так и есть – вошедший с тазом под мышкой палач выглядел несколько смущенно.

Отец Йозеф укоризненно покачал головой и погрозил своему помощнику пальцем:

– Пил, что ли, сегодня, брат Гуго? Что головой трясешь? Ладно – воду тащи, и подай свечку... Тебе, голубушка, водица-то теплая нужна или сойдет и холодная?

– Любая... Только... – прикрывая торчавшую сквозь разорванное платье грудь, девушка облизала губы. – Я должна остаться одна.

– Ну уж нет! – аббат язвительно усмехнулся. – Даже не думай, без присмотра мы тебя не оставим. А вдруг ты умеешь раздвигать стены? Оставим тебя, вернемся – а уже и нет никого! Нет уж, голубушка, колдуй при нас... Я смотрю, ты как-то не очень-то охотно нам помогаешь! А ну-ка, брат Гуго, поджарь ее!

– Не надо! Нет! – упав на колени, взмолилась юная ведьма. – Я сделаю все... попытаюсь...

– Вот-вот, душа моя, давай.

Поставив таз с водою на стол перед прислоненным к стене округлым зеркалом, колдунья бросила в воду волосы и, взяв в руки горящую свечу, принялась водить ею над тазом, приговаривая что-то про себя, словно бы молилась.

Монахи затаили дыхание, а брат Арнольд украдкой перекрестился.

– Заклиная тебя, заклинаю, – раскачиваясь, речитативом причитала ведьма. – Уходя – приди, приходя – уйди... Лунный свет – свечка, гори-гори...

– Ой, Господи, страсти какие, – еще раз перекрестившись, едва слышно прошептал брат Арнольд, уже не раз пожалевший, что согласился присутствовать при сем жутковатом действе. Впрочем, никто его особо-то и не спрашивал.

– Приходи – уйди, растворишься, скажи... Лунный свет, лунный свет... свечка – пламя, огонь...

Колдунья быстро преобразалась, на глазах превращаясь из забитого и дрожащего от страха существа в очень красивую молодую даму с горящим взором... у аббата из полураскрытого рта даже потекли слюни.

– Лунный свет, лунный свет...

Марта вдруг пошатнулась, отпрянула, едва не выронив свечу, словно бы увидела в зеркале нечто ужасное, такое, о ком лучше не рассказывать никому. Брат Арнольд, бухнувшись на колени, на колени, принялся горячо молиться, рядом с ним пристроился побледневший от увиденного палач.

Лишь один отец Йозеф держал себя в руках, при всех своих недостатках, трусом он не был:

– Ну, что там, что, голубушка?

– Он чужой, чужой, чужой... Не наш. Не нашего мира. Еще не рожденный... И родится нескоро, нескоро, нескоро... в чудное время... время железных птиц. Боже! Как там красиво!

Колдунья обернулась с горящим взором, и аббат поспешно взял ее за руку:

– Теперь порчу на него наведи. Ну!

– Я... – темно-шоколадные глаза Марты тут же погасли. – Я пробую... Только вы отвернитесь.

– Нет!

Брат Арнольд с палачом, впрочем, давно уже уткнулись в стенку, лишь бы не опоганить себя, лишь бы не видеть разворачивающегося мерзкого действия, а вот настоятель оказался настойчив и весьма упрям.

Отвернуться? Ага... как же! Грех кругом – да. Так его же потом и замолить можно, а ведьму – настоящую ведьму! – сжечь... Или... может быть, прибегнуть на всякий случай? Нет! С нечистой силой долго не выйдет играть, рано или поздно, а сгинешь. Лучше уж ведьмочку, от греха – на костер! Но сначала – пытаться, и пытаться – люто. Ишь, что творит, сука! Время железных птиц... Кто на железных-то птицах летать может? Вот то-то!

– На нем заклятье, – не оборачиваясь, тихо сказала колдунья. – Заговор на удачу, на предвиденье опасности, смерть. Порчу мне не навести – он не из нашего мира, чужак. Но заклятье я могу снять.

– Так снимай же, голубушка, снимай! – азартно воскликнул отец Йозеф.

– Как прикажете, святой отче. Сейчас...

Егору снилась обнаженная женщина – красивая и молодая, с родинкой на груди, черными кудрями и глазами цвета настоявшегося чая. Она стояла перед князем, водила горячей свечой, шептала... И что-то меж ними было – стекло? Похоже, что так – толстое выпуклое стекло. И какой-то дурацкий таз – медный? Женщина наклонилась, выплеснула из таза воду, поставила... таз упал, покатился со звоном...

– Тьфу ты, черт! – проснувшись в поту, молодой человек уселся на кровати, недоуменно качая головой.

У Вожникова сейчас почему-то было такое чувство, словно бы он только что потерял что-то очень важное... Что?

Вроде бы ничего в последнее время не пропадало...

– Что с тобой, господин мой? – просыпаясь, вздрогнула лежащая рядом Лерба, приподнялась на локте, взяв князя за руку.

– Да приснилось что-то, – потрянув головой, словно отгоняя наваждение, Егор погладил девушку по плечу. – Спи, душа моя. Отдыхай. Как у нас говорят – утро вечера мудренее.

Солнечный луч, прорвавшись сквозь золотистые липовые кроны, попал Бруно в глаз, и мальчик прищурился, довольно улыбаясь. Денек-то нынче какой выдался! Теплый, солнечный, сухой – по-настоящему летний. Даже здесь, в лесу, припекало так, что Бруно снял куртку и теперь нес ее под мышкой, безмятежно поглядывая по сторонам. И день хороший, и настроение – соответствующее. Еще бы – сам господин Георг, один из совладельцев мельницы, желает его видеть, с тем чтоб дать какое-то важное поручение. Какое именно – приехавший вчера на смену мастер не знал, но Бруно сразу представил, что поручение, несомненно, важное – разве будет герр Георг по всяким пустякам звать? У таких людей и времени-то на пустяки нету.

Что, интересно, за дело? Конечно же юный Бруно терзался нешуточным любопытством, однако пока ничего толкового вообразить не мог. Ну, что такого важного можно поручить обычному мальчишке? Конечно же ничего. Однако же – позвали.

– Эх! – выбравшись по лесной тропе на пригорок, отрок остановился у развилки, соображая, как дальше идти.

Можно, конечно, вдоль реки, или по старой римской дороге, выстроенной еще в те времена, когда славный град Аугсбург гордо именовался Августа Винделикорум и был столицей богатой провинции Реция. С тех времен много воды утекло, однако вот дороги – остались, их же не украдешь, как, скажем, мрамор со старинных вилл или городских зданий. Римская дорога Бруно нравилась, но до нее еще тоже нужно был добраться, и лучше бы не вдоль реки, гораздо удобнее будет срезать, пройти напрямик через буковую рощицу и ельник.

– Ну, напрямик так напрямик! – чуть отдохнув, парнишка вскочил на ноги и, закинув на плечо курточку и узелок с нехитрою трапезой, деловито зашагал вниз, к роще.

На полпути Бруно неожиданно остановился, оглянулся – вдруг показалось, что за ним кто-то шел. Не в первый уже раз такое казалось – и на лесной тропке тоже. Будто чьи-то шаги за спиной, чей-то недобрый взгляд...

Да нет, показалось. Никого не было – да кому тут и быть-то? Разве что кто из местных крестьян, или охотники – уж не разбойники точно! Тут кругом полно деревень, везде люди, и вполне безопасный путь. Тем более он, Бруно – не сам по себе мальчик, а с бумажной мельницы. Кто его обидит-то? Уж точно – не местный барон, у которого с господином Георгом соглашение – друг другу во всем помогать.

Эх, хорошо кругом, солнышко! А сколько цветов! Качают желтыми мохнатыми шариками одуванчики, белеют ромашки, лиловые колокольчики на ветру покачиваются, словно бы звонят – динь-динь, динь-динь, – а васильки! Какие здесь васильки! Нежно-синие, как высокое летнее небо. Такие бы цветы – да на венок, а венок – на голову... ммм... кому бы? Может, той рыжей девушке, Лербе? Бруно сразу заметил, какая она красивая... хотя, конечно, и старовата уже. Лет семь-восемь скинуть – вполне подходящая была бы невеста, такой можно и венок подарить... или букет. Да! Букет – куда лучше.

Едва добравшись до рощицы, отрок остановился, услышав вдруг чей-то стон. Показалось? Да нет! Близ дороги, в малиннике, явно кто-то стонал... мало того – позвал!

– Помоги мне, о достойнейший юноша!

Помочь? Хм... Другой на месте Бруно наверняка рванул бы со всех ног – с незнакомцами связываться чревато, кто знает, что у них, чужаков, на уме? И Бруно бы, конечно же, поступил сейчас точно так же... даже полгода назад... но сейчас... Сейчас-то он не простой мальчик, а мальчик с бумажной мельницы, человек уважаемый и защищенный. Ну-ка, попробуй кто против барона пойдит?! Тем более – против господина Георга?

Шалишь, дураков нету!

Это вот, пока еще новое для него, ощущение собственной значимости и остановило сейчас Бруно, заставило подойти к кустам...

– Ах, славный юноша, – закашлявшись, промолвил лежащий на траве человек. – Не мог бы ты поискать мой мешок? Он туда улетел в заросли. Я упал – прихватило сердце. А там вода... я бы напился и мне бы сразу же полегчало.

– Мешок?

– Да-да-да, небольшая такая котомочка.

Мешок отрок уже заметил – недалеко валялся, под липою, не надобно и искать. Да и незнакомец вовсе не вызывал никакого страха – странник в запыленной, подпоясанной простой верёвкой, рясе – паломник, странствующий монах. Узкое изможденное лицо, обширная тонзура-лысина и такой смешной венчик из волос.

– Вот ваша котомочка.

– О, как мне отблагодарить тебя? Разве только молитвой.

Напившись, монах поднялся на ноги:

– Меня зовут брат Деметриус, я скромный клирик из братства Святого Франциска Ассизского, иду сейчас в Аугсбург, поклониться мощам святого Зимперта и святой Афры. Буду признателен, если ты составишь мне компанию – как видишь, я уже пришел в себя и могу передвигаться довольно быстро. От тебя не отстану, не бойся, а дорогу я знаю плохо...

– Ничего, – улыбнулся отрок. – Я покажу.

– Возьми, добрый юноша, баклажку, испей. Водичка студеная, вкусная.

С удовольствием утолив жажду – свою-то баклажку в путь прихватить забыл, так и пил из ручьев да из речки! – Бруно вернул воду монаху и вежливо поблагодарил:

– Спасибо, брат Деметриус. Так идем?

– Идем-идем, славный юноша. Вдвоем-то куда веселее.

Вдвоем и вправду оказалось весело – теперь было хоть с кем поболтать, а уж поговорить Бруно любил, причем – на самые разные темы. От францисканца эта черта отрока отнюдь не ускользнула и даже вызвала довольную улыбку, быстро, впрочем, исчезнувшую.

– Ну, расскажи о себе, славный Бруно! Я вижу, ты не сам по себе, а по какому-то важному делу идешь.

По пути отрок рассказал и про свою прошлую жизнь на побегушках в лавке, и про бумажную мельницу, и про недавнюю бурю, и даже вскользь упомянул Лербу, особо в подробности не вдаваясь – монах все-таки.

А, впрочем, брат Деметриус оказался человеком веселым, не в пример всем прочим монахам. Даже спел несколько песен, очень даже смешных и фривольных – Бруно хохотал до слез!

– Значит, тебе, славный юноша, понравилась та рыжая девушка?

– Очень понравилась, святой брат! – совсем разухарился отрок. – Клянусь Святой Девой, будь она чуть помоложе – я бы на ней точно женился!

– А что же она, такая старая?

– Да ей лет, наверное, семнадцать... или даже ближе к двадцати!

– Говоришь, она красивая?

– О-очень! Волосы, как огонь, глаза изумрудами, кожа гладкая, а грудь...

Тут парнишка запнулся и покраснел, монах же с хохотом хлопнул его по плечу и подмигнул – вот ведь веселый дядька! И не скажешь, что только что так хворал.

– Грудь, говоришь? Это хорошо. И ничего нет плохого в том, что муж будет немножко помоложе жены... Тебе самому-то сколько?

– Тринадцать.

– А ей, говоришь, семнадцать... Всего-то четыре года разница – эх! Я бы на твоём месте на это не посмотрел. Так у кого она, ты говоришь, служит? У герра Георга?

– А вы его знаете, святой брат?

– Конечно, знаю. Уважаемый всеми господин.

– Вот! – обрадованно поддакнул отрок. – Уважаемый! Я же тоже у него служу, правда, в прислугах, на мельнице, за тридцать флоринов в год!

– Ого-го! – францисканец уважительно поцокал языком. – Повезло тебе, парень! С таким-то жалованьем жениться можно хоть сейчас.

– Сейчас?!

– А чего тянуть-то? Зазноба твоя не рабыня?

– Я-а-а... я не знаю.

Бруно и в самом деле еще не задавал себе этот вопрос.

– А ты узнай, это важно, – снова рассмеявшись, отец Деметриус потрепал мальчика по плечу. – Вот что, Бруно, очень уж ты мне симпатичен, и я тебе в любовном твоём деле помогу.

– Поможете? Как? – светло-голубые глаза отрока вспыхнули безудержным светом надежды.

– Пока советом... Но и это много значит.

– Я понимаю.

– А потом, глядишь, и до любовного зелья дело дойдет.

– Зелье?!

– Но ты же хочешь жениться?

– Вообще-то да.

– Ну, вот, – улыбнулся брат Деметриус. – Хочешь, значит – женишься, уж в этом я тебе помогу, раз обещал. Только примечай каждую мелочь и во всем со мной советуйся, ага! И, самое главное, держи наше с тобой дело в тайне.

– Конечно, святой отче.

– Местечко для встреч выберем... скажем... где бы тебе удобней было?

– У Красных ворот. Там, в одной корчме, корни лопуха в меду подают. Умм!

– Смотрю, любишь ты сладенькое, малыш! Корни лопуха... эта твоя рыженькая... ладно! Вот и ворота уже. До встречи, мой юный друг!

– До встречи, брате Деметриус, до скорой встречи.

Браз потеряв улыбку, монах проводил отрока тяжелым задумчивым взглядом и, пригладив забавный венчик, перекрестился на видневшийся шпиль собора Святой Девы Марии:

– Повезло мне с этим болтливым парнем, похоже. Лишь бы только его слишком быстро обратно на мельницу не отправили. Хотя... Для такого и на мельнице дело найдется.

Тем, как его встретили у господина Георга, Бруно был очень доволен. Не каждого – даже и взрослого – так встречают, а его вот – встретили. И самое главное – кто! Та самая красавица Лерба, которую он...

– Ах, милый Бруно, как же я рада тебя видеть! – едва отрок поднялся в «апартаменты», девушка чмокнула его в щеку и сразу же усадила за стол. – Кушай! Это вкусная каша, а вот молоко, сыр, яйца. Наверное, проголодался?

– Угу.

Кивая с набитым ртом, Бруно все посматривал на Лербу, казавшуюся ему сейчас еще более красивой, особенно – в белом переднике, в юбке... Плиссированная светло-голубая блузка слезала с левого плеча... а если ее потянуть за рукав... как бы так, случайно...

Отрок тут же покраснел и закашлялся.

– Да не спеши ты! – девушка стукнула ему меж лопаток. – Не отнимет никто, ага.

Пока ели, пока разговаривали, потом Лерба принялась убираться – и гость ей во всем помогал, – а ближе к вечеру наконец-то явился господин Георг, вызвавший Бруно к себе в кабинет для особого разговора.

– Лерба сказала, парень ты смышленный, – разглядывая парнишку, ухмыльнулся Егор. – Это хорошо, как и то, что страха я в твоих глазах не вижу. А вот грамоты ты не знаешь. Это плохо! Придется учить.

– Учить? – осмелился переспросить отрок.

Князь усмехнулся:

– А ты думал? Как говорил... один известный кое-где человек – учиться, учиться и учиться! Да ты не переживай, не один будешь, есть еще такие же смышленные, как и ты... примерно твоего же и возраста. Учителя я уже вам нашел – а за учение их будущего жалования высчитаю. Не корысти ради, а чтоб знали, что просто так в этой жизни ничего не дается, понятно тебе?

– Угу...

– С недельку подживешь здесь, в людской, а потом я для вас что-нибудь типа общежития придумаю. К делу приставлю, чтоб не только учились, но еще и работали... кому сейчас легко?! Все понял, Бруно? Тогда иди, Лерба проводит.

Выпроводив парнишку, князь задумчиво посмотрел в окно, на видневшийся над красно-коричневыми черепичными крышами шпиль собора. Не-ет, благотворительностью Егор вовсе не занимался, все эти мальчики нужны были ему для дела, обучая их, «господин Георг» работал на свое будущее – он вовсе не собирался задерживаться в Германии более чем на полгода. И так уж слишком задержался... ничего, теперь недолго осталось уже – финансовые дела налажены, еще чуть-чуть – и сильные мира сего на крючке. На русском крючке, а не у герра Ганса Фуггера! А крючок тот – золотой, серебряный – и для контроля верные люди нужны, всем князю обязанные... такие, как вот этот Бруно... или даже Лерба – девушка она очень умная.

– Я его проводила, мой господин, – вернувшись, доложила служанка.

– Хорошо, – покивав, Егор улыбнулся и спросил в лоб: – Тебе нравится этот мальчик, Лерба?

– Да ничего, на лицо приятный... Но он же совсем малыш!

– Это он сейчас малыш, – наставительно заметил князь. – А годика через три станет тебе добрым мужем.

– Но...

– Станет, станет, при мне же ты вечно не будешь жить! Ты его старше – воспитывай, делай таким, каким тебе надо: чтоб после советовался во всем, уважал и где-то даже побаивался. Тем более, он кажется, в тебя влюбился – вон как глазищами зыркал.

– Ой, – засмузилась девушка. – Ну, вы и скажете, мой господин.

Ночь принесла князю кошмар, навязчивый, липкий, полный ощущения страха и жуткой, нестерпимой боли. Егору казалось, что его тело рвут на куски раскаленными щипцами, и кто-то этого очень желает – радуется, смеется. И кричит – прямо в ухо кричит:

– Не-ет! Нет! Пожалуйста, не просыпайся...

Темно-шоколадные, полные ужаса и боли глаза, казалось, заглянули в душу... Та самая женщина. Князь уже видел ее...

– Кто ты?

– Я Марта...

Губы прекрасной, напуганной до полного унижения женщины оставались недвижимыми, однако молодой человек хорошо слышал ее голос:

– Я знаю слова... Я сняла твое заклятье... Меня заставили... Теперь ты беззащитен...

– Зачем ты говоришь мне все это?

– Мне стыдно... И, думаю, ты можешь помочь мне.

– Помочь? И чем же?

В глазах колдуньи вдруг вспыхнул огонь:

– Мне нужен яд!

Князю показалось, что он ослышался, однако Марта оказалась настойчивой:

– Меня держат в подвале, в монастыре Святой Магдалены. Пытали... и еще будут пытать. Я не верю им, знаю... Передай мне яд, слышишь?! Пожалуйста, передай – так вышло, что лишь к тебе я могу обратиться. Прошу, заклинаю – избавь меня от мук, ибо они скоро станут невыносимы.

Красивое личико исказило гримаса страдания, из глаз полились слезы... рыдания – это последнее, что слышал Егор во сне.

– Опять худой сон приснился? – тревожно вздрогнула Лерба. – О, господин мой... может быть, тебе нужно просто пораньше лечь?

– Ага, – князь тихонько засмеялся. – И попозже вставать – так вся жизнь во сне и пройдет. А вообще-то, вот что, душа моя, – молодой человек вдруг сделался серьезным. – Я попросил бы тебя повнимательней отнестись ко всем... казалось бы, мелочам, не знаю, правда, к каким. К чему-то необычному, что выходит за всегдашние рамки – я вряд ли смогу обратить на это внимание, а вот ты... Постарайся, ладно?

– Как прикажешь, мой господин, – девушка пригладила волосы и тут же спросила: – Тебе угрожает опасность?

– Наверное, можно сказать и так... Опасность. Только вот не знаю – какая и с какой стороны?

– Я поняла тебя, господин. Не беспокойся, все, что возможно – сделаю.

С утра князь отправился к Фуггеру, где договорился взять для испытания неких дюжих молодцов, изъявивших желание поступить на службу в компанию. Молодцы оказались те еще – с кулаками молотобойцев и физиономиями висельников. Решительные, готовые на все, парни... вот, только что касаясь интеллекта...

Впрочем, князь знал, как это все выяснить, устроить, так сказать психо-неврологическую экспертизу.

Велев всем кандидатам выйти во двор, Егор обвел их внимательным взглядом и, усадив на бревна, предложил:

– Для начала будем играть в города, игра простая...

Быстро объяснив правила, молодой человек назвал первый город:

– Новгород!

– Дортмунд...

– Вормс!

– Почему Вормс? – герр Георг прищурился, пряча усмешку. – Только не говори, что у тебя там мама.

– Матушка моя давно померла, а Ворс – рядом с Дортмундом.

– Ах, вот как... бывал в тех местах?

– Ну да, – молодец ухмыльнулся и повел плечом. – Довелось!

– Хорошо, – покладисто кивнул Егор. – Продолжаем дальше. Значит – Вормс.

– Страсбург!

– Молодец! Теперь – ты.

– Фрейбург.

– Поясни. Почему Фрейбург?

– Потому что тоже на «бург».

– Понятно... Что ж, пусть так – Фрейбург. Следующий!

– Генуя! – здоровенный парняга с квадратным лицом и арбузами-кулачищами неожиданно ухмыльнулся. – Думаю, господин, на том мы и закончим.

– Почему это? – удивился Егор.

– Потому что на «я» я знаю только Яффу, остальные же, боюсь, не назовут вам ничего.

– Хм, – подумав, Вожников махнул рукой и внимательно присмотрелся к парняге, оказавшемуся вовсе не таким тупым, каким выглядел.

А еще было такое впечатление, что Егор уже где-то видел этого дюжего молодца – больно уж кулаки приметные, запомнил.

– Мы где-то встречались? – князь посмотрел парню в глаза.

– Конечно, встречались, и не один раз, господин, – улыбнулся тот. – Я раньше служил в корчме, куда вы частенько заглядывали, и даже пару раз говорили со мной.

– Ах да, да, – тут же припомнил Егор. – Ты Фридрих, так?

– В точности так, господин Георг. Но Фридрих – это слишком уж громко. Друзья зовут меня – Фриц Колесо или просто – Колесо.

– Почему Колесо? – Вожников вскинул брови. – Ты что – логистик? Тьфу... С тележным делом знаком?

– Нет, незнаком, – пожал плечищами парень. – Просто лет семь назад, на праздник, на спор сломал о свою голову тележное колесо. Крепкое, доложу вам, случилось колесико!

– Одна-ако, – покачал головой, князь весело рассмеялся, следом за ним захохотали и остальные кандидаты в наемники.

– И часто ты таким образом развлекаешься? – отсмеявшись, поинтересовался Егор.

– Да с того самого случая – никогда. Голова ведь – чтобы думать, а не колеса об нее бить.

– Молодец! – господин Георг одобрительно улыбнулся. – Значит так, Фридрих, назначаю тебя сержантом – старшим. Но, не думайте, что вы уже приняты – еще нужно пройти испытание.

– Мы готовы, господин, приказывайте!

Вскочив с бревен, парни, числом дюжина, изъявили полное желание немедленно ринуться в бой.

– Нет, нет, – охолонул их князь. – Сломая голову никого бить не надо. Сначала надобно поразмыслить, хоть задание и простое: напасть на монастырь Святой Магдалены, освободить из подвала одну девушку и быстро уйти – так, чтоб никто не успел очухаться. Ясно?

– Вполне, – наморщив лоб, отозвался за всех Фридрих. – Сколько мы можем думать?

– До вечера, – усмехнулся Егор. – Придумаете раньше – сообщите. Живу я...

– Я знаю, господин Георг.

Юный Бруно возвращался на постоялый двор с радостным сердцем: он только что встретился у Красных ворот с братом Деметриусом, и тот дал ему любовное зелье, даже два – первое наказав подмешать его в вино сразу двоим – не только служанке, но и ее господину.

– Видишь ли, мальчик мой, – воровато оглядываясь, пояснил монах. – Насколько я понял с твоих же слов, твоя Лерба, несомненно, испытывает какие-то чувства к своему хозяину... так?

– Да, – тряхнув челкой, отрок покусал губу. – Так.

– В этой вот, синей склянке – снадобье против любви, обоим его и всыплешь – ну, чтоб друг друга разлюбили, понимаешь?

– Угу.

– Ну, а потом настанет черед для другого зелья – красного. Сам его выпьешь и угостишь девчонку, понятно?

– Я все понял, святой брат! Сделаю, как ты сказал, спасибо! Так я побегу уже?

– Беги, – ухмыльнулся монах. – Беги, милый Бруно... мой маленький глупый друг.

Последнюю часть фразы убежавший отрок, конечно, не слышал... Правда, и далеко не отбежал – вернулся, ухватив францисканца за сутану:

– А что, если не сработает, если что-то пойдет не так?

– Фома ты неверующий, братец!

– А вдруг я нечаянно разобью склянки, или они разольются – всяко ведь может быть?
Монах смачно зевнул:

– Ну, что с тобой делать? Я почти каждый день в твоей любимой корчме обедаю – где вкусные лопухи в меду подают. Туда, если что, и заглянешь... может быть.

Проводив парнишку глазами, францисканец тихо пробормотал про себя что-то про корчму «с этими проклятыми лопухами», в которой уж придется посидеть, ибо мало ли «это чучело» и в самом деле разобьет склянки? Или, что вернее, их у него украдут – в корчмах-то тот еще народец!

В отсутствие хозяина Лерба быстренько прибралась в комнатах, затем, натаскав воды, искупалась в кадке, после чего, накинув рубаху, уселась у окошка на лавке да принялась зубрить азбуку:

– А-а, бэ-э, цэ-э....

Не такой уж и сложной оказалась наука, тем более Лерба была девушкой неглупой и целеустремленной – весьма. Если бы еще никто не мешал... так ведь нет, малыш Бруно приперся, какой-то необычно взволнованный, радостный, можно даже сказать – шальной. Уселся на скамью, да глазами своими уставился, бедную девчонку смутив – Лерба даже рубашку на коленки натянула... хотела было и юбку, и передник надеть, да жарко.

– Ты что же, меня стесняешься, да? – обиженно поджал губы отрок. – Будто мы с тобой голыми не купались.

– Мало ли с кем я купалась... Не мешай! «Бэ» и «а» – «ба», «цэ» и «э» – «цэ»...

– Ты, Лерба, грамоту учишь?

– Учу, да.

– Я тоже скоро буду.

– Ну и пожалуйста. А сейчас – не мешай. «Вэ» и «у» – «ву»...

– Лерба! – отрок все же не усидел тихо.

– Чего тебе?

– А ты и я... я тебе хоть немножечко нравлюсь?

– Ты? – девушка хмыкнула и пригладила волосы рукой. – Ну, на лицо ты приятный...

– Ой! – услышав такое, Бруно сразу разулыбался, аж до ушей. – И ты даже поцеловать меня можешь?

– Поцеловать? Тебя? – девчонка неожиданно скривилась. – Ну нет, больно уж от тебя потом несет, братец! Вот если бы ты вымылся... или хотя бы сполоснулся... Кадка у нас есть, а воду во дворе, из бочки возьми... хотя можешь и прямо в бочке – уж на тебя-то никто пялиться не станет.

– В бочке, ага! Смотри – ты ведь обещала... – на ходу срывая одежду, Бурно выбежал во двор, что-то радостно крича...

Лерба прислушалась – парень-то вел себя необычно, а господин приказывал на все необычное самое пристальное внимание обращать.

– Господи, господи... – запрыгнув в бочку с водой, радостно вопил парнишка. – Может, и никакого зелья не нужно?!

Зелье? Кажется, он именно так и сказал – зелье. Или – слышалось. Бруно ведь совет, недорого возьмет, поболтать этот парень любит.

– Ну, вот! – натянув штаны и прихватив рубаху, отрок живо прискакал наверх. – Теперь уж от меня потом не пахнет. Целуй!

– Потом не пахнет, – принялась девушка. – Но навозом несет – как из коровника. Господи... что же они, навоз в той бочке держали? Ладно, не дуйся... иди сюда, вот, на скамейку садись. Глаза закрывай, ага...

Взяв парнишку за плечи, Лерба быстро чмокнула его в губы и засмеялась:

– Ну, все.

Бруно открыл глаза:

– Нет, мало!

– Ишь ты, мало ему... Хорошо, я тебе еще разок поцелую... долгопредолго, сладко-пре-сладко – хочешь?

– Конечно, хочу! – парень даже подпрыгнул от радости.

– Тогда скажи – чего это ты такой нынче веселый... И о каком таком зелье толковал?

– Зелье? – юный «Казанова» прикинулся простачком. – Какое еще зелье?

Девушка строго нахмурила брови:

– Будешь врать – поцелуя вовек не дождешься! И зелье твое не поможет, клянусь!

Отрок, видно было, мучился – вертелся на скамье, словно уж, может даже – клял свой болтливый язык самими последними словами.

А хитрая Лерба, помня наказ хозяина, тоже входила в раж: очень уж ей любопытно стало – что там за зелье такое? Она уж и подол повыше колен задрала, и рубашку с плеча приспустила, почти до самой груди... да что там – почти!

– Ай, ладно, – махнув рукой, вскочил на ноги отрок. – Зелье-то у меня в мешке, сейчас принесу... я быстро. Смотри, только с поцелуем не обмани.

– Не обману. Когда я кого обманывала?

Посмотрев убегающему мальчишке вслед, служанка погладила рыжего бродячего кота, нагло прыгнувшего с крыши на подоконник, и неожиданно улыбнулась: может, и в самом деле прав господин – хороший из Бруно получится муж! Послушный, легко управляемый... Или это он пока еще юн – такой? Так, как господин сказал – воспитывать надо.

Подросток вернулся быстро, торжествующе вытащил из котомки два разноцветных флакона, с торжествующим видом протянул девчонке... и тут же, хитро прищурившись, убрал руки за спину:

– Не-ет! Сначала – целуй!

За этим-то занятием и застал их внезапно вернувшийся князь – за страстным и долгим поцелуем, подействовавшим на юного Бруно столь сильно, что парень даже выронил флаконы. Сначала синий упал... потом – красный. Одна из склянок разбилась, и растекшееся по полу зелье вмиг привлекло внимание сидевшего на подоконнике кота.

Впрочем, целующимся все вокруг, похоже, было уже безразлично.

Подойдя ближе, Вожников спрятал усмешку и хлопнул паренька по плечу:

– А что это вы тут делаете-то, а?

– Ой!

Обернувшись, Бруно в ужасе округлил глаза, Лерба же отпрянула, едва не наступив на валявшегося без движения кота...

– Рыжий, – присев на корточки, задумчиво промолвил Егор. – Похоже, не жилец уже... Чего это он тут нахлебался? Это что тут! Эй, эй, мальш – а ну, стоять! Стоять, я сказал!

Попытавшийся было скрыться мальчишка застыл, словно пригвожденный к порогу властным взглядом князя.

– Лерба, а ну, веди его сюда! Что это... что это за осколки? – молодой человек принюхался. – Валерьянкой пахнет... Эх, рыжий, рыжий... бедолага. Ну?! – поднявшись, Вожников сурово посмотрел на служанку и мальчика. – Что было в той склянке. Можете мне сказать?

– Говори! – девушка с силой ткнула Бруно кулаком в бок. – Да смотри, все честно рассказывай.

– Это... – подросток испуганно покусал губы. – Это – любовное зелье!

– Вот как? Любовное зелье? – ухмыльнулся князь. – И кого же ты хотел им приворожить? Уж не Лербу ли?

Бруно поник головой, ожидая расправы, которая, несомненно, должна была очень скоро последовать – рыжий бродячий кот, налакавшись снадобья, давно уже не подавал признаков

жизни. Так выходит... Выходит, что он, Бруно, чуть было не отравил и так понравившуюся ему девушку, и господина Георга... и самого себя.

– Ну, ты не молчи, не молчи, рассказывай! – взяв парня за плечи, Вожников усадил его на скамью. – Откуда склянки, кто их тебе дал, где его можно найти?

– Брат Деметриус, – не поднимая глаз, тихо пробормотал подросток. – Странствующий монах, паломник... а найти его можно...

Велев Лербе тщательно протереть пол и зарыть котла где-нибудь на задворках, господин Георг кликнул слуг, одного из которых тут же отправил к знакомому алхимику – проверить уцелевшую склянку – остальным же велел следовать за собой... и Бруно.

– Ты точно узнаешь его, парень? – на ходу спросил князь.

– Да-да, узнаю. Я... я своими руками его придушу!

– А вот этого не надо. Пока...

Егор посмотрел на людную улицу, заранее прикинув, как незаметно доставить захваченного монаха на постоялый двор. Под видом пьяного, наверное... да – так: пьяница и компания верных друзей, ведущих его домой, к женошке.

– Вон он, вон! – встrepенувшись, Бруно вдруг показал рукой на неприметного монаха со смешным венчиком желтых волос вокруг обширной лысины. – Хватайте же гада, куда он не убеет!

– Не убежит, – хмыкнув, Вожников жестом подозвал слуг. – Монаха видите?

– Да, господин Георг.

– Слегка оглушите и тащите на постоялый двор под видом пьяного. Смотрите только, не переусердствуйте – мне он живым нужен.

Все прошло гладко, так, что никто из посетителей корчмы, на террасе которой и ошивался монах, ничего не заподозрил... а даже если и заподозрил, так вмешиваться в действия дюжих и уверенных в себе молодцов дураков не сыскалось.

Схваченного монашка живенько приволокли в апартаменты князя, где – в обществе все той же Лербы – его поджидал здоровенный малый Фриц Колесо, еще утром назначенный Вожниковым старшим среди вновь принятых на службу в корпорацию воинов... впрочем, пока еще – не принятым. Еще оставалось для них одно испытание, не столь уж и легкое, кстати...

– Ну? – удивленно посмотрел на него Егор. – И зачем ты явился? Хочешь что-то уточнить?

– Нет, господин, – поклонившись, молодец с достоинством расправил широченные плечи. – Я просто пришел сказать вам, что мы хотим начать действия уже сейчас!

– Сейчас?! Днем?

– Ну да, – улыбнулся Фридрих. – Ночью-то куда труднее будет – ворота запрут намертво, выставят стражу...

Князь потер руки и одобрительно хлопнул парнягу по плечу:

– Что ж, сейчас так сейчас... Только вот тебе придется обождать немного – сейчас приведут одного парня. Та-ак... давай-ка раздевайся до пояса... Лерба, затвори ставни, сделай этакую полутьму... Ага! Бруно! Иди сюда.

– Да, господин? – все еще чувствуя себя виноватым, подросток едва не упал на колени.

Егор взял его за руку и подвел к окну:

– Вот, стой-ка... Фридрих!

Оставив Бруно у окна, князь отвел здоровяка в уголок и, подмигнув, прошептал:

– А ну-ка, друг мой Фриц, расквась-ка нос этому зловредному мальчишке!

– Ой... – здоровяк задумчиво почесал мощный, словно у быка, загривок. – Как бы мне его невзначай не пришибить.

– Не, не, – замахал рукой князь. – Не надо пришибать, бей осторожно, тихонько. Просто, чтоб кровь пошла... И сразу себя этой кровушкой измажешь, особенно руки. Ну, иди, не стой же... Бруно, мальчик мой!

Бедолага едва успел повернуться, как здоровенный кулачище Фридриха со вкусом впечатался ему в нос!

Кандидат в мастера спорта по боксу среди юношей – Вожников – оценил удар на пять баллов! Фридрих бил, как и просили – не сильно, но кровь пустил – для носа-то много ль надо?

– У-у-у-у! – закатившись от удара под лавку, завыл Бруно, а, углядев склонившегося над ним обидчика, заплакал навзрыд. – Не бейте мне пожалуйста, не бейте...

– Да успокойся, – усевшись на корточки, господин Георг погладил его по голове. – Никто тебя больше бить не будет, обещаю. Просто кровушкой своей поделись, поверь, так для дело нужно... Лерба!!! – князь обернулся. – Где ты там ходишь-то?

– Я здесь, господин... Ой...

– Воды холодненькой принеси – умой этого... Да! И попроси на конюшне кнут.

Введенный под руки монах сразу сомлел, едва только углядел в мрачном полумраке стоящую у окна зловещую фигуру с обнаженным, заляпанным свежей кровью торсом и с длинным кнутом в руке. Настоящий висельник, палач – куда там немому Гуго! Рожа – квадратная, кирпичом, а уж ухмылка...

– Хочешь, чтоб тебя сначала побили? – язвительно осведомился... герр Георг.

Монах его сразу узнал, еще бы...

– Думаю, мой палач сможет перебить тебе позвоночник с одного удара... А ты что скажешь. Бруно?

– Не, с первого удара не перебьет – прицелиться надо. Но со второго – точно!

Увидев мальчишку, брат Демитриус... брат Арнольд – доверенное лицо аббата обители Святой Магдалены! – сразу все понял. Значит, не показалось – хитрая физиономия юного прохвоста еще там, у корчмы, мелькала... Теперь все ясно – пощады не будет... если...

В конце концов – он, брат Арнольд, всего лишь исполнитель... всего лишь...

– Я расскажу все, что вы хотите знать, – твердо заявил монах. – Спрашивайте.

Часа через три, уже после обедни, к стенам доминиканского монастыря Святой Магдалены, скрипя колесами, подъехали две большие, крытые рогожками, телеги с чумазыми возчиками.

– Эй, отворяй! – прыгнув с телеги, такой же чумазый, с карими глазами, мальчишка нахально забарабанил в ворота. – Оглохли вы там, святые отцы, что ли?

– Чего надобно? – сверху, в узенькое окошко-бойницу, высунулась заспанная физиономия монастырского стража, на редкость щекастая и упитанная. – Чего орешь, паршивец, спрашиваю? Хочешь, чтоб мы тебя отдубасили? Так это сейчас, мигом.

– Ха! – подбоченясь, ничуть не испугался мальчишка. – Тогда на зиму останетесь без угля, мне-то что!

– А-а-а! Так вы углежоги, – наконец-то сообразил страж. – А мы вас только к пятнице ждали. Ныне отец настоятель с отцом каштеляном в отъезде, распорядиться некому.

– Ну, раз некому, так мы можем и уехать, – чумазый паршивец обиженно сплюнул. – Мне-то что? А уголь и на базаре продадим, запросто.

Повернувшись, он вернулся к телегам и замахал рукой:

– Разворачивай, братцы!

– Эй, стой, стой! – испугался монах. – Стой, кому говорю, чтоб тебя разорвало! Обождите... сейчас соображу.

– Давай соображай. Только быстрее мозгами своими ворочай – до ночи ждать не будем, нам еще домой возвращаться.

Щекастая морда монастырского стража исчезла, а через некоторое время – не столь уж и долгое – за воротами послышался натужный скрип засова.

– Заезжайте, – отворив ворота, махнул рукой мордастый страж. – Эй, брате Матиас, покажи им, как подъехать к амбарам.

– Сделаю, брат Дитмар, покажу.

Бывший среди «угольщиков» князь пониже надвинул на лицо капюшон, увидев одного из своих старых знакомых. Впрочем, в таком виде его не узнал бы сейчас даже сельский участковый уполномоченный, «пятнадцатилетний капитан» Крабов, проработавший на своем участке лет двадцать, но не поднявшийся до майора вовсе не из-за пьянки, а ввиду исключительной неуживчивости с начальством. Даже он – не узнал бы, а уж тем более какой-то там монах!

– Ой, брат Арнольд! – увидав сопровождаемого дюжими углежогами монаха, несказанно обрадовался брат Дитмар. – Как хорошо, что вы здесь – есть хоть кому распорядиться!

– Распоряжусь, распоряжусь, – нервно отмахнулся клирик. – В амбарах места пока нету. Уголь пусть в подвал сыплот – потом в амбары перенесем. Брат Дитмар, ключ от подвала у кого?

– У подвальной стражи, у кого же еще-то, брате Арнольд? Погодь, сейчас велю принести.

Дальше все оказалось делом техники. Пока часть «оперативной группы» под видом углежогов разгружала уголь, с полдюжины особо одаренных специфическими талантами человек под предводительством самого князя проникли в отделение узников и, перекусив прихваченными с собой щипцами решетку, вошли в извилистый коридор, скрытый в полумраке...

– Куда? – невесть оттуда выскочил вдруг страж... тут же получивший в зубы от Фридриха Колесо и моментально поплывший.

– Молодец, Фриц, – одобрительно покивал Егор. – Чистый нокаут. Оп!

Следующего схватил за грудки сам князь:

– Где тут у вас колдунья?

– Ммм... Ннн... – замычал тот.

– Глухонемой, что ли? Понятно...

Короткий хук слева в скулу... и тот же результат – нокаут.

Фридрих Колесо уважительно крякнул:

– А вы умеете бить, господине.

– Еще бы, – хмыкнул Егор.

КМС по боксу все-таки... хоть и среди юношей, и в прошлом уже... А все же мастерство не пропьешь – так-то!

Еще немного пройдя, вся компания остановилась перед запертой дверью. Повинуясь нетерпеливому жесту князя, Фридрих отодвинул засов... скрипнули петли...

– Эй, кто тут яду просил? – заглянув в мрачную темную сырость, весело выкрикнул Вожников.

– Яд? – через какое-то время вдруг послышался усталый женский голос. – Я... я просила, да...

– Тогда пошли! – засмеялся молодой человек. – Яду, видишь ли, мы не нашли, так ты, если надо, сама себе купишь, ага? Ну, идем же! Или хочешь остаться здесь?

– Нет... но... кто ты?

– Ты еще спрашиваешь?!

– Прости. Я поняла. Просто никак не могу поверить.

– А ты постарайся. Ну? Что сидишь-то! У нас мало времени.

– Цепи...

– Ах, цепи... Тоже еще проблема. А ну-ка, Фридрих, займись!

«Углежог» уехали так же внезапно, как и явились, прихватив с собой брата Арнольда и освобожденную колдунью – Марту.

– А все-таки с угольщиками славно вышло! – шумно радовался осмелевший Бруно.

Брат Арнольд скривился:

– Так бы гладко не сладилось, коли бы я вам про угольщиков не сказал бы.

– Не сказал бы?! – без всякого почтения хлопнув монаха по шее, усмехнулся Фриц Колесо. – А куда бы ты, болезный, делся-то?

Приговоренная к сожжению на костре юная ведьма Марта Носке неотрывно смотрела на город, словно не верила, что она – свободна. Да и свободна ли? Все эти люди, они явно не вызывали доверия, особенно тот здоровяк с квадратным лицом убийцы... или этот нахальный мальчишка.

Господи... Марта тряхнула кудрями – что же она такое думает-то? Ведь эти парни только что ее спасли! Вытащили из узилища. А вот тот... тот... чужак... Он прекрасен и добр!

Князь с улыбкой смотрел на колдунью... на молодую и очень красивую женщину в рубище, с бледным изможденным лицом и волшебными сверкающими глазами цвета настоявшегося чая.

– Куда вы пойдете сейчас? Может, ко мне?

Спасенная дернулась, обернулась:

– Нет! Если можно, выпустите меня близ ворот Святого Якова. Как раз сейчас будем проезжать...

– Вы пойдете в таком виде? – удивился Егор.

Женщина улыбнулась:

– Именно. Затеряюсь среди нищих, убогих и калек...

– Ну, что ж... Бруно, придержи мулов... Ага! Что ж, – молодой человек вновь посмотрел на ведьму. – Рад бы вам хоть чем-то помочь. Прощайте.

– Нет-нет, – спрыгнув с телеги, колдунья неожиданно взяла его за руку. – Я не прощаюсь, я вам... кое-что должна... должна исправить то, что совершила... что меня заставили совершить. Уже завтра, да... завтра... Вы сможете заглянуть примерно через час-полтора после обедни в таверну «Золотой колос» близ Птичьих ворот?

Вожников улыбнулся – риторический оказался вопрос. Конечно же заглянет! Тем более ради встречи с такой женщиной, манящую красоту которой не смогли погасить ни пытки, ни тюрьма, ни лишения.

Вечером закатали небольшую пирушку, обмывали удачно завершенное дело, а заодно – и принятие на службу новых – и весьма достойных – людей. Звенели бокалы. Стучали кружки. Рекою лилось вино. Взобравшись на скамью, юный Бруно с выражением читал стихи, Лерба пела, шумно веселились все!

Даже не заметили, как сбежал брат Арнольд – не до него было. Да и черт с ним, кому он теперь нужен-то?

Как говорил старик почтенный:

Есть распорядок низменный,

звонко декламировал Бруно:

Которым ведет Господь...

Пока живущий тешит плоть! —

неожиданно подхватил Фридрих.

Без меры ест, спешит напиться,

Глядишь – и смерть за ним тащится...
Так было с ними в этот час!

– Вернер Садовник! Хороший поэт, мне тоже нравится.

Пока господин Георг веселился со своими людьми на постоялом дворе, никому не нужный монах-доминиканец, брат Арнольд, сидел в одной захудалой корчме на улице Медников, что близ высокой ратушной башни Перлахтур, прихлебывал кислое пиво да поджидал одного человека, про которого давно уже кое-что слышал, но никому не докладывал – просто держал в уме.

Человек этот – мастерской или средней руки бургер – частенько заглядывал в эту корчму после возвещающего конец рабочего дня звона колокола собора Святой Девы Марии. Вот и сейчас колокол уже звякнул три раза – бомм, бомм, бомм. А человечка все не было... Ах, нет! Вот он...

Невысокий, в длинном кафтане доброго, но неброского сукна и скрипучих башмаках с пряжками, он опустился на скамью, заказав пару кружек пива...

Отец Арнольд тут же присел рядом и сразу, без долгих предисловий, промолвил тихим и, кажется, вполне равнодушным голосом:

– Не вы ли интересовались неким господином из северных стран?

Корчма «Золотой колос», куда князь явился сразу после обедни, еще была пуста, если не считать компании из трех вполне прилично одетых людей, весело пивших пиво рядом, в углу. Один из них вдруг повернулся к Егору – светловолосый, с открытым лицом и приветливой улыбкой:

– Извините, мы вам не очень мешаем, любезнейший господин?

– Да нет, – Вожников пожал плечами. – Не очень.

– Мы тут, видите ли, празднуем удачную сделку – наш товарищ, герр Герхард Штаубе нынче купил целый воз восковых свечей за смешную цену!

– Рад за него, – искренне улыбнулся Егор.

Нормальному человеку всегда приятно, когда у других – пусть и незнакомых – людей – радость. Тем более скоро... уже очень скоро сюда придет та волшебная женщина... Марта... Марта... Сколько же тебе пришлось перенести, милая красавица? Ведьма. Весьма нешуточное обвинение... которое так легко устроить. Наверняка приложили руку завистливые подруги... или какой-нибудь похотливый черт, которому Марта не ответила любезностью, известно, какого плана. Впрочем, что гадать?

Задумчиво глядя через окно на цветущую липу, молодой человек вдруг почувствовал позади какой-то шорох и обернулся...

– Примите от всех нас, уважаемый господин, – поставив перед князем объемистую кружку с пивом, улыбнулся все тот же незнакомец с соседнего стола. – Прошу – со всем нашим уважением. Еще раз простите за назойливость.

Что ж...

Вожников поднял кружку, чокнулся в воздухе во всеми троим... Хорошее оказалось пиво, славное – давно надо было уже заказать! Легкое – и вместе с тем тягучее, плотное, густое... с такой еле заметной горчинкой... горчинкой... горчинкой...

Стены корчмы вдруг искривились, зашатались, воздух сделался горячим, как в бане, а стол, изогнувшись дугой, прыгнул прямо в лицо!

– Готов, – поднявшись, усмехнулся тот самый вежливый бургер с приветливым и открытым лицом. – Подите, доложите господину Вандер...

– Господин Вандервельде уже здесь, – подходя, хохотнул голландец. – Славная работа, парни!

– И славное снадобье! Ишь, спит как младенец.

Вандервельде развязал висевший на поясе кошель:

– Вот ваши флорины, молодцы. Благодарю! Вы все сделали, как надо. Да! И не забудьте передать флорин тому монаху, как его... забыл.

– Передадим, герр Вандервельде. Обязательно передадим.

Примерно через час или что-то около этого в корчму заглянула красивая молодая дама в дорожном платье и в сопровождении дюжего слуги. Окинув взглядом полупустую залу, подозвала хозяина – разбитного коренастого швабца.

– Видный, хорошо одетый господин? – переспросил тот. – Уж не герра Георга ли вы имеете в виду, любезнейшая моя дама?

– Допустим, его.

– Так он ушел уже... Мне показалось – встретил старых товарищей, и с ними куда-то вышел.

– Ушел, говоришь...

Бросив кабатчику грош, дама, не оглядываясь на почтительно державшегося позади слугу, вышла на улицу и задумчиво уселась в седло, погладив по гриве смирную каурюю лошадь.

– Ушел...

Блестящие, темно-карие глаза ее вдруг сердито сузились, расширились изящные ноздри, женщина вздохнула, будто втягивая в себя нечто, что плавало сейчас в воздухе и говорило о многом.

– Ушел? Нет... не ушел – увели! Увели, увезли обманом и силой. И я, только я, в этом виновата. Что ж, одна ошибка ведет за собой следующие. Придется исправлять все! Но сначала узнать, узнать... ладно... Гельмут! Можешь идти, дорогой, и спасибо за сопровождение.

– Ну, что ты, Марта! Я же помню, как ты излечила мою дочь.

Марта спешила:

– Возвращаю тебе лошадь... еще раз благодарю.

– Может, мне стоит остаться?

– Не стоит. Ты и так много сделал для меня, Михаэль. Дальше уж сама. Да ты не переживай – справлюсь...

– Правда, придется трудно, – прошептала колдунья, когда Михаэль с лошадью скрылся из виду. – Но я должна. Должна! Должна!

Глава 8

Господин Никто

За железной дверью вновь послышались шаги, отдававшиеся под мрачными сводами тюремного коридора гулким, медленно затихающим эхом. Князь приподнялся на ложе, прислушался – вроде бы для ужина было еще рановато, не так и давно приносили обед, да и в узком, под самым потолком, оконце, забранном мелкой решёткой, виднелись плотные жемчужно-серые облака, так напоминавшие Егору небо далекой родины. Еще и смеркаться не начинало. Кто же тогда в коридоре топал? Дежурный стражник? Вожников усмехнулся: да, вообще-то тюремщикам полагалось время от времени совершать обход... только вот Конрад Минц – сейчас как раз его была смена – этого никогда не делал, ленился.

Тюремщики, хм... скорей уж – послушники, темница-то – монастырская! Подвал не хуже того, что в аугсбургской обители Святой Магдалены с ее недоброй памяти монахами и аббатом.

За две уже проведенные в узилище недели столь необычно хмурого нынче июля князь запомнил имена и привычки всех своих стражей, благо их было-то всего двенадцать, причем десятник каждое утро устраивал в конце коридора нечто вроде переклички-развода, а на слух Егор никогда не жаловался. Тем более заняться-то все равно было нечем, даже не с кем поговорить в одиночке-то. Впрочем, с другой стороны, камера узника вполне устраивала – могло быть и гораздо хуже, чем сейчас.

Да, темновато, да – окошко маленькое и высоко, – зато вполне просторно и даже ковер на полу, а, кроме вполне приличного ложа, еще и стол с лавкой, и пара деревянных кресел, не особенно, правда, изящных, но для тюрьмы сойдет. Еще имелась своя уборная-умывальня – в отдельной комнате – по тем временам, вообще, роскошь неслыханная. Вожников так свою камеру и окрестил – узилище для VIP-персон...

Князя там просто держали. Никто из высокого монастырского начальства не заходил, обвинения не предъявляли, и похожие один на другой дни тянулись бы невыносимо медленно, вот только Егор не имел такой привычки – страдать, – а, пользуясь всеми возможными способами, изучал и запоминал своих стражей, и о некоторых уже мог бы рассказать многое, если не всё.

Приносившие еду тюремщики относились к узнику весьма уважительно, правда, ни в какие разговоры не вступали – видать, то им было запрещено. Ничего! Князь улыбнулся, прислушиваясь к раздававшимся за дверью шагам... Еще не вечер!

Чу! Снаружи загремел засов...

– Добрый вечер, уважаемый господин Никто.

Господин Никто – именно так здесь к Егору и обращались, ясно – по чьему приказу. Сигизмунд – тут и думать нечего! Достал все-таки, хитрый черт, достал...

– Здравствуйте, господин десятник, – поднявшись с ложа, улыбнулся князь. – Или лучше сказать – святой брат?

– Я еще не монах.

– Понятно... Вот как, уже, оказывается, вечер? А я и не знал. Как там погодка?

– Да все дождь. Вторую неделю льет.

Тюремщик – круглолицый, с вислыми смешными усами и умным взглядом темных, слегка навывкате, глаз, мужчина лет сорока, коренастый и плотненький, чем-то напоминал Вожникову циркового борца.

– Ай-ай, – посочувствовал узник. – Как хоть урожай собрать? Присаживайтесь, брат Майер, в ногах правды нет... Впрочем, вы же здесь хозяин, что это я...

– Откуда вы знаете мое имя? – десятник бросил на князя долгий подозрительный взгляд. – Кто вам сказал?!

– Все! – светски развел руками Егор. – Каждое утро я слышу в двенадцать глоток – «Яволь, брат Майер! Яволь!»

– Ах, вон оно что... – страж улыбнулся и даже присел в креслице. – А я вот зачем к вам. Почтеннейший господин настоятель Гвидо фон Дорф интересуется – нет ли у вас каких-либо просьб по улучшению быта?

Ведь кое-что мы все же можем для вас устроить, к примеру – поменять матрас или простыни. Сказать честно, вы ведь совсем не доставляете нам хлопот, господин Никто, хоть нас и предупреждали об обратном. Так что вполне можете рассчитывать на свежие простыни, вполне!

– Что ж, это прекрасно, – потер руки князь. – Только вот у меня может оказаться множество мелких просьб, так, ничего для вас не стоящих... лишь для меня... Я бы составил список.

– Список?! – У десятника брови полезли на лоб.

Узник повел плечом:

– Ну, конечно! Список. Так и мне, и вам было бы легче, просто подали бы бумагу святейшему отцу Гвидо – и все. Уж точно ничего бы не забыли бы. Тем более, знаете, как это бывает, когда кто-то передает чужие просьбу облеченному властью лицу? Всем начальникам почему-то кажется, что это именно вы просите, а не я. А так... что написано, то написано, верно?

– Хм... Может быть, – встав, стражник потеревил ус. – Я подумаю над вашим предложением. До свидания.

– Спокойной ночи, герр Майер.

Распрощавшись с тюремщиком, молодой человек повалился на ложе и, заложив за голову руки, с улыбкой посмотрел в потолок. Нечего сказать, задал он брату послушнику задачку! Тот ведь наверняка неграмотный, как и все остальные охранники – а начальству надо что-то докладывать, и... Могут, конечно, и просто снова переспросить – устно, но Вожников все же надеялся на письменное обращение – хоть таким образом пообщаться с аббатом, от которого здесь, в тюрьме, зависело все.

Кое-что о фон Дорфе Егор знал уже из разговоров стражников: о том, что у сестры отца Гвидо большая семья, проблемы с племянницей – ошиблись, выдали замуж не за того, кого надо... за какого-то художника, что ли... да и вообще, деньги сему достойному семейству требуются.

Утром, сразу после переклички, вновь послышался лязг засова, и явившиеся стражи принесли чернильницу, перо и несколько листов бумаги, в которых «господин Георг» с удовлетворением признал продукт собственных аугсбургских мельниц.

– Спасибо, уважаемые. Но я бы еще попросил свечу!

Принесли и свечу, все же узенькое оконце давало мало света, а князь не собирался слепить глаза.

Получив требуемое, молодой человек немного подумал, ухмыльнулся и, взявшись перо, принялся за дело.

В узилище совершенно необходимо было поменять матрас на лучший, набитый пухом и обтянутый белым аксамитом ценой по три с половиной флорина за локоть. Кроме того, нуждались в замене и подушки, и одеяло, и кроме того – меню: надоело уже есть каши и затирухи, хотелось бы пищи несколько поизысканней, да и хорошего вина пару кувшинчиков в день – было бы неплохо.

А еще... Вожников даже губу чуть не прикусил – раскатал настолько! И все строчил, строчил, да про себя посмеивался...

Десятник доставил прошение отцу настоятелю уже к обеду, причем в буквальном смысле слова – отец Гвидо фон Дорф – еще не старый, с лицом потасканного бульдога, мужчина, дородный, с объемистым брюшком и вполне достаточной силой в мощных руках – как раз и соби-

рался обедать, и даже уже успел поднести ко рту ложку с рыбным супом – как и положено в постные дни... В это момент как раз и явился десятник:

– Вот прошение, почтеннейший господин фон Дорф.

Подув на ложку – варево-то монастырский повар принес горячее! – главный тюремщик скосил глаза на своего подчиненного и, что-то буркнув, кивнул на дверь.

С поклоном положив на стол несколько листов бумаги, десятник пожелал обожаемому начальству приятного апатита и быстренько удалился. Читать он и в самом деле не умел.

А вот начальник... да лучше бы не знал грамоты тоже! Едва прочитав первые строчки, господин настоятель ахнул, а чуть погодя у него уже и брови полезли на лоб... и вот он уже читал вслух, пока совершенно не понимая, что делать – гневаться или смеяться?

Особо понравившиеся строки сей достойнейший муж перечитывал вслух, снабжая их кое-какими личными комментариями:

– Для украшения узилища – шесть картин с золотым тиснением, ценой по двенадцать флоринов каждая... Дюжина флоринов!!! Каждая! Дьявол тебя разрази! Что еще необходимо? А вот: образ Богоматери с короной и Младенцем – сто восемьдесят флоринов, большое серебряный подсвечник на шесть свечей – двести пятьдесят флоринов, новый персидский ковер на пол – шестьсот флоринов, такой же ковер, меньшего размера, на стену – четыреста пятьдесят... Он что, издевается? Нет, это что же такое творится-то? Ларец-то за триста флоринов ему зачем? Или – чернильный приор из яшмы, дюжина перьев, три пачки хорошей аугсбургской бумаги... Письма писать собрался? А вот это запрещено! Так... Пост Скриптум... – тюремщик почесал затылок. – А это что еще такое? Похоже, латынь... Ах да – пост скриптум же! «Платежи за все вышеизложенное будут проведены торговым домом герра Ганса Фуггера из Аугсбурга в самые кратчайшие сроки. Платежное поручение прилагается». Ага... прилагается...

Фон Дорф зябко потер руки и, напрочь забыв про еду, снова вчитался в прошение – на этот раз с куда большим интересом:

– «Платежное поручение: агентам герра Ганса Фуггера в Констанце оплатить все по списку золотыми и серебряными монетами»... Ишь ты! Золотыми монетами! – начальник тюрьмы завистливо скривился. – Не каждый купец на такое право имеет! Ну, допустим, оплатят... дальше что? Ага, вот... Посредничающим во всех указанных сделках лицам выплатить причитающийся процент в размере от одной десятой... до одной четверти совершенных трат, точный размер вознаграждения будет указан»...

– Посредничающие лица... – отложив в сторону листок, повторил аббат. – Это ж, по всему, я, выходит... А ну-ка, ну-ка... От десяти процентов до четверти... Славно! Вот ведь, черт подери, славно! Эй, кто там есть? Эй, Якоб!

Махнув рукой на обед, главный тюремщик явился к VIP-узнику в сопровождении двух дюжих братьев и особо доверенного слуги – Якоба – неприметного монашка с хитрым лицом и мутным взором.

– Как вам у меня сидится, уважаемый господин? – радостно потирая руки, осведомился фон Дорф и сам же ответил: – Вижу, вижу, что хорошо... Но можно – можно! – и гораздо лучше... хочу сказать, я с крайним вниманием прочел ваше послание, и вот что решил... Этих картинок на стены – мало, крайне мало, мы обтянем все стены шелком, чудесным светло-зеленым шелком ценою... впрочем, это не важно – ваши агенты готовы оплатить любой счет?

– Да-да, оплатят.

– Ну, вот и славно! – настоятель обрадовался еще больше, чего вовсе не скрывал. – Подсвечник – это верно придумали, очень верно, и с картинками – хорошо, а еще неплохо будет поменять стол... и дверь мне не очень-то нравится. Ну, что это за дверь? Серая, гнусная... Ее бы украсила красивая большая картина... я знаю и художника, который за это дело возьмет... скажем, за двести флоринов... Вам что больше нравится – сцена Страшного суда или кающиеся грешницы?

– Кающиеся грешницы, – скромно опустил глаза молодой человек. – А можно... чтоб одежды на них было как-нибудь поменьше... или совсем не было?

– За ваши деньги – все что угодно, любезнейший друг мой! Так, какой там, говорите, процент?

Мрачное узилище князя преобразилось буквально за пару дней! Все стены затянули шелком, привезли изящную резную мебель, включая пару сундуков для одежды и шкафчики, поменяли ложе на кровати под синим шелковым балдахинном с кисточками, поставили в умывальной восточные благовония в разноцветных флаконах, на стену повесили зеркала, картины, ну и на дверь – кающихся грешниц в чем мать родила. Художник сделал все очень быстро, старательно выписав каждую деталь.

– Талант! – восторженно оценил картину узник. – Я бы ему кое-что заказал еще... на постоянной основе – нельзя это устроить?

– О! Очень даже можно! – аббат буквально излучал любезность. – Я вот ту подумал, друг мой – надо бы заказать вам новое платье... Завтра же – нет, сегодня – пришлю портного...

С портным князь и получил письмо от своего компаньона, и тут же отписал ответ, в котором для начала порекомендовал приобрести долю во всех самых прибыльных предприятиях Констанца, а также завести на Боденском озере рыболовный и прогулочный флот. Кроме того, Вожников тщательно продумал, как прибрать к рукам главный констанцкий бренд – белевые холсты, пользующиеся огромным спросом в Италии, Испании и во многих других странах. Обходить устав цеха суконщиков представлялось пока вряд ли возможным, и выход князь видел в создании вблизи города рассеянной мануфактуры – просто распределять заказы по крестьянским домам, расположенным по берегам озера. С точки зрения логистики – очень удобно, раз уж есть – будет! – свой флот.

Все удавалось – и отправить письма в Новгород, и устраивать финансовые дела... Все! Вот только о побеге следовало на какое-то время забыть! Несмотря на то что теперь Егор частенько обедал в компании самого настоятеля, охраняли его со всей тщательностью, и ни на какие провокации тюремщики не поддавались – перед решетками узилища оказался бессильным даже пресловутый груженный золотом осел! Как обмолвился один стражник:

– Богатство – оно ведь только живому нужно, ага.

Только живому... Все правильно... Похоже, что король Сигизмунд здесь контролировал всё! Естественно, кроме финансов, однако даже большими деньгами нельзя было перекупить страх! Сигизмунд приказал держать здесь, в доминиканских застенках, «господина Никто» – и, не дай бог, побег... Король нашел бы, как покарать виновных, не спрятались бы нигде! А потому – боялись. И, несмотря на все послабления, службу свою несли со всей тщательностью!

Здесь же, в подвале – только, верно, в куда более скотских условиях – томился тот, кого аббат терпеть не мог, а стражники называли Гусем или... Гусом. Ян Гус, магистр богословия и философии, профессор Пражского университета, чье влияние на Чехию трудно было переоценить, давно уже вызывал сильное любопытство Егора... Впрочем, не одно лишь любопытство – имелись у князя и планы на distinguished профессора, точнее – вот только сейчас появились... появлялись... формировались... Чехия (или по-немецки – Богемия) являлась одним из самых богатых и значимых государственных образований в составе Священной Римской империи, и чешский король Вацлав все же приходился Сигизмунду старшим братом. Иное дело, что младший оказался куда хитрее, подлее, коварнее... Вот как и в случае с Гусом – вызвал в Констанц, обещал свободный проезд по имперским землям, охранную грамоту дал, и вот на тебе – в узилище бросил! Не охранная грамота выходит, а филькина, и слово императора – пустой звук! Хотя императором «венгерского и германского короля Зигмунда» признавали далеко не все, вот тот и пытался созвать собор, чтобы как-то поправить дело – выбрать, наконец, истинного папу, покончив с давно дрящейся «великой схизмой», и – не менее важное –

расправиться с Гусом и его сторонниками, наглядно показав старшему брату Вацлаву, кто в курятнике хозяин.

Все это Вожников частью знал еще со времен своей учебы на факультете социальных наук, а частью – подслушал уже здесь, у стражников – в подземельях те говорили громко, никого особенно не стесняясь!

Встретиться с Яном Гусом, великим реформатором, проповедником Новой церкви и чешским патриотом... да можно бы такие дела замутить! За полторы сотни лет до Лютера... От перспектив просто захватывало дух! Ай да Сигизмунд, ай да сукин сын – не на свою ль голову ты бросил в одну и ту же темницу двух столь опасных для тебя еретиков – влиятельного пражского профессора и могущественного русского князя?! Бросил, не побоялся... дурак! Тем хуже для тебя – зарвавшихся идиотов учить надобно, особенно таких хитрых!

Егор уже вплотную прикидывал, как можно поскорее встретиться с Гусом и сделать эти встречи более-менее постоянными... однако встреча их состоялась куда быстрее, нежели предполагал князь, и вовсе не по его желанию. Неожиданно появилась и иная сторона... в лице некоего обаятельнейшего молодого человека лет тридцати пяти в скромной мантии клирика.

Именно его как-то, словно бы между прочим, и пригласил аббат на один из своих обедов в обществе «господина Никто». Так и представил, вполне честно:

– Брат Поджо Браччолини, секретарь папской курии.

– Так папы-то еще, считайте, что толком нет! – искренне изумился Вожников.

Брат Поджо ничуть не обиделся:

– Папы нет, а курия есть и будет всегда. Секретари, мой почтеннейший господин, самые главные люди в этом мире.

– Да-да! – тут же согласился Егор. – У нас тоже так – столоничальники государством правят. И правят, как захотят, без всякой оглядки на какого там президента или премьера... плевать они на них хотели, вот так-то! Каста!

– Вот-вот, совершенно с вами согласен!

– А вы, синьор Браголини...

– Браччолини. «Че»!

– Хорошо, не Че Гевара! – ухмыльнулся князь. – Так вы, брат Поджо, какого папу представляете? Бенедикта? Григория? Иоанна?

– Последнего, разумеется, – прелат расхохотался, показав красивые белые зубы. – Впрочем, здесь не все так однозначно...

– Брат Поджо хотел бы с вами поговорить, – обглодав куриную ножку, пояснил настоятель. – Но, так сказать – приватно. Ну, вы понимаете меня... не для чужих ушей.

Егор развел руками:

– Чужие уши не в компетенции бедного узника.

– Узника – да! – отец Гвидо погрозил обглоданной костью. – Но – далеко не бедный, ха-ха-ха! Ладно, удаляюсь. Поговорите тут... без меня.

Аббат вышел, оставив обоих – гостя и узника – в собственной трапезной, после финансовых вливаний князя выглядевшей, как триклиний в императорском Риме. Вожников прекрасно понимал, что на его глазах – вот прямо сейчас – зарождается какая-то пока еще непонятная ему интрига, одна из тех, что, при удачном ведении дел, могут перевернуть мир. И ему, великому русскому князю, предназначено место одного из двигателей всей задуманной хитрым итальянцем (или кое-кем повыше) игры! Что ж... князь всегда вел дела удачно – и пусть перевернется мир! На пользу Руси, конечно.

– Вина? – не дожидаясь ответа, синьор Браччолини наполнил кубки чудесным красным вином.

Он улыбался сейчас, казалось, самой искренней улыбкой и, несомненно, имел какое-то влияние на отца Гвидо фон Дорфа, влияние очень и очень большое. Эта встреча клирика и князя вряд ли понравилась бы Сигизмунду, и, конечно же, проходила втайне.

Поставив изящный золотой кубок на стол, итальянец потеребил подбородок изящной, унизированной драгоценными перстнями рукою. Он вообще был очень красивый мужчина, из тех, что так нравятся женщинам: обаятельный, умный, с тронутым синеваой подбородком и томным взглядом пронзительных светло-синих глаз. О, такого мужчину, вероятно, не пропустила бы ни она знатная дама... и сам брат Поджо... впрочем, он все же был лицом духовного звания... что, однако, не мешало открыто носить на руках драгоценнейшие перстни! Вот и с женщинами, верно...

Все эти мысли роem пронеслись в голове князя, машинально искавшего любой компромат, на чем бы можно было зацепить итальянца, явно явившегося сюда не просто так.

– Я знаю, кто вы, господин Никто, – с небольшим акцентом, по-русски, произнес синьор Браччолини. – И именно поэтому к вам и пришел.

Узник покривился:

– Хотите предложить совершить побег? В обмен на что-то? Вам нужны деньги?

– Нам – нужны, – не стал скрывать клирик. – Впрочем, не только деньги... но еще хорошо бы войско. Или просто возможность двинуть его одним мановением руки!

– А вот это мы можем! – со смехом заверил князь. – Раз уж вы знаете, кто я... Кого надобно припугнуть? Сигизмунда?

– Не только его, – брат Поджо понизил голос. – Есть еще неаполитанский король Владислав, человек, доложу я вам, очень даже приткий.

– И какая мне выгода от ваших итальянских дел?

– В том, что на папском престоле может оказаться ваш друг! – сжав губы, итальянец сверкнул глазами так, что князь сразу понял – ради своей цели этот пойдет на всё: на предательство, подлог, убийство...

А вот сейчас ему понадобился русский князь... и это было неплохо.

– Что за друг? – немедленно поинтересовался Вожников. – Поймите, я же должен знать, в кого вкладываю деньги?

Собеседник нетерпеливо дернул рукой:

– Имя вам ничего не скажет. Хотя... Это кардинал Оддоне Колонна, если вы уж хотите знать. Поверьте, весьма достойнейший человек... всяко лучше нынешнего... Балтазара Коссы.

– Пирата, насильника, убийцы... – ухмыльнулся Егор. – Он же – Иоанн двадцать третий. Хорошего вы себе папу нашли!

– До сих пор ищем... Сигизмунд созывает собор – покончить со схизмой... и с Гусом.

Клирик вдруг опустил глаза и посмотрел в стол, как-то виновато, словно бы чего-то стыдился:

– Ян Гус... если бы он мог... если бы только захотел бежать... Поверьте, я ему помог бы! Как помогу вам.

– Поможете?! – по-настоящему изумился князь. – Вы, клирик, можете избежать наказания еретику?!

– Я не считаю магистра Гуса еретиком, – брат Поджо упрямо сдвинул брови. – И я... так получилось... именно я привез ему приглашение... и охранную грамоту, оказавшуюся, увы... Ах, как мы мило беседовали по пути! Говорили обо всем – о церкви, о нравственности, о древних трактатах... а нынче... нынче он узник, как вы справедливо заметили – еретик, которого ждет костер. Знаете, я бы, кажется, согласился потерять глаз или руку, а то и саму жизнь, лишь бы предотвратить свое участие в прибытии Гуса на собор, поверьте, я сильно почитаю магистра.

Итальянец говорил, кажется, вполне искренне, и столь же искренне сожалел о содеянном, однако – стоило ли вообще доверять секретарям римской курии?

– И что же, здесь, в Констанце, соберутся все сторонники Сигизмунда? – негромко спросил князь.

Брат Поджо отмахнулся:

– Что вы, конечно же, нет! У императора много врагов...

– Назовите наиболее могущественных из них, – Вожников сузил глаза, задавая конкретные вопросы, от которых зависело многое.

– Во-первых, его собственный старший брат, король Чехии Вацлав. Думаю, если бы Гус нашел с ним общий язык...

– Об этом я знаю, – невежливо перебил узник. – Кто еще?

– Архиепископы Кельна и Трира Сигизмунда терпеть не могут... вообще – все епископы западных имперских земель... – скривившись, синьор Браччолини отпил вина и вздрогнул. – Самого-то главного чуть не забыл – нюрнбергский бургграф Фридрих Гогенцоллерн! Он так хочет Бранденбург и курфюршество... а вот Сигизмунд совсем этого не хочет – зачем ему лишний и весьма влиятельный конкурент?

– Что ж, – внимательно выслушав собеседника, кивнул князь. – Спасибо и на этом. А что вы хотите сделать с Гусом?

– Попробуйте уговорить его бежать! – итальянец сверкнул глазами. – Я помогу вам обоим, клянусь Святой Девой... а потом и вы поможете мне.

Магистр Ян Гус, с которым Вожников познакомился в монастырском дворике во время короткой прогулки, оказался вовсе не тем фанатиком-протестантом и чешским националистом, каким его любили изображать в школьных учебниках. Высокий, с легкой сутулостью и приятным, с небольшой – черной, с заметной проседью – бородою, лицом, профессор напоминал скорее кого-нибудь из клуба знатоков, нежели упертого национального лидера-ксенофоба и сусального радетеля «за народную долюшку».

Узники сошлись в небольшом споре по поводу розового куста, что рос в самом углу двора – явно не на месте, как считал Егор.

– Нет, вот вы скажите, – обернувшись, он обратился к медленно прогуливавшемуся по узкой аллее Гусу. – Вот, посмотрите только – что за дизайн? Я вам скажу – никакого дизайна!

– Вы... ругаете садовника, почтеннейший господин? – останавливаясь, осторожно осведомился магистр.

– Не только его, но и весь этот мир, который почему-то кажется мне не совсем совершенным. Когда у одних все, а у подавляющего большинства – ничего, такой мир должен рухнуть, и чем скорее, тем лучше. – Князь задумчиво посмотрел в серое, затянутое дождевыми тучами небо. – Да-да – рухнуть! Думаю, так будет только справедливо. Только вот...

Вожников вдруг замолчал, наклонился, понюхав колючие ветки, потом бросил на своего собеседника быстрый внимательный взгляд:

– Вы, должно быть, профессор Гус? Мне о вас много рассказывали.

– А вы – тот, кого называют господин Никто, – тонкие губы профессора скривились в легкой улыбке. – Про вас я, верно, слышал не меньше, чем вы про меня. У вас странный акцент – прибыли с севера?

– Допустим, – уклончиво отозвался молодой человек. – А что же конкретно вы про меня слышали?

Магистр повел плечом, кутаясь от внезапно налетевшего ветра в длинную профессорскую мантию темно-фиолетового цвета:

– Лишь общие слова, правду сказать. Говорят, вы очень богаты.

– Ну... не врут, – князь зябко потер руки.

– Вы много меняете здесь, в монастыре, вкладываете солидные средства, – искоса посматривая на Вожникова, продолжал Гус. – Думаю, и эту прогулку, и нашу якобы случайную встречу устроили тоже вы.

– Да, проплатил, – скромно признался Егор. – А то все время одному – скучно. Говоришь только с послушниками, да – иногда – с аббатом, а тут целый профессор рядом! Глупо было бы игнорировать столь ученого собеседника! Я тоже, кстати, учился в университете... когда-то давно... Так вы, значит, против немцев?

– С чего вы взяли? – профессор удивленно вскинул брови. – Вовсе нет!

– Ну, как же! Во всех книгах пишут...

– Нет, нет, что вы! – магистр неожиданно засмеялся, прикрыв рот рукой, словно сдающий экзамен студент вдруг ляпнул что-то смешное. – Среди немцев немало хороших людей, как и среди чехов... вот хоть взять Николая из Дрездена. Умнейший, ученейший человек, душа которого, как и моя, не может молчать, взывая к справедливости! Не против немцев я борюсь, нет, не важно, какой ты нации – но против сволочей-бюрократов, словно жадные гусеницы, пожирающих все и вся. И среди них – так уж вышло – большинство составляют немцы. Чехи же – живут на своей земле, и не должны быть в хвосте!

– Ага, все-таки чехи! – поддел Егор.

Гус погладил бороду:

– Да, чехи! Во многом чужие в своей стране: на всех должностях – я уже говорил – немцы! Во всех королевских городах Чехии кто бургомистры и ратманы? Немцы! Только немцы. Проповеди для немцев где произносят? В соборах! А для чехов? На церковных погостах и в домах. Мне кажется, король Вацлав может и должен поставить свой чешский народ во главу, а не в хвост, так, чтоб он всегда был выше и никогда ниже. Это только было бы справедливо, ведь так?

– Так, – согласно кивнув, князь прищурился и, понизив голос, спросил:

– А что скажете о церковных богатствах? О чванности и расточительности прелатов, невежестве монахов, мздоимстве священников? А еще – о плате за обряды, о десятинах, об индульгенциях, наконец!

Профессор напрягся, подозрительно глядя на собеседника:

– Знаете, если бы я не слышал о вас разного... То подумал бы, что вы – провокатор!

– Ага, ага, – неожиданно расхохотался Егор. – Вас бросили в узилище, сам император нарушил данное вам слово, а еще – вам грозит костер... И я спрашиваю – чего еще бояться-то? Думаю, мы можем вполне спокойно говорить обо всем, ничуть не стесняясь. Тела наши – в заточении, но мысли – абсолютно свободны, как, наверное, никогда и нигде.

– Клянусь святым Галлом, отлично сказано! – Ян Гус азартно сверкнул глазами. – Только немножко пафосно.

– Но ведь верно!

– Верно, да. Церковь давно нуждается в коренной реформе.

– В том числе – и в секуляризации земель, – усмехнулся Вожников.

– Секуля... ага, понял, что вы хотели сказать! Да-да! Монастыри не имеют никаких прав иметь земельные владения, и...

– Думаю, господин магистр, тут вас поддержат многие, – не слишком-то вежливо перебил князь. – И не только чехи... более того – не только простолюдины...

– Нет ни простолюдина, ни господина, – тут же заявил Гус. – Перед Господом все равны.

– Согласен, – молодой человек азартно потер руки. – А раз равны, так значит, среди простолюдинов негодяев и подлецов ничуть не меньше, чем среди господ, и – соответственно – среди хозяев жизни тоже имеются вполне достойные люди... Нет?

– Ну... в общем, вы правы, – подумав, признался магистр. – Признаться, никогда не размышлял на такую тему.

– А вот поразмышляйте! – Егор всплеснул руками. – Устроить дешевую церковь, понятную и доступную для всех, отобрать у монастырей земли, десятину в Рим не платить... Представляете, сколько у вас сторонников? И отнюдь не только простолюдины... Да вы не в темнице должны томиться, а в королевских советниках быть – это как минимум! Вот, Лютера тоже костер ждал – казалось бы – все, труба дела! Ан нет, нашлись... сильные мира сего. Устроили побег, поддержали, обогрели... Папе римскому плюнули в глаз, всю Германию перевернули, весь мир – так-то!

– Папе... в глаз? – изумился профессор. – А... какого Лютера вы имели в виду?

– Мартина Лютера... Не того Мартина Лютера – Кинга – чернокожего проповедника, которого в Штатах убили, а другого... Тыфу ты! – стукнув себя по лбу, наконец, опомнился Егор. – Что-то я совсем заговариваться начал. Кстати, некий синьор Поджо Браччолини передавал вам пламенный привет.

– Брат Поджо? – магистр нахмурился. – Посланец... он же обещал!

– Обещал, – согласно кивнул князь. – И, поверьте, сейчас очень переживает. Хотя... разве он во всем виноват?

– Да нет – император, конечно...

– Так, может, императора давно пора поменять? – тут же предложил молодой человек. – Собрать курфюрстов, устроить импичмент... Слышал, не очень-то он и легитимен, так?

– Вы о короле Сигизмунде? Он ловок и весьма удачлив.

– И слова своего не держит! Сволочуга та еще. Настоящий государственный деятель, практически – российский политик, по всем хваткам – да! Так... я к чему это? – Возников почесал затылок. – Ах да! К тому, что вам, уважаемый профессор, желательно расширить число своих сторонников – нормальных сторонников, а не всяких там отморозков с дурацкими идеями – и... и не очень-то спешить на костер!

– Ради своих убеждений я пойду на смерть! – резко заявил профессор.

– Ай-ай-ай! – издевательски засмеялся Егор. – Кто-то, кажется, говорил, что не терпит пафоса? Какой-то вы слабохарактерный, господин Гус!

– Я? Слабохарактерный? Да костер для меня – ничто, я не боюсь...

Князь лениво отмахнулся:

– Да бросьте вы, магистр, свою дурацкую агитацию – я, знаете ли, циник. Да и вы – не дурней Лютера. Погибнуть с честью может любой дурак! Много ума для этого не надо. А вот добиться своей цели... идти к ней размеренно и неутомимо – это куда трудней, тут одной храбрости мало – нужен еще и недюжинный ум, и хитрость, и коварство – да-да, а вы как думали, уважаемый господин Гус? Хотите реформировать церковь, построить национальное государство? Отличная идея! Только зачем же сбегать от нее на тот свет? Не торопитесь ли вы с этим, дорогой магистр? Ну, сожгут вас... а кто дело делать будет?

– Кроме меня, есть еще...

– Есть, да! – Егор сжал кулаки, словно вступил сейчас в боксерскую схватку.

Так ведь и вступил – только в словесную... куда тяжелее обычной! Ну, пару прямых ударов – джебы, кроссы – он профессору уже нанес, и теперь перешел к боковым...

– Доберутся и до них – отправят на костер Иеронима Пражского, Николая из Дрездена... Кто останется-то? Упертый Ян Жижка?

Ага. Вот тебе – хук, профессор!

– Он хороший воин!

– Кто бы спорил? Военачальник – отличный... только политик – никакой. Сами подумайте, сколько всякой озлобленной на весь свет сволоты вокруг него кормиться будет! И весь мир – вся рыцарская Европа – против! А это, поверьте, сила... по крайней мере, пока. Но ведь... – князь хитро прищурился. – Все может и по-иному пойти. Пускай пол-Европы – за Сигизмунда, но ведь и пол-Европы – за вас! За нас – не забывайте еще про Русию! Договори-

ваться надо, магистр! Не разбрасываться людьми – даже и немцами, и князьями, баронами, рыцарями – использовать всех, кто хоть как-то делу помочь может!

А вот тебе, профессор Ян Гус, и «апперкот в печень». А ну-ка возрази? Молчишь? Чистый нокаут! Первый раунд – выигран с ошеломительным перевесом!

Кроме этой встречи, были и еще раунды-беседы, Вожников просто добивал Гуса убежденностью в своей правоте, уводя от костра – которого профессор ни капельки не боялся и даже желал! Желал по идейным соображениям, все же не мазохист, да и человек умный – а умного всегда можно переубедить разумными доводами, это только дурак глух к слову, что ему в башку втемяшили, то и орет. Слава богу, в средние века еще не было ни телевидения, ни гламурных журналов... правда, один из таких появился – благодаря Вожникову и Гансу Фуггеру – комиксы-то кто печатал? Философия роскоши и богатства, впрочем, для феодального общества – что здесь, что в России – была вполне органичной.

Одному из послушников – стражнику Конраду Минцу – узник как-то помог, посоветовав отправить постоянно кашлявшую племянницу в Аугсбург, к знакомому доктору, взявшему за осмотр и консультацию вполне умеренную плату. Слава богу, у девчонки оказался вовсе не туберкулез, а лишь бронхит, грозивший вот-вот перейти в хронический – и выписанные врачом снадобья пришлись как нельзя более кстати, о чем с искренним удовлетворением и благодарностью поведал «господину Никто» сам послушник Минц. Он же как-то задержался, вернувшись забрать грязную после ужина посуду:

– Знаете, господин, я встретил тут одну девушку...

– Поздравляю вас, Конрад! – потянувшись, ухмыльнулся князь.

Тюремщик замахал руками:

– О, нет, нет, это совсем не то, о чем вы подумали... вернее, мы тут подумали с братией и решили... решили устроить вам праздник, ведь женщина не может без мужчины, а мужчина без женщины, если только оба они не посвятили себя Господу Иисусу...

Речь послушника показалась Егору несколько путаной и невнятной, князь все никак не мог взять в толк – при чем тут женщины и о каком празднике шла речь?

– Она ведь сама и напросилась... сказала, что из хорошего лупанария... ну, из бани...

– Ах, вон оно что! – наконец-то догадался узник. – Так вы мне девчонку подогнать решили! Жрицу свободной любви. Понятно... как аугсбургская святая Аффа, до того еще, как принять крещение и стать святой. Хм... не знаю даже, что и сказать... Спасибо, наверное.

– Не надо благодарить, господин. Это мы делаем от всех наших сердец.

От сделанного «от всех сердец» подарка отказываться не стоило – зачем обижать и корчить из себя ханжу непонятно кому в угоду? Абсолютно незачем.

– Но это же безнравственно, как всенепременно воскликнули бы ханжи, – после ухода стражника сам себе заявил князь. – Причем совершенно непонятно, а что именно их (ханжей) так раздражает? Отношения между мужчинами и женщинами... даже и между женатым мужчиной и женщиной... так скажем – вполне определенного рода занятий. И что здесь такого безнравственного? Ну, секс – и что? Без него только одни импотенты обходиться могут, евнухи да еще вот – монахи... и те ведь иногда тоже грешат, а уж что говорить про мирян? Нечего.

Сказать по правде, князь был даже заинтригован, все представлял – просто не мог об этом не думать! – что за женщина? Старая или молодая? Красивая или не очень? Умная или...

Так вот весь день и промаялся, бедолага, до самой ночи... Вечером даже позвал через стражей цирюльника, вымыл голову, привел в порядок вновь отпущенные усы и бородку. Уселся в кресле, близ горящих свечей... их в подсвечнике горело сразу четыре... не слишком ли ярко? Да, ярко. Оставить две... нет – одну... Вот теперь хорошо, вот теперь – приятный полумрак. Да! Вино – хорошее ли?

Князь плеснул из высокого кувшина в серебряный кубок с ножкой в виде птичьих лап, сделал глоток... вроде ничего вино, неплохое, бодяжить еще не научились – химия неразвита, одна алхимия, а алхимики больше поисками философского камня пробавлялись, превращением свинца в золото, на производство фальшивого вина времени не оставалось.

Да, вино неплохое... а вот ложе – кровать, матрас... балдахин этот – не слишком ли вычурно?

Князь покачался в креслице и вдруг замер – показалось, что кто-то постучал в дверь, что было бы нонсенсом – стучаться к узнику, запертому с той стороны на засов!

Впрочем, нет... не показалось, стук повторился снова, на этот раз совершенно отчетливо.

– Входите! – волнуясь, молодой человек бросился к двери, открыл...

– Добрый вечер, мой господин...

Войдя, женщина откинула капюшон...

Дрожащее пламя свечи отразилось в глазах цвета настоявшегося чая, упали, растеклись по плечам черные кудри...

Князь невольно отпрянул – та самая красавица, которая... Марта! Ведьма!!! Господи... не может быть!

– Наконец-то я вижу тебя, мой господин, – поклонилась женщина. – За мной долг, я пришла вернуть его.

– Ну... проходи, садись вот... – Возник несколько растерянно пригласил гостью к столу. – Вино будешь? Знаешь, а я давно о тебе думал.

– Я тоже думала, – усевшись на лавку, улыбнулась колдунья. – Рада, что мы встретились.

– И я... рад... Вот, плащ снимай... бросай прямо на лавку.

Под плащом оказалось скромное серое платье, какие носили жены не слишком-то зажиточных горожан, впрочем, вороник был отделан кружевом, а узенький кожаный пояс выгодно подчеркивал талию.

– Еще... вина? – предложил узник.

– Не откажусь, – Марта улыбнулась как-то стеснительно, словно бы позабыв, зачем сюда явилась.

Юная ведьма явно испытывала перед князем какую-то необъяснимую робость, нечто похожее на застенчивость, однако темно-шоколадные очи ее пылали нешуточной страстью, и эту страсть, это томление, скрытое трепетом пушистых ресниц, Егор прекрасно чувствовал... и знал – что и сам охвачен чем-то подобным. Оттого и не мог сейчас поддерживать разговор ни о чем... не мог, не желал – и не стал!

– Знаешь, Марта, в моей стране есть такой обычай – пить на брудершафт.

– На брудершафт?

– Ну да. Держи бокал... давай руку... Ага. Только потом надо обязательно поцеловаться. Последнюю фразу князь произнес шепотом.

– Конечно, поцелуемся... – тяжело дыша, так же, шепотом, отозвалась колдунья. – Раз уж такой обычай... я чужие обычаи уважаю... уважаю... ува...

Словно электрическим током пронзило обоих! Тысяча вольт! Десять тысяч! Миллион! Смертельное напряжение страсти, влекущей сейчас обоих и не оставляющей времени ждать!

Полетел на скамью пояс... платье, шурша, упало на пол, и обнаженная красавица упала в распахнутые объятия князя.

Нежная шелковистая кожа... волнующая ямочка пупка... худенькие лопатки... Блеск желания в темно-шоколадных глазах, призывно распахнутые губы...

Князь и юная ведьма рванулись друг к другу, чтоб утонуть... и тонули, тонули в объятиях, и каждый хотел захлебнуться, пойти на дно, пропасть с головой в бархатной нежной страсти... коей так завидуют ханжи.

Дернулось пламя свечи, и шелковый балдахин ложа качнулся над головами. Как небо. Шуршащее ночное небо...

Послышался стон...

– Смотри мне в глаза, князь! – едва придя в себя, Марта провела ладонями по щекам Егора. – Сейчас я верну тебе твой волшебный дар... за этим и пришла.

– Только за этим? – не удержавшись, усмехнулся молодой человек.

– Допустим, не только... – ведьма шутливо погрозила пальцем. – Но все же я должна вернуть то, что забрала. Не могу же я вечно чувствовать себя должницей!

Вожников с нежностью погладил красавицу по спине:

– Ты и в самом деле колдунья?

– А то ты не знал?

– Знал, да.

– И, тем не менее, спас. Не побоялся. Очень мало таких мужчин.

– Какая у тебя спинка... и талия... ах...

Девушка вытянулась и, покусав нижнюю губу, жалобно попросила:

– Не надо меня гладить, пожалуйста. Пока...

– Хорошо, – покладисто согласился узник. – Не буду.

– Нет, нет! Все же обними меня... Не очень крепко... вот так. Теперь смотри мне прямо в глаза... Видишь там что-то?

– Желание.

– А еще?

– Еще? Что же еще надо-то?!

– Нет. И все же – смотри.

Сияющие неведомой силой темно-карие глаза ведьмы затянули князя, словно два омута, Егор вдруг ощутил обжигающий холод, словно бы нырнул в прорубь и никак не мог вынырнуть, полынья наверху затянулась вмиг ставшим толстым льдом, непробиваемым ни головой, ни руками... а воздух в легких уже давно кончился, и что-то невыносимо сдавило грудь...

Дернувшись из последних сил, князь все же пробил полынью несколькими прямыми ударами – разбросал полыхнувший бирюзовыми осколками лед, вынырнул... и очнулся, тяжело дыша и с наслаждением глотая затхлый воздух темницы.

– Вот и все, – слабо улыбнулась Марта. – Ты так махал кулаками... едва увернулась.

Вожников погладил девушку по щеке:

– Так увернулась все-таки? Молодец, это далеко не каждому удается. Бокс! Хочешь покажу тебе парочку-другую ударов. Научу – глядишь, и пригодится. Привлекут в следующий раз за колдовство, придут ночью, а ты их – прямым в челюсть! Показать – как?

– Покажи, – с готовностью кивнула ведьма. – Я рада буду.

– Тогда становись в стойку... ногу вперед поставь, вот так... попрыгай... Кулачки сожми... Тело у тебя поджарое, крепкое. Не волнуйся – получится все! Ну, давай, попробуй нанести удар... резче!

И в самом деле, какое аппетитное тело! Стройенькое, гибкое, молодое. На правой груди – родинка... а рядом с пупком...

Бах!

Кулачок юной колдуньи припечатал князя в переносицу, да так, что Вожников от неожиданности так и сел обратно на ложе. Секунду посидел, вращая глазами, а потом ка-ак захохотал:

– Вот ведь черт! Пропустил же.

– Я... я не сильно тебя? – опустив кулаки, Марта смущенно потупилась и покраснела.

– Нет, нет, нормально, – встав, князь погладил ее по плечу, обнял. – Но в следующий раз бей резче, так, как я и говорил. Удары-то запомнила?

– Угу!

– Потом покажу, как их отрабатывать. Помни, тренироваться надобно каждый день, и еще неплохо бы пробежку километрик десять... Впрочем, ты и без того в прекрасной форме... а ну-ка, подними руки... вот так... я чувствую, как твои мускулы перекачиваются под кожей... как...

Они снова упали на кровать, и шелковый балдахин качнулся, словно отражение луны в водах Боденского озера, тронутых первой утренней рябью...

Колдунья ушла под утро, на прощанье поцеловав князя в губы.

– Постой, – привстав, Егор протянул руки. – Не уходи так быстро. Я еще не все спросил.

– Я знаю, что ты хочешь спросить, – грустно улыбнулась Марта. – Потому что знаю, кто ты. Чужак из далекого далека, истинный господин Никто.

– Но...

– Никогда, – юная ведьма решительно взмахнула рукою. – Никогда ты в свой мир не вернешься. Но будешь одним из первых в нашем, который уже стал для тебя своим. Прощай, мой господин, да будет с тобой удача. И помни – твой дар снова с тобой, надеюсь, он не подведет больше.

– Но ты же смогла его забрать...

– Смогла и вернуть. Прощай, князь...

– Прощай, милая Марта.

Узник уснул сразу после ухода обворожительной ночной гостьи, смежил веки, едва голова коснулась подушки...

И тотчас же очутился на площади, ощутив сильный запах смолы, исходящий откуда-то снизу, от самых ног... дрова! Ноги князя было обложены вязанками хвороста, а сам он оказался прикованным к столбу так, что едва мог шевельнуться.

– Держись, друг! – раздался вдруг звучный голос откуда-то справа.

Егор повернул голову, узнав у точно такого же столба с хворостом профессора, магистра богословия Яна Гуса.

– Мы погибнем за правое дело! – с ободряющей улыбкой крикнул ему магистр. – Это славно.

– Да уж, почту за честь... – усмехнулся Вожников. – Только все же хотелось бы побороться.

Им не дали договорить: облаченный в золоченую мантию какой-то мелкий плюгавец в короне, с искаженным от злости морщинистым лицом старика, махнул рукой и истошно завопил:

– Жгите обоих. Жгите!

Вспыхнули факелы в руках палачей. Качнулось небо. Торжествующий хохот Гуса поднялся к облакам, безмятежно плывущим над Боденским озером, поднялся... и оборвался. Резко и навсегда. Лицо князя лизнуло жаркое пламя.

Глава 9 Констанц

Туалеты давно уже являлись больной темой для князя Егора – Георгия. Понятия гигиены в средние века – и еще долгое время после – не имели вообще! Выгребные ямы были далеко не во всех городских домах, а содержимое ночных ваз, ничтоже сумняшеся, выплескивалось прямо на улицу – и это все накапливалось столетиями, вполне можно было утонуть, а запах на некоторых улицах стоял такой, что непривычные люди, бывало, падали в обморок. Ладно уборные, но даже мытье рук вовсе не являлось обычным делом, в силу церковного мракобесия ублажать тело считалось греховным, достойным и благочестивым людям в первую очередь надлежало думать о душе.

И лишь страшные опустошительные эпидемии – та же недавняя чума 1348 года – вызывали хоть какие-то подвижки в этом вопросе. В бывших римских городах – Аугсбурге, Констанце – с гигиеной было полегче: оставались еще имперские клоаки и даже уборные с водосливом, кои так рьяно внедрял князь Егор у себя в Руси. Правильно Еленка сообразила – кто устраивать места отхожие не желает, нещадно батожьем бить! Так бы еще бы и тех, кто руки не моет... увы, таковых слишком уж много, да почти все!

Эпидемии были большой и неразрешимой проблемой, и лишь немногие пытались с ними бороться, в том числе – и устройством канализации по образцу древнеримской; Вожников сильно интересовался этой темой – в доминиканском монастыре, где содержались узники, выгребных ям не имелось – все отходы попадали напрямиком в клоаку, оттуда – в подземную речку, а уж та несла все... в Боденское озеро, никаких очистных сооружений, естественно, не было, ситуация – примерно та же, что нынче на черноморских курортах России. Куда там все добро идет? Прямиком к пляжам: купайтесь, уважаемые отдыхающие, ни в чем себе не отказывайте! Дай только бог, чтоб с эпидемией пронесло.

Князь давно уже составил план клоаки, прикидывая, каким образом внедрить его в русских городах, что для этого использовать – керамику или дерево, в Новгороде выходило лучше – дерево, а в иных городах, расположенных южнее... там просто нужно было хорошенько подумать, применительно к местным условиям.

– Значит, Конрад, та подземная речка впадает напрямиком в озеро? – по приходу очередного стража с ужином Егор никогда не упускал возможности кое-что уточнить, доработать.

– Конечно, в озеро, мой господин! – хохотнув, закивал послушник. – Куда же еще-то? Но не у самого города, нет – у отмелей. Место там заросшее, рыба – жирная, камышей полно.

– Понятно, – обмакнув в чернильницу перо, узник сделал отметку в плане. – В озеро. Без всяких отстойников.

– В старину, при римлянах еще, говорят, был отстойник. Неподалеку, в горах.

– А отмель та как-нибудь называется?

Страж почесал затылок:

– Кто говорит – Вонючая, а чаще – Жирная. Да, так и рыбаки зовут – Жирная отмель. Вы ее знаете, что ли?

– Наверное, да, – улыбнулся князь. – Правда, пока только лишь виртуально.

– Как-как?

– Пристань там рядом должна быть. Для прогулочных судов.

– А, да, да, есть такая...

Послушник ушел, и князь, поужинав, завалился спать. В последнее время содержание узников как-то незаметно ухудшилось: хотя пища и отношение стражей оставались прежними,

однако уже три дня не было никаких прогулок, и столько же времени Егор не видел аббата, в обществе которого давненько уже не обедал. Интересно знать – почему?

Послушники ничего определенного на этот вопрос не отвечали, говорили лишь, что отец настоятель уехал куда-то с братом Поджо Браччолини, чуть ли не в Рим... К Иоанну двадцать третьему, что ли? Так этого папу мало кто признавал... тем более Браччолини тайно поддерживал совершенно другого кандидата на пост понтифика. Может, потому и поехали? Именно к тому кардиналу... как его? Колонна. Да! Оддоне Колонна – именно так.

Так-то оно так, однако... Однако узнику вновь привиделся тот же сон – с пылающими кострами, и это, несомненно, было видение, дар, возвращенный юной колдуньей Мартой Носке! Выходило, что все шло к аутодафе. Быть сожженным вместе с Яном Гусом, конечно, весьма почетно, но Вожников на тот свет не особенно торопился – много еще оставалось самых неотложных дел.

А следовательно – нужно было немедленно действовать, что-то придумать, как-то выбраться... Впрочем, и раньше-то охрана мух не ловила, а уж теперь и подавно. Особенно при новом аббате, назначенном местным епископом буквально вчера! Эту новость принес послушник, не Конрад Минц, другой – молодой краснощекий парень, кстати – досужий сплетник, из тех, кого хлебом не корми, а дай поведать что-нибудь этакое – звали его, кажется, Макс... или Мартин... как-то так.

– Вот как? – удивился узник. – У вас теперь новый настоятель! А старый где?

Макс – или Мартин – в ужасе округлил глаза:

– Говорят... он еретик!

– Еретик?!

– Да! Продал душу дьяволу... вместе с тем итальянским монахом. Сейчас их повсюду ловят.

– Ну и дела-а-а, – покачал головой князь. – Так они сбежали?

– Сбежали, – охотно подтвердил послушник. – Скорее всего – в Аугсбург!

Вожников вскинул глаза:

– Почему именно туда?

– Так тамошний епископ и наш – враги. Горку какую-то не поделили, пастбища – вот и враждуют, давно уже.

На следующий день стало еще хуже – новый аббат не выказывал никакого желания общаться с князем, тем более – приглашать на обед. Мало того! По приказу отца настоятеля в узилище сменилась охрана, всех стражей, которых Егор уже успел неплохо узнать, заменили совершенно другими людьми, разговаривать с узниками им было запрещено под страхом строгой епитимьи.

И все же Вожников пытался поговорить, однако наткнулся на полные ненависти взгляды... взгляды фанатиков. Это было плохо, очень плохо... тем более если еще учесть вещий сон... сны!

Всю лично заплаченную VIP-узником роскошь – картины, шелковые обои, чернильный прибор и прочее – из камеры убрали, оставив лишь одну свечку, да и ту строго-настрога полагось тушить с последним звоном колокола.

– А если я не буду тушить? – нагло осведомился Вожников у десятника – здоровенного верзилы с вытянутым, напрочь лишенным малейшего проблеска интеллекта лицом и пустыми глазами.

– Тогда вы будете закованы в цепи, господин Никто, – хмыкнув, отозвался тюремщик. – А свечку у вас и вовсе отберут.

Хлопнула обитая железом дверь, и тяжелый засов вошел в пазы с остервенением и лязгом. Узник улегся на кровати и, услышав звон колокола, хотел было погасить свечу... Но вдруг передумал, улегся, уставившись в потолок, низкие мрачные своды которого словно бы давили

душу. Те, прежние стражи, все же были людьми – каждый со своими причудами и слабостями, эти же, новые – словно андрюиды. Впрочем, их фанатизм вполне мог оказаться и показным, вызванным лишь тривиальным страхом – однако для того, чтобы хоть что-то выяснить, просто не оставалось времени, нужно было как можно скорее бежать... и князь уже знал – как... и куда.

Загвоздка была в другом – как прихватить с собой Гуса?! Вроде бы профессор уже начал поддаваться на уговоры князя, еще бы две-три беседы, и... Увы! Все эти разговоры-прогулки приказом нового настоятеля оказались под полным запретом.

Что ж... Придется действовать нахрапом! Вот прямо сейчас – чего ждать-то? Глубокой осени? Когда подземная речка замерзнет?

Гулко звякнул колокол, и снаружи слышались шаги... замершие перед узилищем князя. Страж, как обычно, подслушивал да смотрел сквозь щель – спокоен ли узник, не горит ли свеча?

Ну, горит, горит... Входи же!

Лязгнул засов...

– Свеча! Вы должны были затушить ее со звоном колокола!

– Должен был? Разве?

Сев на кровати, Егор потянулся... и угостил стража апперкотом в переносицу. Снизу вверх – резко – бумм... Бедолага осел, поплыл квашнею, да так, что Вожников едва успел его подхватить, чтоб не загремел...

Быстро стянув с послушника рясу, князь набросил ее на себя и, накрепко связав стража простыней, покинул камеру. Где искать Гуса, Егор хорошо знал... как знал и то, что совершавшего вечерний обход тюремщика должны были хватиться где-то минут через двадцать. Время поджимало, и Вожников прибавил шагу, не обращая внимания на гулкое эхо под сводами потолка с тусклыми отблесками горящего в конце подвала факела.

Вот и нужная дверь... Засов. Тьма... и резкий запах сырости. В углу угадывалось узкое ложе. Склонившись, князь потряс профессора за плечо:

– Вставайте, магистр! Нас ждут великие дела!

– Что?! Кто здесь?

– Да я, господи...

– Вы?!

– У нас мало времени. Вставайте же, идем.

– Да куда же?

Молодой человек усмехнулся:

– Как куда? Готовить восстание! Или вы решили все же спокойненько отсидеться здесь? И пусть чехи всегда буду внизу, а не вверху, в хвосте, а не в начале?! Что ж, как хотите... я пошел.

– Пойдите... Я с вами...

– Тогда быстрее, профессор!

– Ага... но куда мы идем?

– Ко мне...

– А что там?

Шипя и потрескивая, догорал факел. Громкий шепот уносился под своды.

– У меня прекрасная уборная...

– Что?!

– Тсс!!! Громко не говорите... Ага, пришли уже. Прошу!

– Что... прямо в уборную? Что мы там будем делать?

Князь негромко расхохотался, краем глаза поглядывая на связанного стража.

– Я уже сделал всё. Помогите мне вытащить этот камень... ага... Теперь прихватите свечу.

– Мы... полезем туда? – глядя в черный зев клоаки, содрогнулся Гус.

Егор хлопнул его по плечу:

– Конечно! Революция требует жертв, любезнейший магистр!

– Но... эта клоака...

– Это не клоака! Это наш путь к свободе. Прочь сомнения! Идемте, друг мой! Чехия ждет вас, чтобы обрести всё!

То ли слова о родине, то ли общая ситуация все же подвигли профессора на сей дурно пахнувший – в буквальном смысле слова – подвиг. Оказавшись внизу, беглецы быстро пошли по колону в зловонной жиже, впереди, с горящей свечой в руке, шагал Вожников, фальшиво насвистывая что-то из репертуара «Агаты Кристи».

– Облака в небо спрятались...

– Что вы там напеваете?

– Так, одну песенку... Ага, профессор! Вот и речка! И зловония почти уже нет.

– Я бы так не сказал... Впрочем, вы правы – чего только ни вытерпишь в борьбе за свой народ, за свою Родину!

– Да, дорогой магистр, пожалуй, это похуже костра будет! О! Кажется, повеяло свежестью. Чувствуете, друг мой?

– Ничего такого не... Хотя... – пробираясь по пояс в воде, профессор поводил носом. – Вы правы. Что-то такое есть.

– Ну, еще бы! Вон, свечка-то чуть не погасла.

Следующий порыв ветра свечу все-таки загасил, однако впереди уже виднелось звездное небо с мерцающей половинкой луны.

– А мы ведь выбрались! – обернувшись, воскликнул Гус. – Ведь вот же – свобода!

– О, только не торопитесь, профессор.

По прикидкам Егора, прошло уже где-то с полчаса после того, как они спустились в клоаку, и тюремщики уже должны были сообразить, что к чему, выслать погоню.

– Пробираемся камышами, магистр. Вдоль отмели. И посматривайте по сторонам.

– А что?

– Наши друзья монахи... Вряд ли у них нынче спокойная ночка.

– Думаете, они...

– Тсс! Тихо, профессор. Падайте!

Заметив метрах в полста впереди низкий силуэт лодки, князь толкнул профессора в камыши и сам повалился следом...

Послышался скрип уключин, а потом и голоса:

– Смотрите внимательней, братья! Они не могли далеко уйти, наверняка где-то здесь прячутся.

Кто-то тут же пожаловался:

– Темно, брат Вильфрид. Ничего же не видно.

– Главное, не дать им уйти с отмели. Пускай сидят в камышах, а утром явится городская стража. Поймаем, никуда не денутся.

– Хорошо бы так, брат Вильфрид. Я думаю, нам всем надо сейчас помолиться.

– Молитесь, братья. Но и посматривайте.

Раздвинув рукой тростник, Вожников осторожно выглянул, быстро пересчитав хорошо видные в свете луны лодки, коих оказалось четыре. Вполне хватит, чтоб окружить отмель... наверняка кто-то еще есть и на берегу... судя по голосам, конечно.

– Что будем делать, друг мой Георг? – зашептал Гус. – Что-то мне не очень-то хочется сдаваться.

– А мы и не будем сдаваться. Уйдем!

– Да, но тут столько лодок. Вон, от берега еще две плывут.

– Верно, профессор. А нам и нужна-то всего одна. Сейчас... чуть-чуть выждем.

Дождавшись еще пару лодок, в каждой из которых сидело человек шесть послушников или монахов, старший – брат Вильфрид – громко приказал всем рассредоточиться.

– Ты, брат Теофильд, слева, ты, Лоренцо, справа... вы – здесь... а вы – со стороны озера, ну, где глубина уже.

– Ну, туда они вряд ли сунутся, брат Вильфрид.

– Все равно посматривайте. На всякий случай. Слава Святой Деве, до рассвета недалеко уже.

И в самом деле, над горными кряжами уже вспыхивали зарницы, пока еще первые, робкие, словно поцелуй юной девы.

– Идемте, профессор, – посмотрев в небо, решительно прошептал князь. – Да, совсем забыл спросить – вы плавать умеете?

Гус неожиданно рассмеялся:

– Боденское озеро точно не переплыву. Да и вы, мой друг, вряд ли.

– А нам через все озеро и не надо. До лодки доплывем, а там... Тсс! Пригнитесь.

В спокойной воде озера отражалась мерцающая луна и длинная тень лодки, в которой угадывались темные фигуры послушников.

– Один, два... четыре, – быстро пересчитал князь. – Нам с вами повезло, профессор! Их очень мало... тем более с этой стороны никто нас не ждет.

Гус зябко поежился:

– Вряд ли нам удастся утопить сразу четверых.

– Ну-ну, не будьте таким кровожадным, профессор! – задумчиво улыбнулся Егор. – Зачем кого-то топить – нам всего лишь нужна лодка.

– Да, но они будут кричать, позовут на помощь!

– Пусть кричат, – покусав губу, князь смачно плюнул в воду. – Тихо у нас в любом случае не получится. А ну-ка, давайте шумнем!

– Простите, что сделаем?

– Просто всплеснем водой, да камышами пошуршим. Смотрите – вот так.

Услыхав шум, на лодке явно заволновались, схватили весла, подплыв к отмели ближе, и, сбавив ход, принялись возбужденно переговариваться:

– Вон там, там я слышал шорох!

– И мы слышали.

– Все слышали. Так что делать-то будем?

– Покричим, позовем всех.

– Ага, позовем. А вдруг это водяная крыса? Вот будет посмешище, да и беглецы под шумок ускользнут. Не-ет, позвать своих мы всегда успеем, сперва проверить надо.

– И кто будет проверять?

– Вы, братья, и будете.

– А почему мы?

– Вы самые молодые.

– Ага... А вдруг нас там убьют? Эти беглецы – парни хваткие. Вон как брата Михаэля уделали!

– Да вы же все время на наших глазах будете! Вон, луна-то какая... И хватит спорить!

А ну, живо пошли!

Послышался плеск, и два послушника спрыгнули в воду, на отмель. Постояли...

– Ну, идите же!

Оглянулись по сторонам, разом вздохнули и медленно направились к камышам, в самые заросли... Где их уже поджидал Егор.

Снова пришлось бить снизу, как того стража...

Бумм! Словно молния, грамотный, четкий и быстрый удар – апперкот в челюсть – полсекунды всего и занял... И второй – примерно столько же...

– Эй, где вы там? Что это?

Оставшиеся в лодке преследователи, всматриваясь в заросли камыша, поднялись на ноги... и в этот момент незаметно подплывший с противоположной стороны профессор с силой качнул суденышко так, что бедолаги кувырком полетели в воду.

– Ай, ай... помогите!

Один из послушников попытался было забраться в лодку – однако не тут-то было! Уже усевшийся на корме голый по пояс Гус хватанул его веслом по рукам.

– Только сунься – живо проломлю голову!

– Ой, как не гуманно, – пробираясь к лодке, хохотнул Егор. – Меня только невзначай не пришибите.

Усевшись на узкую скамеечку-банку, Вожников схватился за весла:

– Ну, в путь, дорогой магистр! Поплыли, хватит тут развлекаться уже.

– И куда плывем?

– Пока прямо... к тому берегу.

– Далеко-о-о...

– Ничего. Гребите, гребите, профессор. Ого, ловко у вас получается.

Отобранная у преследователей лодка стремительно уходила в ночную тьму. Оставшиеся на отмели послушники принялись громко орать – а что им еще оставалось делать? Помощь добралась до бедолаг довольно-таки быстро, и столь же быстро монахи сообразили, что к чему, живо пустившись в погоню.

– Они нас нагонят, – бросил Гус, с тревогой посмотрев за корму. – Нас всего двое, а их...

Егор ухмыльнулся:

– Не переживайте, профессор! У беглецов – сто дорог. А ну-ка, табаньте... Повернем направо.

– Зачем?! – разволновался проповедник. – Они бросятся нам наперерез и...

– Да пока разберутся... Не так-то уж и хорошо нас и видно. Гребите! Ловко вы управляетесь с веслами... куда лучше меня. Небось, брали призы по академической гребле? Я уж на что байдарочник – а с вами не тягаться.

Гус обернулся, бросив тревожный взгляд вперед, по ходу лодки, и, что-то заметив, отпустил весла:

– Там! Там целые корабли. Пристань.

– Там и должны быть корабли, – спокойно отозвался Егор. – А вы рановато бросили весла, друг мой.

На полном ходу лодка едва не врезалась в борт небольшого судна, с высокой кормы которого тут же завопил вахтенный:

– Тревога, тревога! Нападение!

– Живо спустить трап, – выбравшись на причал, скомандовал Вожников. – Я – Георг из Константинополя.

– Кто-о?

– Старшего ко мне, живо!

Верно, было во взгляде и голосе нечто такое, что заставило совсем молодого парнишку-вахтенного броситься к своему начальству – того, впрочем, не пришлось долго искать, проснулся уже, услышав шум. Вовсе незнакомый Егору коренастый, с черной бородкой, молодой человек из местных.

– Кто меня звал?

– Сколько у вас людей, шкипер?

– А-а-а... вы, собственно...

Князь топнул ногой и выругался:

– Живо отвечать, иначе всех тут уволю!

– В наличии полдюжины человек, вахтенные, остальные – в городе, отдыхают, – видя такое дело, на всякий случай доложил старший.

– Маловато, – с сожалением покачав головой, Егор посмотрел на судно. – Я вижу, у вас пушки.

– Два фальконета... г... господин Георг.

– Зарядить, живо!

Шкипер – или кто уж он там был – тотчас же отдал команду, тем временем лодки преследователей уже подходили к стоявшим у пристани судам, уже слышались радостные голоса и крики.

– Пушки готовы к выстрелу, герр Георг!

– Молодцы... Видите эти разбойников?

– Это... разбойники?

– Целься!

– Есть, господин...

– Огонь!!!

Князь взмахнул рукой, и два фальконета, дружно рывкнув, извергли из себя желтое пламя. Упавшие в воду ядра подняли тучи брызг.

– Мы – люди епископа! – истошно заорали с лодок. – Не стреляйте, нет!

– Заряжай! – посмеиваясь, громко скомандовал Вожников. – Целься!

Услыхав эти команды, преследователи тут же повернули обратно, заработав веслами с такой силой, что точно взяли бы какой-нибудь приз.

– Уходят, господин... – доложил шкипер.

– Попутного ветра, – желчно усмехнувшись, князь обернулся. – Готовьте корабль к плаванию!

– К плаванию? Но это невозможно, господин Георг. У нас просто не хватит людей.

– Не хватит? Ладно... будем думать.

Конечно же монахи вернутся – не одни, с городской стражей и – вполне вероятно – с официальным постановлением самого епископа оказывать им всяческое содействие... а кто не окажет, тому лучше и не родиться: Констанц хоть и считался вольным имперским городом, однако, по сути, хозяйничал в нем епископ, именно ему шла половина всех доходов местной казны. Ссориться со столь влиятельным духовным лицом, пожалуй, было еще рановато, там более сейчас, когда – в преддверье Вселенского Собора – весь город наводнили верные воины Сигизмунда.

– Несите веревки, – подумав, приказал князь. – Да-да, веревки. Мы свяжем вас... Кое-кто пусть убежит... Потом жалуйтесь епископу – мол, напали неведомые разбойники.

– Хорошо, – шкипер кивнул, почесав бороду, и тут же вскинул глаза. – А вы как же, господин Георг?

– А мы как-нибудь, – усмехнулся Вожников. – Спрячемся, проберемся, выберемся... Богатые селения тут поблизости есть?

– Да есть, Херцвиг и Буденау. В Херцвиге как раз сегодня какой-то праздник: гуляние, ярмарка.

– Праздник? – князь потер руки. – Вот это славно! А где он, этот Херцвиг?

– Во-он по той тропинке.

Из-за гор выглянуло, наконец, солнце, осветив выющуюся меж ущелий и сиреневых скал тропку, заросшую по краям чертополохом и желтоватыми кустами дрека. И тут, и там попадались кривобокие сосны, тропинка частенько ныряла вниз, в небольшие долинки с пасущимися коровами и овцами, потом снова лезла вверх, на кряжи.

– Красиво как! – обернувшись, восхитился Егор. – Хоть я и не люблю горы. Всякий раз кажется, что вот-вот упадешь.

– О, у нас тоже есть горы – Татры, – мечтательно прикрыв глаза, Гус тотчас же вздрогнул. – Давно хочу спросить – зачем нам эта деревня?

– Нам не деревня нужна, а город, – пояснил князь, срывая какую-то красную ягоду... – Это можно есть?

– Можно...

– Славно!

– ...только лучше выплюнуть – живот сведет, как после молока с селедкой.

– Тьфу! – Возник сплюнул и выругался. – Вот уж не замечал, дорогой профессор, что вы столь склонны к шуткам.

– Почему бы и не пошутить? – пригладив бороду, улыбнулся беглец. – Говоря о городе, вы ведь имели в виду Констанц?

– Именно!

– Тоже остроумно – спрятаться у волка в пасти.

– На время, профессор, на время!

– Все же я ценю ваш юмор, – посмеявшись, Гус продолжал уже куда более серьезно: – Действительно, там нас меньше всего будут искать. Но как потом выбраться? Указом императора и епископа перекроют дороги, будут искать.

Егор уселся наземь около малинового куста:

– Садитесь, дружище. Отдохнем, да приведем мысли в порядок.

– Мысли? – магистр присел рядом.

– Я хотел сказать – одежду, – улыбнулся молодой человек. – Не очень-то вы похожи на профессора, дорогой друг, скорей – на разбойника. Бородища всклокочена, глаза горят, как у депутатов во время пилки бюджета, куртка – и так с чужого плеча. Вурдалак! Чистый вурдалак! Не-ет, в таком виде мы точно будем чужими на празднике жизни в этом... как его... в Херцвиге.

– Вы на себя-то посмотрите, герр Георг! И что, вы – добропорядочный богобоязненный бюргер? Ага, как же...

– Ладно, ладно, уели, – засмеялся Егор. – Сейчас что-нибудь придумаем. А насчет бюргера вы совершенно правы... давно вам хотел открыться, да все как-то не было времени. Я вовсе не бюргер!

– Я так и знал!

– Не бюргер, а князь! Великий князь Руси, король по-вашему.

– Ах, ваше величество, – скривился Гус – та еще язва! – Прошу покорнейше меня извинить, за то, что осмелился сидеть в вашем высоком присутствии.

– Ладно, не верите пока – не надо, – молодой человек отмахнулся. – Потом поверите. Когда я вам помогу – в Чехии. И деньгами – а их у меня, поверьте, немало – и воинской силой, и всем своим влиянием.

– О, как велика моя благодарность, ваше величество, как велика...

– Но имейте в виду – просто так я помогать не буду, – князь решительно не обращал внимания на недоверчивость и шутки профессора. – Как говорилось в одной книжке – за каждый скормленный вам витамин я потребую множество мелких услуг.

– Мелкие услуги?

– Ну, во-первых, вы поможете мне стать курфюрстом... Да не смейтесь же так – живот надорвете, а доктора здесь нет. Да-да, курфюрстом, а что? Король Богемии – Чехии ведь курфюрст, хоть это и славянское королевство... А Русь чем хуже?

– Вы хотите присоединить Русию к Священной Римской империи?! – снова хохотнул Гус.

– Нет, – Вожников с улыбкой почесал заросший подбородок. – Совсем даже наоборот. Но об этом еще пока говорить рано, и вы не берите в голову. Сначала – курфюршество! Кстати, вся Восточная Пруссия давно у нас, бывшие орденские земли, так что все права на должность имею! А вот как стану курфюрстом, выберете меня императором. На что вам этот чертов Сигизмунд? Чехию обещаю не притеснять, защищать даже.

Профессор уже даже не смеялся, просто больше не мог. Лишь присвистнул:

– Кто бы со стороны посмотрел! Сидят двое бродяг, делят императорскую корону...

– А что тут такого-то?

– Да так...

Князь искоса взглянул на своего сотоварища:

– Так я не понял – вы поможете мне, дружище?

– Помогу, помогу, черт с вами! – схватившись за голову, застонал Гус.

– Вот и славно! Читайте – договорились.

– Но... вы меня случайно с королем Вацлавом не спутали?

– Король Вацлав будет делать то, что вы ему скажете, – поднявшись на ноги, убежденно произнес Егор. – И скорей, чем вы думаете, мой дорогой друг!

– О боже...

Вожников с истинно королевским видом посмотрел вдаль.

– Ну, а теперь, когда мы уговорились о главном, давайте подумаем об одежде. В таком-то виде нас точно за разбойников примут.

Примерно через час двое странников в украшенных березовыми веточками шапках и с букетами ромашек в руках, напевая веселые песни, уже подходили к околице большого, расположенного в узкой, вытянувшейся коровьим языком, долине, села – Херцвига.

– Эй, парни, – Егор поймал за рукав одного из пробежавших мимо мальчишек. – Это ведь Херцвиг, да?

– Угу, Херцвиг, господа. А вы к нам на праздник?

– Да, туда.

– Тогда поспешите, большую бочку с пивом уже открыли!

– Так вы туда, что ли, бежите?

– Угу, на площадь у церкви.

– Я полагаю, нам надо бы прибавить шагу, – проводив убегающих мальчишек глазами, озаботился князь.

– Так любите пиво?

– А вы – нет?

– И я люблю. О, у нас, в Чехии, варят такое пиво... Нектар!

– В Чехии-то – нектар, кто бы спорил? А вот то, что по лицензии бодяжат в России – не пиво, а верблюжья моча, хоть и называется «Великопоповицкий Козел».

– Что вы говорите?

– Да-да, дружище, именно так!

– Так нерадивых пивоваров надобно обвалить в патоке и перьях, пронести на шесте по всему городу, а потом бросить в реку. Чтоб профессию не позорили!

– Ах, как это верно, профессор!

– И обязательно выгнать из цеха.

– Уж это само собой. О! Похоже, мы уже пришли.

Вожников показал рукой на открывавшуюся впереди деревенскую площадь с симпатичной, выстроенной из белого камня церковью, перед которой, в окружении радующегося празднично одетого люда, стояла огромная пивная бочка размерами с цистерну молоковоза. Наверху, на самой бочке, уже сидел какой-то пухленький мужчина в черной, украшенной петушиными перьями шляпе и большим черпаком разливал пиво в подставляемые собравшимся народом кружки, деревянные и глиняные.

– Эй, а где у вас тут кружечки раздают?

– А вон, где помост. Видите?

Взяв по большой деревянной кружке объемом литра по два каждая, беглецы живенько пристроились в длинную очередь,двигающуюся, впрочем, довольно-таки быстро – видать, на разливе орудовал настоящий профессионал!

– Ох, и вкусно же! – сдвун пену, князь сделал длинный пахучий глоток и блаженно прищурился. – Только ради этого стоило сбежать!

– Да, неплохое пиво, – согласно покивал Гус. – Но у нас, в Чехии – вкуснее.

– Ага, и небо у вас в Чехии голубее, и солнце ярче светит.

– Действительно – ярче.

– Пейте лучше молча, коллега! На нас уже и так косятся.

Взяв еще по кружечке, князь и профессор отошли в сторонку, к небольшому холму с липами и раскидистой ивой, под которой и уселись в числе других прочих. К беглецам тут же подошла юная девушка в ослепительно-белом переднике и с большой миской в руках:

– Прошу вас, угощайтесь!

– Ой, что это? – Гус поводит носом и облизнулся. – Неужто свиные ножки с тушеной капустой?

– Они и есть, – девушка горделиво улыбнулась. – Я сама готовила... все мы – к празднику. Хвати вам на двоих одной миски?

– О, да-да, вполне!

С поклоном протянув миску, девчонка, однако, не уходила. Помялась немножко, а потом уселась рядом в траву:

– А можно вас спросить?

– Ну, спрашивай, краса моя, – вытерев жирные губы рукавом, улыбнулся молодой человек.

– А вы издалека пришли? Из Констанца?

– Ну... – беглецы переглянулись – Можно сказать и так.

Отозвавшийся за двоих князь улыбнулся еще шире, а профессор на всякий случай потрогал привешенный к поясу нож, позаимствованный еще на пристани. Заметив это, Егор укоризненно поцокал языком – ну, чистый разбойник, а не высокоученое лицо! Ректор Пражского университета называется.

– Тогда вы, должно быть, видели где-нибудь по пути жонглеров? – не отставала деревенская барышня. – Мы их тут все давно ждем – что-то опаздывают, хотя обещали к обеду, староста договаривался.

– Ах, вон оно что! – обрадовался Вожников. – Жонглеров ждете. А каких жонглеров?

– Да всяких. Все, что есть в Констанце – позваны.

– Вот это правильно!

Дождавшись, когда девушка отойдет, Егор торжествующе посмотрел на Гуса:

– Ну вот, друг мой! Теперь я точно знаю, как попасть в Констанц. Кстати, вы огонь глотать умеете? Или, на худой конец, метко метать ножи?

– Что-о? – И без того худое лицо профессора вытянулось.

– Но вы же магистр, черт побери!

– Да, магистр, – Гус пригладил бороду. – И даже – ректор. Провести ученый диспут, спор, что-то кому-то доказать, убедить, прокомментировать древние рукописи – это пожалуйста. Но кидать ножи... глотать пламя...

– Плохо, что не умеете. Мы же с вами художники... тьфу – жонглеры!

– А-а-а...

– Ладно, придумаю для вас что-нибудь лично. Идемте! Вон, уже показались кибитки.

Появившиеся на околице разноцветные кибитки жонглеров разглядели не только беглецы, все, и в первую очередь – вездесущие мальчишки, они и принесли радостную весть:

– Едут! Едут!

– Четыре телеги!

– Кибитки, а не телеги, дурак!

– Сам ты дурак!

– Жонглеры! Жонглеры едут! Слышите, люди? Жонглеры!

Как видно, по договоренности со старостой Херцвига, жонглеры расположились вдоль околицы, по разным сторонам деревни – ну, не на церковной же площади им выступать?! Одно дело – пиво, и совсем другое – насмешники комедианты. Перед церковью – не комильфо.

– А что эти жонглеры? – волновался профессор. – Вы думаете, они нас так вот, запросто, с собой и возьмут?

– Те жонглеры, о которых я думаю, – возьмут, и с радостью, – князь обвел взглядом ближайшую кибитку и махнул рукой. – Нам в другую сторону.

Они обошли почти всю деревню, когда Вожников наконец-то заметил знакомый фургон с разноцветными треугольниками и кружками.

Бродячие артисты уже устроили сцену, и вокруг сразу же собралась толпа, замороженно следящая за тем, как атлетически сложенный Айльф жонглировал округлыми булыжниками. Старый клоун Корнелиус, сидя на краю телеги-сцены, тихонько пощипывал струны мандолины, белобрысый Иоганн уже нарядился в знакомый костюм лекаря, а вечно хмурый Готфрид позади фургона привязывал мулов к кустам. Все на месте... И вот сейчас покажется Альма, худенькая и бесстрашная – пройдет по канату с шестом наперевес, а потом – и на руках. Альма... Шемящие воспоминания сдавили грудь князя, казалось все это – жонглеры, Альма, Аугсбург – было давным-давно, в какой-то совсем иной жизни.

Начавшееся представление охватило Вожникова еще большей грустью: артисты играли все ту же классическую вещь, его вещь... точнее – Рязанова. «Ирония судьбы...» Вот уж, действительно, ирония.

– И мы в богатом в доме, где все такое же, как и у нашего героя...

Старый Корнелиус комментировал пьесу, совсем так же, как когда-то Егор... Только вот роли поменялись: Айльф «доктора», Готфрид – «Ипполита», а вот женские роли доверили миловидному Иоганну. Кстати сказать, парень неплохо справлялся, устаиваясь аплодисментов ничуть не меньше, чем мускулистый разбиватель женских сердец Айльф или харизматично-загадочный Готфрид. Хорошо играл, говорить нечего... Но вот где же Альма-то? Куда дели девчонку?

Охваченный нехорошими предчувствиями Егор едва дождался окончания пьесы и, попросив профессора обождать, зашел за кибитку... Где вскоре появился и старый Корнелиус – остальные кланялись и собирали деньги.

– Что это вы здесь делаете, уважаемый господин? Это наши мулы, и они имеют полное право здесь пастись, мы договаривались со здешним старостой...

– Ну, здравствуй, Корнелиус, – обернулся князь. – Не узнал меня, что ли?

– Бог мой... Георг! – старый жонглер распахнул объятия. – Вот так встреча! Сейчас придут наши... Отметим! Так ты теперь здесь?

– Я просто иду в Констанц. Не один, вместе со старым другом.

– С нами и поедете! Мы уже сегодня вернемся... Эй, эй, парни! – повернувшись, старик помахал руками своим. – Идите-ка сюда, смотрите, что у нас за гость!

– Георг, дружище!!!

Мускулистый Айльф сдвинул Вожникова с такой силой, что, казалось, затрещали кости.

– Но, но, дружище, – засмеялся князь. – Ты, кажется, собрался выдавить из меня масло!

Здравствуй, Готфрид! Рад видеть тебя.

– И я рад не меньше.

– Ха! Иоганн! А ты вырос. Совсем уже взрослый... почти.

– Да-а-а... – прослезившись, старый Корнелиус покачал головой. – Жалко, нет Альмы.

Глаза князя потухли:

– А где она? Что с ней?

Он уже ожидал услышать какой-то совершенно грустный и даже жуткий ответ, типа того, что девчонка погибла или умерла от какой-нибудь лихорадки... или ее схватили и сожгли, как ведьму... однако...

– Альма вышла замуж, дружище Георг!

– Замуж? – Егор хлопнул глазами. – Как славно! Жаль, я на свадьбе не погулял.

– Зато мы погуляли! – хохотнул Айльф. – Хороший человек взял ее в жены, не молодой уже, но солидный, зажиточный – он держит на одном из перевалов постоянный двор и корчму. Так что Альма у нас теперь – хозяйка.

У князя словно камень с плеч упал:

– Молодец, девочка! Нет, правда...

– Мы все за нее рады. Всю жизнь ведь не будешь в кибитке... Она же все-таки женщина...

– А муж – хороший, – с улыбкой пояснил Иоганн. – И совсем ее не бьет, доверяет даже.

Он, видишь ли, вдовец...

– Да, человек хороший, спокойный.

– Ну и слава Святой Деве, что все так устроилось. Я вам своего друга представляю... и нам бы хотелось, чтобы мы тоже вроде бы как с вами – жонглеры. Ну, чтоб не было лишних вопросов...

– Понимаю! – хлопнув Егора по плечу, хохотнул Айльф. – Опять у тебя какие-то тайны, дружище Георг!

– Кстати, на всех перевалах – стража, – вдруг сообщил Иоганн. – Кто-то там сбежал из Констанца, какие-то разбойники. Так вот – ловят. Всех досматривают, проверяют – мы потому так и задержались.

Корнелиус улыбнулся:

– Ничего, на обратном пути задержек не будет. Мы же не из города едем, а вовсе наоборот, в город.

Так и вышло. Никто жонглеров не проверял, лишь на одном перевале стражники все-таки заглянули в кибитку. Беглецы затаили дыхание.

– Хотите пива? – с улыбкой предложил воинам Иоганн. – Свежее, деревенское.

– Из Херцвига? – стражник сглотнул слюну.

– Оттуда, – протянул баклажку юный жонглер. – Берите, берите, у нас еще есть. Пива там было наварено – целая бочка величиной с церковь!

– Неужто с церковь?! – вежливо поблагодарив за пиво, воин округлил глаза. – Что-то уж больно великовата.

– Клянусь Святой Девой – с церковь! Ну, может, чуть-чуть поменьше... локтя на два.

Наконец-то Вожников хорошенько разглядел Констанц, оказавшийся очень красивым и уютным городом с довольно широкими – как в любом бывшем римском лагере – улицами, просторными площадями и огромным, выстроенным из кирпича, складом в порту на берегу

красивейшего Боденского озера. Над всем городом возвышался шпиль собора (традиционно – Святой Девы Марии) и колокольни многочисленных церквей. Услылав утробный звон колокола доминиканского монастыря, князь поморщился – покинутое узилище снова напоминало о себе... словно бы звало обратно. Ну уж нет! Шалишь.

Жонглеры обитали на самом краю города, почти у самых ворот, на постоялом дворе, некогда довольно-таки зажиточном, но в последнее время, в связи со смещением торговых путей к югу, к перевалу Сен-Готард – постепенно приходящим в упадок, что было хорошо заметно по местами отвалившейся штукатурке и давно требующим ремонта амбарам.

Впрочем, на заднем дворе оказалось довольно уютно. Летняя кухня, грубо сколоченный стол для прислуги под старым кленом и акациями – там все и поужинали, да вскоре легли спать – кто в людской, кто в кибитке.

– Ну, и что дальше? – проснувшись, первым делом спросил Гус. – Так и будем здесь, в Констанце, сидеть?

Князь покачал головой:

– Экий вы нетерпеливый, профессор! Не забывайте – мне нужно в Чехию ничуть не меньше вас.

– Ах да, да, ваше величество, – язвительно ухмыльнулся магистр. – Я же совсем забыл – через Чехию лежит ваш путь к имперской короне.

– Вот именно, дорогой друг, вот именно!

С обеда отправленный собирать слухи Иоганн по возвращению доложил, что все пути из города перекрыты, на каждом перевале выставлена зоркая стража, а пастухам и охотникам – буде те поймают опасных разбойников – объявлена немаленькая награда: целых пятьдесят флоринов!

– Зарплата коммунального доктора за целый год! – тут же прикинул Егор. – Может, сдадимся, профессор? Деньги приличные. Вы на меня донесете, а я – на вас.

– Все шутите.

– Кто бы говорил! Иоганн, – выскочив из кибитки, Егор поманил уже отошедшего парня. – А приметы-то этих разбойников известны?

– Хо! На всех углах глашатаи только об этом и говорят! – обернувшись, подросток махнул руками. – Один – высокий, плечистый, сильный, волосы темные волнистые, глаза серые, еще небольшая бородка и усы... да, на левом плече – родинка. Ха-ха!!!

Уставившись на князя, парнишка неожиданно захохотал и хлопнул себя по коленкам.

– Ты чего ржешь-то? – нелюбезно осведомился молодой человек.

– Да уж больно этот злодей на тебя похож! Правда.

– О втором говори... похож – надо же! Со злодеем меня сравнил, чудо...

– Ну, не обижайся, – мальчишка потупился. – Теперь – о втором. Худой, сутулый, борода небольшая, с проседью, нос – как у грача...

– Чего-чего? – возмущенно воскликнул Гус. – Они бы на свои носы посмотрели! Ой... вообще, я переживаю, когда вот так небрежно составляют словесный портрет. Этак ведь и невинного человека схватить да в подвал бросить можно... Вот как нас с вами, Георг.

– О, да, да, – Егор покивал и, дождавшись, когда Иоганн скроется за летней кухней, расхохотался.

– Что смеетесь, мой друг? Представляете, как за нами гонятся дюжие стражи? – тут же съехидничал профессор.

Князь ухмыльнулся. Вообще, он теперь считал, что с напарником ему повезло: Ян Гус оказался из тех, что вовсе не против пошутить и посмеяться над самим собой. Людей, относящихся к себе слишком серьезно, Егор всегда считал вовсе не людьми, а какими-то надутыми монстрами, место которых – в паноптикуме, а не в обычной жизни.

– Вы что так на меня смотрите, дорогой магистр? Ну, не смейтесь же, скажите!

Гус покрутил головой и хмыкнул:

- Прикидываю, как бы вы выглядели, если бы были бы женщиной!
- Ого! – округлил глаза князь. – А ну-ка, отодвинься от меня, противный!
- Что-что?
- Да нет, ничего такого, просто шучу, как и вы, друг мой.

Профессор воззрился на собеседника с самым серьезным видом:

- А я вовсе не собирался шутить. Просто видел в кибитке женские платья и парики. А нас ведь ищут, и приметы довольно точны... кроме носа, как у грача, разумеется.
- Это верно, вещи Иоганна, для постановки, – пробормотав себе под нос, князь вдруг посветлел лицом. – Но ход ваших мыслей мне нравится! Так и сделаем. Прямо сейчас... нет... лучше ближе к вечеру.

Вечером, уже ложась спать, Иоганн вдруг принялся лазить по всей кибитке – искал свой реквизит, и, ничего не обнаружив, уныло поплелся к кухне, где, под старым кленом, пробавляясь вчерашним пивком, давно уже сидели князь и профессор.

- Что невесел, отроче? – заметив подростка, радостно осведомился Гус.
- Вы платья мои не видали? – Иоганн присел рядом на лавку. – И парики. Ну, для театра.
- Понимаем, что не для свадьбы, – ухмыльнулся Егор. – Что, не найти?
- Не найти.
- Наверное, украл кто-нибудь.
- Да, да... – воспрянул отрок. – Могли!

Профессор скорбно покачал головой:

- Ай-ай-ай, какие негодяи! Ничего, Иоганн, купишь себе новые платья, гораздо красивее прежних.

Парнишка махнул рукой:

- Куплю, конечно, чего уж. Пива плесните!
- Пей, друже, пей.

Можно было бы эти платья и парики просто спросить – Иоганн, всяко, не отказал бы. Однако к чему этому славному отроку лишнее знание? Вдруг да придут, спросят, начнут пытать? Меньше знаешь, крепче спишь – оно для любой эпохи верно.

Тепло простившись с жонглерами, беглецы покинули постоянный двор на рассвете, и, лишь отойдя на приличное расстояние, переоделись в развалинах бывшей римской бани, побрились прихваченной на постоялом дворе бритвою, разом превратившись в двух разбитых торговков в смешных, апельсинового цвета, чепцах и длинных холщовых юбках.

– Хорошо хоть тут туфли на шпильках не носят, – ухмылялся на ходу Вожников. – А то бы были бы мы хороши... в джазе только девушки.

Профессор скосил глаза:

- Что вы все улыбаетесь, друг мой?
- А вам бы пошло пенсне. Вышла бы этакая пожилая, не лишенная определенного эротизма дама... примерно как у Чехова.

– А вам бы румяна пошли, – пропустив про Чехова, съязвил Гус. – Накрасили бы щеки – и хоть сейчас в лупанар!

– А что, неплохая идея! – Егор резко остановился. – В самом деле неплохая... интересно, есть ли бродячие публичные дома?

– Во время войны – есть, – подумав, отозвался профессор. – Всякие там маркитанты. Но вот войны-то сейчас в Швабии нету!

– Жаль, – посетовал князь. – Придется что-то другое придумать. Ну, думайте, думайте, друг мой! Нам бы еще неплохо где-то денег раздобыть... Нет, мне всякий даст – только под своим именем. А зачем раньше времени раскрываться? Правильно, мой друг, незачем. Значит, думаем, где взять денег?

– Надо было у жонглеров спросить.

– Обирать этих и без того небогатых людей? Ну, что вы, профессор, – Егор исподлобья посмотрел на собеседника и улыбнулся. – Вижу, у вас есть какое-то предложение, пан магистр? Так выкладывайте, не стесняйтесь! Ну, что вы молчите-то?

– Думаю, оно вряд ли вам понравится, – вздохнул Гус. – Да и не предложение это, а так, издевка.

– Да не тяните же кота за хвост!

– Кота? За хвост? Интересно... – профессор махнул рукою. – В таких нелепых нарядах нам один путь – на паперть, собирать подаяние. Может, кто и подаст...

Хмыкнув, князь покачал головой и вдруг хлопнул в ладоши:

– Знаете, а ведь в этом что-то есть! Паперть... паломники... Их ведь тут много?

– Ну да.

– Так что из города, думаю, мы точно выберемся. Да и из Швабии – тоже. Выше голову, мой дорогой друг! Ой, нет... слишком уж синева на подбородке бросается в глаза. Надо будет заглянуть на рынок да стащить какой-нибудь бальзам или пудру. Так сказать – стырить по мелочи. Умеете воровать, профессор?

– Что вы такое говорите!

– Значит, умеете. Вот и славненько, – подмигнув своему спутнику, Вожников азартно потер руки. – Я на стрёме постою, отвлеку – а вы пудру стырите.

– Да ничего я не буду ты... как вы сказали?

– Тогда нас загребут на первом же посту – больно уж у вас вид подозрительный, дорогой друг.

– На себя посмотрите.

– Согласен, – покладисто согласился князь. – У нас обоих вид – хоть куда. Так что пошли за пудрой, ага!

Глава 10

Немцев – в окно

Уважаемый всеми ратман, господин Отто Штальке, член городского совета Праги, вернулся нынче от бургомистра в плохом настроении. Как-то не так все на заседании совета вышло – и чертовы чехи кричали больше, чем всегда, и как-то суетно было, но – самое главное! – бургомистр в его, Отто Штальке, сторону даже не взглянул на протяжении всего действия. Хотя... нет, один раз все же взглянул – но этак, походя, и даже, можно сказать, хмуро... Или – не хмуро, а так, с укоризною – да-да, вот именно, с укоризною. А ведь в прошлый раз герр городской голова вовсе не так на своего верного ратмана смотрел, совсем по-другому – вполне благосклонно, с легкой ободряющей улыбкой, отчего господину Штальке хотелось летать! Правда-правда, словно крылья на спине выросли – вот что значит благосклонный начальственный взгляд.

И тогда – на прошлом совете – когда все рассаживались, бургомистр даже кивком показал герру Штальке на место почти рядом с собственной особой, на соседнем ряду. О, с какой завистью кривил губы это ничтожество Франк! Сидел чуть ли не у самых дверей – позор, посмешище! Так этому черту и надо. Да-а-а... на прошлом совете все очень хорошо было... О чем советовались? Да черт его знает, о чем. Что-то про городскую казну болтали, да о подрядах на ремонт ворот в Старом Мясте – Отто не слушал: что зря болтать-то, когда с подрядами все давно уже решено кулуарно? Те, кому надо, давно уж заслали в ратушу «золотого петушка», не всем от птички сей обломилось, лишь самым проверенным, близким – в том числе и герру Штальке. Ах, как славно-то было...

А сейчас? Начать с того, что этот прощельга Франк нахально занял не свое место, уселся рядом с градоначальником, а тот – о, ужас! – со всей благосклонностью на сего проходимца посматривал. Можно даже сказать – любя. Примерно так же, как в прошлый раз – на Отто. Ох, Пресвятая Дева, да что же нынче случилось-то? Может, господин бургомистр не с той ноги встал? Тьфу ты, тьфу! Сгинь, нечистая сила, сгинь! Нельзя так о начальстве думать! В себе, в себе причину надо искать. Может, что-то где-то кому-то не так сказал – а уж потом нашлись доброжелатели, передали? Или это прежнего ратмана, Шульца, козни? Именно на его место герр Штальке пришел года три назад, с новым бургомистром, так сказать – одной командой. Не... Шульц не должен бы – и не потому вовсе, что не хочет навредить, еще как хочет – не может просто, зубы у старого волчары уже не те, поистерлись. Так что, верно, не в Шульце дело... Ага! Может, внешний вид не тот? Та-ак...

Встав, герр Штальке прошел в прихожую, выгнав оттуда прибирающуюся служанку, и посмотрелся в висевшее на стене полукруглое венецианское зеркало – предмет зависти соседей и показатель высокого социального статуса владельца. Из загадочно мерцающих зеркальных глубин глянула какая-то жуткая рожа... Тьфу-тьфу-тьфу! Опять сатана козни строит, надо снова зеркало в церковь отнести. Хотя недавно ведь относили, да уплатили священнику немерено, хорошо хоть святой отец оказался немец, а не какой-нибудь там чех. Чехи – известно – сволочи те еще, всегда готовы устроить какую-нибудь пакость, глаз за ними да глаз. Да разве смогли бы они без немецкого управления? Передохли бы с голоду все, и города бы их разрушили. Слава Пресвятой Деве, бюргеры-то в городах в большинстве – немцы, не было бы так – не было бы и Богемии!

Ратман приосанился, любил он иногда так вот о себе и соплеменниках своих подумать – с чувством, с расстановкой, с гордостью.

А отражение в зеркале вроде и ничего себе – вполне приличное. Хоть и не высок герр Штальке, да осанист, и в плечах не узок... правда, и не очень широк, да то дело пустое, что он, молотобоец, что ли? Солидный человек, лавочник... тьфу ты – лавочник... ратман! И лицо

Для полноты отражавшейся в зеркале картины ратман накинул на плечи шикарный шелковый плащ и надел на голову круглую – тоже с куньим мехом – шапку доброго темно-зеленого сукна.

Надел... и вздрогнул! О, Пресвятая Дева! Шапка! А герр бургомистр сегодня в чем был? Уж не в берете ли? Точно! В зеленом бархатном берете с пером. И эта паскуда Франк был в берете, и даже чех Пржемок... А он, Отто Штальке? Черт... ну, надо же так влипнуть! И никто же не предупредил, ну, сволочи. Шапка – вот в чем дело-то! Теперь понятно, почему бургомистр так смотрел. Ишь ты, кто-то из ратманов выделиться захотел! Лучше других быть... Поня-а-атно...

Сложенный из серых камней, с мощными воротами, подъемным мостом и высокими башнями, замок Пржемерк стоял на пологом холме, окруженный широким рвом, до половины наполненным водою из протекавшего рядом ручья. На склонах холма росла дубовая рощица, за которой виднелся ельник, а за ельником – большое село с белеными, крытыми соломою домиками, окруженными серыми плетнями. Рядом с селом протекла речка Бироунка, через которую был перекинут мост. Возле моста, в специальной будке, скучали два стражника в серых металлических кирасах и круглых шлемах. Один из воинов был с алебардой, другой – с коротким копьём.

По дороге к мосту катила какая-то большая повозка, запряженная четверкой лошадей. В повозке, с вожжами в руках, сидел совсем молодой парнишка в бархатной курточке с зеленой зубчатой пелериной и узких немецких штанах. В середине повозки, в удобных полукреслах располагалось еще с полдюжины человек, весь скарб которых был аккуратно сложен сзади.

– Глянь-ка, что за чудо, брат Лех! – увидев повозку, один из стражей протер глаза. – Телега-то вроде не мужицкая. Однако и на господскую не похожа.

Второй стражник потянулся и смачно зевнул:

– Я про такие кибитки слышал. Говорят, они ходят из Аугсбурга в Нюрнберг, а нынче, видать, добрались и до Праги. Любой, кому надо, может ехать, заплатив за дорогу несколько золотых монет. У того, кто это придумал, котелок варит.

– Так что же, нам с них и плату не брать?

– Как это не брать? Брать! Да еще двойную – их же там вон сколько.

– Слушай, Лех, – поправив на голове шлем, стражник внимательно посмотрел на подъезжавшую повозку. – Нам ведь господин приказал обо всем докладывать и никого чужого без его слова не пропускать.

– Да помню, – отмахнулся напарник. – Вот и беги, доложи, а я их тут придержу. Беги, беги, что смотришь? Ты же у нас молодой и быстрый, как горный козел!

В сумрачной зале замка горел камин, и пламя, ревя, уходило через трубу в небо. За большим столом, напротив камина, в высоком резном кресле сидел плечистый, лет тридцати, человек с красивым, несколько надменным лицом, словно львиною гривой обрамленным светлыми кудрями. Карие глаза, небольшая, аккуратно подстриженная борода, затейливый рыцарский герб с черным имперским орлом и золотой секирой, вышитый на груди бархатного камзола-котты. Весь облик молодого рыцаря дышал благородством, и золотая рукоять меча светилась в пламени двух горящих свечей и камина.

Положив на большое серебряной блюдо обгрызенную куриную ножку, рыцарь сполоснул руки в чаше, наполненной розовой водою, и, сытно рыгнув, потянулся к объемистому кубку...

Тень верного слуги, едва слышно прошелестев через всю залу, изогнулась в глубоком поклоне.

Рыцарь поднял голову:

– Что там такое? Громче говори, раб, ты язык, что ли, проглотил? Какой еще, к дьяволу, стражник? Повозка? Что за повозка... Сама по себе? Без всякой охраны?

Рыцарь вдруг хмыкнул и неожиданно повеселел:

– Я знаю, что им обещал сам король Вацлав. Но ведь и его величество не властен над лесными разбойниками, так? Эй, кто там? – стукнув по столу кружкой, громко воскликнул молодой человек. – Верные мои слуги! Трубите в рог! Созывайте воинов. Клянусь, нам сегодня выпадет славная охота... И добыча будет знатной – не какой-нибудь там олень.

Прислонив алебарду к будке, стражник, прищурившись, обошел повозку еще раз, на этот раз сопровождаемый тем самым темноволосым паренком, что правил лошадьми.

– Да сколько раз вам говорить, – размахивая руками, возмущенно восклицал подросток. – Я не возчик, а приказчик торгового дома «Ганс и Георг» из славного имперского города Аугсбурга! Мы вообще-то в Нюрнберг ехали, а к вам в Богемию и не собирались... если бы не эти достойные люди, – приказчик кивнул на телегу. – Они заплатили – я повез. А что в этом такого?

– Э-э-э, – задумчиво протянул воин. – Как вас зовут-то, забыл?

– Бруно.

– Вы, значит, из Аугсбурга, молодой господин? Немец, значит.

– Ну, конечно же немец! Вы же хорошо говорите по-немецки, неужто еще хоть что-то непонятным осталось?

– И вы, значит, по всем имперским землям так разъезжаете? Разбойников не боитесь?

Мальчишка горделиво выпятил грудь:

– У нас подорожная грамота от короля Вацлава! Вы же смотрели уже. Нет, ну, обычно мы едем несколькими повозками, нанимаем стражу, но вот сейчас... эти славные люди заверили меня, что дороги в Богемии мирные, и совершенно незачем скидываться на стражу. Дорожную пошлину мы уплатили – что еще-то? Пропустите же нас скорей!

– Пропущу, пропущу, – искоса поглядывая на дорогу, ворчал страж. – Но сперва всех тщательно проверю, расспрошу. Может, вы сами разбойники? Вот с того господина и начну... Вы, вы, в синем плащике... Чех, говорите?

– О, Пресвятая Дева! – в отчаянии заломил руки приказчик. – И зачем я только поперся в эту чертову Богемию? Деньжат захотелось – алчен. Ну, а как же, Господи? Я же женюсь годика через три, а до этого времени хорошо заработать на дом – иначе куда жену приведу, на постоянный двор, что ли? Ах, милая Лерба...

Пока стражник нудно расспрашивал одного из пассажиров – они говорили по-чешски, и Бруно ничего не понимал – явился уже и второй воин, какой-то веселый и немного дерганый. Отозвав напарника в сторону, он что-то быстро шепнул... На том проверка и закончилась, слава Святой Деве!

– Вам в Прагу во-он по той дорожке лучше, – поклонившись, вежливо указал страж. – Через рощицу, а не вдоль реки. Так в два раза короче будет.

– Спасибо!

Поблагодарив, юный возница, съехав с моста, повернул лошадей на лесную дорогу. Пассажиры радостно болтали: еще бы, вроде бы все дорожные мытарства закончились – впереди родной дом – Прага.

– Хорошо, что мы все же не взяли стражу, – шурясь от солнца, приговаривал пан в синем плаще. – А то бы они с нас взяли немало!

– Да, сэкономили изрядно, пан Влад.

– Эти стражники – они сами еще чище разбойников будут.

– А кто же еще охраной промышляет? Те же самые разбойники и есть.

Дорожка быстро углубилась в лес, вокруг стало заметно темнее, да и ехать пришлось куда медленней – узко, колючие, росшие по бокам дороги кустарники царапали борта телеги, словно бы хотели ее остановить, зацепить, утащить в чашу.

– Ого! Здесь, оказывается, буреломы, – Бруно едва не выругался, увидав валявшуюся поперек дороги ель. – Придется пилить... Сейчас, мои господа, я быстро.

Вытащив из багажного отделения «дилижанса» лучковую пилу, Бруно принялся пилить ствол упавшей елки, да так увлекся, что не сразу заметил вдруг выскочивших из леса людей с пиками и мечами.

– Разбойники! – выскочив из повозки, истошно закричал пан Влад.

И тут же упал, пораженный в самое сердце короткой арбалетной стрелой. Все кончилось очень быстро – не было никакой битвы, несчастных путешественников просто взяли на стрелы, словно какую-нибудь боровую дичь, лишь одного заколол копьем какой-то здоровый мужчина в черном, с полумаскою, шлеме, называемым салат.

– Ах, господин! Как мы нынче быстро управились!

– А вы думали?! – горделиво приосанившись, предводитель разбойников снял с головы шлем и подшлемник.

Рассыпались по плечам золотистые волосы, словно львиная грива.

– Да, быстро! Так ведь война – мое кровное дело, не будь я пан Владислав из Пржемберка!

– Слава пану Владиславу! Слава! – радостно закричали остальные... разбойники... или воины славно рыцаря? В те времена частенько это были одни и те же люди. Вот как сейчас.

– Четыре лошади, примерно по двадцать золотых каждая, – бормоча себя под нос, уже подсчитывал доходы замковый эконо́м – согбенный, лет сорока, мужичонка с вечно озабоченным лицом. – Сама повозка... гм-гм... на полсотни золотых всяко потянет, но это еще как продать...

– Считай, считай, Иржи! – довольно расхохотался пан Владислав. – Все, до самой мелочи, подсчитай... Да поедем в замок, устроим нынче пир!

– Слава нашему пану!!!

– Господин... – появившиеся из лесу двое воинов в коротких кольчугах и панцирях вели под руки поникшего головою Бруно. – Вот! В можжевельнике прятался, щенок.

– Ты кто? – пан Владислав грозно нахмурил брови. – Отвечай, иначе живо у меня огребешь на гостинцы!

– Уважаемый господин, я... я... – залопотал по-немецки приказчик.

– А-а-а, да ты немец! – ухмыльнулся рыцарь и, обернувшись к своей свите, бросил почешки: – В замок его. В подвал. Вдруг да и пригодится немец?

Король Венцель – или Вацлав, как его называли в Чехии, – покусывая усы, недоверчиво посматривал на Гуса. Этот проповедник свалился на голову внезапно, как осенний снег. Братец Сигизмунд, кажется, арестовал Гуса и имел все возможности объявить слишком уж вольного профессора еретиком с последующим сожжением. Все возможности имел, и вот – дурак! – упустил, и теперь мятежный магистр вновь объявился в Праге, да не один, а в компании какого-то подозрительного проходимца, гордо именующего себя русским князем. Впрочем, русские князья все авантюристы, взять хоть того же Сигизмунда Корибутовича, правда, тот наполовину литовец. Литовцы, поляки, русские – какая разница? Авантюристы! Как и младший братец Зигмунд-Сигизмунд.

– В Чехии – чехи должны быть главными, и вы, ваше величество, как законный чешский государь...

Нервно поправив мантию, король сморщился, как от зубной боли – Гус снова завел свою старую песню о чехах, о национальной церкви и всем таком прочем... что нынче вызывало явное одобрение съехавшихся на королевский совет панов! Ох, как они подкручивали усы, как грозно сверкали глазами, как орали:

– Сигизмунд – проклятая собака!

– Да как он осмелился, подлый пес, нарушить данное почтенному профессору слово?

И дальше все в таком же духе, Вацлав даже был вынужден сделать им замечание:

– Ну, хватит ругаться уже. Хоть и не дружно мы живем, но Сигизмунд – все же брат мой младший.

– О, простите, государь!

Чешские рыцари дружно принялись извиняться, выражая свою полнейшую преданность. Это Вацлаву Люксембургу нравилось, как, впрочем, и Прага, и вся Богемия, где весь их род – род Люксембургов – воспринимался как династия законных властелинов. Ну, еще бы – сколько лет уже!

Вацлава в Чехии уважали, и он это чувствовал. Уважали за смирный нрав и благообразность, за то, что король никогда и ничего не делал сгоряча, не подумав, за то, что, как никто иной, мог уладить противоречия и ссоры между всеми своими подданными, независимо от того, кто они были – немцы или чехи?

Вместе с тем Вацлав всегда осторожничал, может быть, даже слишком, отчего снискал в определенных кругах репутацию человека нерешительного и где-то даже безвольного. Неприятно было такое слышать, и все же король вовсе не считал нужным царствовать и управлять по-иному – силой, нахрапом, наглостью, – как брат Сигизмунд. Что ж, на то он и младший братец.

Гус наконец-то закончил свою прерываемую многочисленными аплодисментами речь, и, смиренно поклонившись монарху, сошел с трибуны.

– Ваша величество, – подойдя сзади, зашептал секретарь. – Велите ли зачитать послание?

Король нахмурился: присланное Сигизмундом дня три назад письмо было уж слишком ругательным и гневным, в нем досталось и старшему брату – за «нерешительность и трусость». Нехорошее, страшное письмо – оскорбительное для всех здесь присутствующих. Зачитать его – значит вызвать большую войну, а не зачитывать – вполне возможно лишиться трона уже в самом ближайшем будущем. Что же, однако, делать-то, что? Лучше уж зачитать, да, тем более что рано или поздно содержание письма станет известно всем... если уже не стало. Так что лучше уж зачитать, от греха подальше, а там – будь что будет! Главное, умыть руки, и, по возможности, не предпринимать никаких решительных действий, не поддерживать никого, посмотреть, куда склонится чаша весов, а там... там видно будет.

Решив, Вацлав поднялся с трона – все разом затихли, рыцари опустили перед королем на колени.

– Брат мой, германский и венгерский король Зигмунд, прислал мне нынче письмо... – тихо промолвил правитель Богемии и Моравии. – В котором в самых гнусных и неподобающих выражениях требует выдачи профессора Гуса, магистра Иеронима Пражского, проповедника Николая из Дрездена и многих.

По залу прошелестел возмущенный гул. Кто-то смачно выругался, ничуть не стесняясь присутствия королевской особы.

– Задницу от свиньи он получит, а не профессора!

Вацлав недовольно поднял глаза, разом уняв шум, и продолжал все тем же тихим и отстраненным голосом:

– В противном случае Зигмунд обещает утопить в крови всех сторонников Гуса... Как будто это он властелин Чехии, а вовсе не я! Кровопролития не будет!

Повысив голову, король взмахнул рукою – и гул одобрения прокатился по зале, затихнув под гулким сводчатым потолком.

– Это письмо – оскорбление! – выкрикнул один из рыцарей. – Прямое оскорбление нашему государю и всем нам! Ужель мы будем молчать?

– Слава королю Вацлаву!!! Долой прихвостней Сигизмунда!!! Долой!

Король приподнял левую бровь, и все поднявшееся было возмущение стихло, и богемский венценосец в сопровождении своей блестящей свиты вальяжно удалился прочь. А вот после его ухода...

Впрочем, возбужденная толпа рыцарей переместилась на улицу, а вслед за Вацлавом в королевские покои вошли лишь двое, удостоенные великой чести личной аудиенции высочайшей особы – профессор Ян Гус и великий князь Георгий Заозерский – Егор.

– Ну, что скажете? – усевшись в удобное кресло, нахмурился государь. – Уже недалеко и до бунта. Я слышал, где-то в горах восставшая чернь уже жжет рыцарские замки, без особого разбора – чешские они или немецкие.

– И тому есть причины, мой государь! – сверкнув глазами, поклонился Гус.

Король нервно взмахнул рукой:

– Так назовите их! Да не стойте вы оба – садитесь.

– Вы сами прекрасно знаете все причины, государь, – профессор все же остался стоять, а вот Вожников, ничуть не стесняясь, уселся на лавку, закинув ногу на ногу и с любопытством глядя на монарха.

– Алчность ваших вассалов – вот всему причина! – негромко промолвил магистр. – Я все понимаю – Бог устроил так, что есть, были и будут богатые и бедные, слуги и господа... Но, полагаю, не следует все это неравенство раздувать еще более, ибо в ответ вы получите огонь, столь бурное пламя, которое сожжет всех!

– И что же вы предлагаете делать?

– Для начала ограничьте барщину тремя днями в неделю, чтобы вилланы три дня работали на своего пана, три дня – на себя, и один день в неделю – в воскресенье – посещали бы церковь. Простую и понятную для всех церковь, где все равны, а священники – уважаемы и любимы. Где не торгуют индульгенциями, не пьют, не дерутся, не прелюбодействуют, не смотрят алчно в карманы паствы!

– Вы еще предлагали все церковные владения забрать... – задумчиво протянул король. – Не думайте, что я против! Как и по поводу барщины – да, ограничить, три дня в страду вполне хватит, а нет, так пусть паны раздают землю в аренду. Я, пожалуй, издам указ... Боюсь, правда, что уже слишком поздно.

– Никогда не бывает ни рано, ни поздно – главное, чтоб хоть что-то делалось, – заметил со своего места Егор. – Извините, что перебиваю, государь. Что же касаясь реформации церкви – уж больно удобный момент, грех не воспользоваться! Тем более мы в своих воззрениях отнюдь не одиноки – кроме чешских, еще и многие немецкие рыцари и князья, и богатые ганзейские города, которым уже давно надоело платить десятину неизвестно кому. Пока нет нормального – одного! – папы...

Король покивал головой:

– Я понимаю, о чем вы. О том же толкует и наш уважаемый профессор. Но... я знаю своего братца – Зигмунд не остановится перед тем, чтобы организовать крестовый поход. Какая разница, какой папа его объявит? Лишь бы объявил, а желающие всегда найдутся. Получить отпущенье всех своих грехов, да поживиться за счет грабежа – чем худо?

– Ну, грехи любой из пап отпустить может, – засмеялся Вожников. – А вот насчет грабежа... Как бы самим стриженными не остаться! Кстати, государь, не знаете ли вы некоего нюрнбергского маркграфа Фридриха по фамилии Гогенцоллерн?

– Ну, знаю. Тот еще обормот, – совсем не по-королевски отозвался Вацлав. – Знаю еще, что Бранденбург он сильно хочет.

– Вот, вот! – князь обрадованно взмахнул рукой. – Бранденбург! Хочет, как вернувшийся из долгого плавания матрос разбитную девицу из лупанария. А мы ему в этом поможем. Не матросу – Фридриху.

– Понимаю, что не матросу, – усмехнулся король. – Только как мы ему поможем? Да и зачем? Ежели случится крестовый поход, у нас и самих останется войска негусто. Тем более Фридрих Гогенцоллерн их тез господ, слово которых... как бы это помягче сказать...

– Я вас понял, – пряча усмешку, Егор покусал губы. – Но в нашем случае ему будет выгодно нас поддержать... Вы ведь – курфюрст, плюс еще два курфюрста – за нас будут. И – за Фридриха – против Сигизмунда. Я знаю, кто...

– Я тоже догадываюсь. Но... четыре курфюрста точно – за Зигмунда и папу... уж не знаю, кого они там выберут.

– Боюсь сглазить, но и в этом вопросе дело тоже может обернуться к лучшему, – вспомнив разговоры с секретарем папской курии Поджо Браччолини, улыбнулся князь. – Смотрите, как мы все друг с другом повязаны – вы, Фридрих, курфюрсты... будущий папа. И – Русия.

– Русия? – Вацлав Люксембург удивленно хлопнул глазами. – Но она же далеко... вроде...

– Она рядом! – вскочив на ноги, громко воскликнул Егор. – Ливония, Литва, Польша, часть Венгрии – уже наше! Кстати, и я не прочь стать курфюрстом – как маркграф Ливонский, имею все права!

– Но...

– Понимаю – для этого нужно немножечко повоевать. Вот мы и повоюем!

– Вот теперь я вижу, что вы – истинный русский король, – правитель Богемии неожиданно засмеялся. – Рассуждаете вполне здраво, по-государственному... к тому же и держитесь безо всякого раболепия или смущения, как равный с равным. Все правильно, друг мой! Хотите корону курфюрста? Имеете право? Да, имеете. Но это право нужно еще подтвердить... силой!

– Именно так, брат мой Вацлав! Именно так мы и поступим.

– Только меня не втягивайте в свою игру раньше времени. Кстати, в случае чего, войско русских рыцарей нам бы вовсе не помешало!

– Будет войско, – покивал Егор. – И пушки будут, и все, что надобно. Я уже послал домой гонца.

– Рад, что вы в этом честно признались! Предлагаю за это выпить.

– Охотно! А вы как, доктор Гус?

Профессор тоже согласился – в общем-то, обо всем уже договорились. В основном. Осталось дело за малым – исполнять.

Князь посмотрел в окно на злату Прагу. Все же он во многом сегодня признался, да почти во всем, кроме одного, самого, пожалуй, главного. Егор ни слова не сказал о финансовой экспансии Руси на центральноевропейские рынки, что уже велась тихой сапой через все того же Фуггера и ряд ганзейских банков. Русское серебро в Европу же хлынуло... а совсем скоро хлынет и золото Орды. Повуюем, что ж... Но пуще того – позвеним денежками. И вот тогда поглядим, кто тут у вас будет императором!

Известие об оскорбительном послании императора Сигизмунда очень быстро распространилось по всей Праге, упав на благодатную почву съехавшейся для встречи Гуса чешской шляхты. Рыцарей поддержали не только бюргеры, но и простые горожане, и крестьяне из близлежащих сел. Спонтанно начавшиеся погромы немецких лавок и монастырей переросли в настоящую вакханалию насилия, когда для многих уже стало не особенно важным – кого и за что громить, главное – громить, жечь, грабить!

По всему городу потянулись к небу дымы – то горели дворы немецких купцов. Кое-кого из них уже сбросили во Влтаву, по улицам рыскали разъяренные толпы – за немецкую речь немедленно били в морду!

В окнах ратуши отразились огни пожарищ, и собравшиеся на заседание совета ратманы напрасно ждали своего бургомистра. Он так и не явился... зато явились другие. Разметав стражу, мятежники ворвались в зал для заседаний, потрясая дубинами и топорами. Среди подлого люда, впрочем, оказалось и с полтора десятка рыцарей, выделявшихся вооружением и доспехами – их вел молодой пан с волосами, словно львиная грива, на его плаще золотом горела вышитая секира.

– А ну, кто тут немцы? – запрыгнув на стол, рыцарь выхватил меч и покрутил его над головой.

– Да выкинуть их всех в окно!

Господа ратманы поспешно попрятались под лавками и теперь горячо молили Господа и Святую Деву – сбежать-то опоздали, увы!

– Ну, я немец! – один из господ заседателей оказался куда как смелее других, да и выглядел покрепче – этакий здоровяк с широченными плечами. – Меня зовут Дитрих Майер, и если кому не нравится моя нация – прошу подходить, господа!

С этими словами детинушка схватил в руки скамейку и шваркнул ею о неосторожно приблизившихся панов с такой силой, что бедолаги в ужасе разбежались по углам.

– Что, не нравится?! – размахивая скамьей, издевательски захохотал немец. – Кажется, здесь кто-то собирался выкинуть кого-то в окно?

Мятажники несколько опешили. Кто-то из них тотчас же воззвал к рыцарям:

– Куда же вы смотрите, панове?! Пан Владислав из Прежмберка, а ну-ка, покажите, как может рубить вражьи головы ваш добрый меч!

Рыцарь с львиной гривой – пан Владислав, спрыгнув со стола на пол, побежал к распоясавшемуся ратману... И тот без всякого почтения швырнул в славного пана скамейку, тотчас же схватив еще одну!

Пан Владислав увернулся как-то неловко, ножки скамьи все же угодили ему по хребту, и разъяренный рыцарь бросился на обидчика, вращая мечом...

Ввуххх!!!

Встретившись с тяжелой скамьей, клинок едва не переломился пополам, и доблестному чешскому рыцарю пришлось приложить немало усилий, чтоб удержать в руках свое оружие. Дальше он уже действовал куда осторожнее – обернулся, махнул рукой:

– Эй, вы там! У кого арбалет?

Тем временем остальные ратманы, воодушевленные неожиданным успехом своего коллеги, попытались было под шумок скрыться – однако не тут-то было! Пришедшая в себя толпа горожан живенько преградила им путь, кинувшись в рукопашную схватку.

– Бей их, бей! Хватит, напились нашей кровушки, гниды!

– Ай-ай! Что вы делаете?! – в ужасе закричал герр Отто Штальке, когда мятажники подхватили его на руки и с радостным гомоном потащили к распахнутому окну. – Тут же высоко...

– И-и-и-и... р-раз!

– Ай-ай! Перестаньте!

– И-и-и-и... два!

– Я же разобьюсь...

– И-и-и – три!!! Оп-па!

– Не надо-о-о-о!!!

С жалобным и протяжным воплем выброшенный из окна ратуши герр Отто Штальке, описав кривую дугу, шмякнулся в проезжавшую мимо телегу с навозом. Повезло! Мог бы запросто расшибиться!

– Ого? – сидевший на козлах крестьянин обернулся, с удивлением глядя на ратмана. – Славно вы прыгаете, мой господин. Прямо как птица! Правда, ежели бы я здесь сейчас не проезжал...

– Я понимаю, – придя в себя, в ужасе округлил глаза герр Штальке. – Соскребали бы меня сейчас прямо с этой вот мостовой.

– А-а, так вы немец! – протянул возчик. – Тогда не говорите сейчас по-немецки – иначе нам обоим несдобровать. Не бойтесь, я вас вывезу за город... все ваши сбиваются на Кутну Гору, ну, до нее вы уж сами как-нибудь. Семья-то есть?

– Да, жена. И двое детишек, – ратман зашмыгал носом. – О, Пресвятая Дева, даже представить себе боюсь, что с ними!

– Что же они, без охраны?

– Бросьте – да кому надо-то? Нас самих наша охрана бросила – поразбежались стражнички, либо примкнули к мятежникам.

– Я сам мятежник! – горделиво приосанился возница. – Но вам помогу, не беспокойтесь. Думаю, это не дело, когда людей выбрасывают в окна. Ну и что с того, что немец? И среди немцев хорошие люди встречаются, как и среди чехов – гнусные твари. Так где, говорите, ваш дом?

– А вот сюда вот... по этой улице.

– Ага... вижу. Ярослав Гржимек меня зовут, – обернувшись, чех протянул ратману руку, и тот пожал ее с чувством самой искренней благодарности и надежды. – Я, знаете ли, торгую навозом. Неплохая бывает прибыль, особенно – по весне, да. Ого! Вы только гляньте, что делается-то!

Собравшаяся на углу толпа с увлечением громила винную лавку – терпкий аромат дорогого вина поплыл на всю улицу, смешиваясь с запахом навоза в несколько неожиданной вкусовой гамме.

– Бей немцев!!! Собакам – собачья смерть!

С криком и воплями пронеслась мимо телеги стая разгоряченных подростков, судя по рваной одежке, явно из «вечных подмастерьев» либо учеников. Один из них вдруг обернулся и помахал вознице рукой:

– Здорово, дядюшка Яр! Что, заимел, наконец, напарника?

– Заимел.

– А мы немцев бить побежали. Может, вы оба с нами?

– Не-е, навоз еще нужно продать.

– Ну, как хотите, ага!

Махнув рукой, парнишка побежал догонять свою стаю.

Сидя в седле, князь Егор с явным неудовольствием посматривал на весь царивший кругом разброд. Погромы и носящиеся по всему – от Градчан до Вышеграда – городу возбужденные, вооруженные кто во что горазд толпы не очень-то нравились и Гусу, правда, профессор тщательно скрывал свое недовольство.

– Поймите их, князь Георг, этот народ слишком долго был угнетенным.

– И вовсе не собираюсь понимать! – желчно возразил Вожников. – Угнетенных обычно используют те, кто сам жаждет превратиться в угнетателей... только обычно куда более кровавых, нежели прежние! Если к власти придет охлос, уверяю вас, немецкое засилье покажется всем нормальным людям чуть ли не благом. Нет, ну, смотрите, что они делают-то? Вам не жаль бедняжку? Сейчас они ее изнасилуют всем скопом – и прямо у нас на глазах.

С дюжину молодых людей с глумливыми смешками выволокли из переулка упиравшуюся девчонку, рыженькую, испуганную, с расцарапанными щеками и разорванном чуть ли не до пупа платье. Бедолага, похоже, уже ни на что не надеялась, даже не кричала, а лишь жалобно молила по-немецки:

– Пожалуйста... я все для вас сделаю... только не убивайте... ради Святой Девы.

– Разберитесь со щенками! – подзвав начальника стражи, приказал Гус. – Можете дать им плетей. А девушку проводите домой – ясно?

– Ясно, господин профессор!

Не так уж и сложно оказалось прогнать юнцов – всего несколько ударов плетью, и те с воплями разбежались, а спасенная девчонка... тут же скинула с себя платье:

– Не убивайте, молю! И не делайте мне больно. Я сама... сама...

– Тьфу ты, – перекрестился Егор.

Профессор нахмурил брови:

– Не переживайте. Я доверяю своим воинам – они сделают все, как приказано. Доставят девушку домой.

– Не сомневаюсь, – задумчиво глядя на творящиеся вокруг безобразия, покивал князь. – Только, боюсь, что дома у нее уже нет.

– А вот и ратуша! – показал рукой Гус. – Приехали. Как раз сейчас должен проходить городской совет.

– И-и-и раз... и-и два... Оп! – донеслось с верхнего этажа здания, и тотчас же из распахнутого настежь окна вылетел человек в черной мантии ратмана. Хорошо еще, не из башни выкинули – уж точно бы никаких шансов выжить. Впрочем, и так...

...вылетел, с криком упал на мостовую, да там и затих, скукожившись в нелепой позе.

– Гляньте, что с ним, – спешиваясь, отрывисто бросил профессор. – Остальные – за мной. Живо!

Вслед за магистром Вожников взбежал по каменной лестнице на верхний этаж, оказавшись в большой и светлой зале, украшенной затейливой лепниной и росписью на темы жития святого Галла. Разворачивающееся в зале действие тут же привлекло внимание и профессора, и князя, особенно когда какой-то ухарь в темной ратманской мантии нацелил арбалет на угрюмого здоровяка со скамейкой в ручищах. На здоровяке, кстати, была точно такая же мантия.

– Я-а-а! – возопил арбалетчик. – Я прикончу эту немецкую свинью, клянусь честью!

– Ты всегда был бездельником, Йозеф! – спокойно возразил амбал. – Бездельником и говоруном. Вот и сейчас – вряд ли сможешь попасть!

– А вот посмотрим!

– Давай, давай, попробуй.

– Как интересно проходят заседания городского совета у вас в Праге, – оперевшись о стену, смачно зевнул Егор. – Вот это я понимаю: настоящая борьба фракций. Куда там нашей Госдуме... даже украинская – отдыхает. Как думаете, любезнейший пан Гус, он его пристрелит? Или тот Навуходоносор отразит стрелу скамейкой? А вполне может – силушки, я полагаю, хватит. Да! А вон еще тот благородный рыцарь с золоченой секирой на плаще... он ведь не зря свой меч крутит?

– А ну прекратить, мать вашу!!! – подойдя к трибуне, Гус с силой хватанул по ней кулаком, да так, что сие сооружение едва не развалилось на части. – Вы что тут себе позволяете, так вас разэтак через раскоряк?! Волю почуяли, чурбаки навозные? Гниды пучеглазые, тараканы, разрази твою вас гром!

Все оцепенели, а Вожников завистливо свистнул: он всегда знал, что по-настоящему интеллигентный человек всегда умеет так витиевато ругаться, как и не снилось какому-нибудь простодушному деревенскому зпээровцу Ваньке, употребляющему матерные слова просто для связки в речи, в силу слишком же поверхностного знакомства со словами обычными, общепринятыми.

Да, было чему завидовать! В громовой речи, которую разъяренный профессор обрушил сейчас на членов городского совета и вообще всех присутствующих, приличными были лишь только предлоги, да и то не все, а слова «подлая сволочь», «хитроковарный гад» и «гнусные тварюги» можно было посчитать уменьшительно-ласкательными деминативами.

– О... профессор... – опомнился рыцарь Золотой Секиры. – Вы здесь...

– А где же мне еще быть, орясина вы этакая?! – скрипнул зубами Гус. – Хорошо, сам король сюда не заглянул – вот было бы позорище, – а меня, я вижу, вы не очень стесняетесь. Так продолжайте же, что вы застыли как вкопанные? Вы, вы, пан Владислав из Пржемберка... вы вообще что здесь делаете, в ратуше? Может быть, вы разбираетесь в градостроении или в управлении городским сообществом?

– Господин професс...

– Молчать!!! – Гус снова ударил по трибуне... словно бы по головам всех присутствующих.

На взгляд Вожникова – занятное было зрелище. А вообще, магистр прав – этих остолопов следовало проучить.

– Я вообще подозреваю, любезнейший пан Владислав, что вы вообще не знаете грамоты, – ехидно ухмыльнулся магистр. – Ведь так?

– Так, господин профессор, – тряхнув своей львиной гривой, пан Пржемберк смиренно опустил очи долу.

Но тут же с гордостью вскинул голову:

– Я воин, а не ученый, и не монах.

– Тогда ваше место на поле брани! Пан Жижка уже собирает ополчение на горе Табор – а вы чего ждете, пан Владислав?

– Я... – рыцарь неожиданно покраснел. – Я немедленно отправлюсь туда, господин профессор, со всей моей верной дружиною.

– Так отправляйтесь, – Гус устало махнул рукой. – А здесь мы уж как-нибудь без вас разберемся. Ага... герр Майер! Что это вы делаете с мебелью? Вы ж вроде мелиоратор...

– Да, герр Гус, так, – немец конфузливо опустил скамью.

– А вы, пан Йозеф? – профессор едва только глянул на арбалетчика, как тот затрясся, словно осинный лист на холодном осеннем ветру. – Вы что, охотиться здесь собрались? Уж не на ваших ли коллег, а? Хорошенькое дело, а, князь? – магистр обернулся на Егора. – Ну, полный беспредел. Совсем тут без меня охренели!

Члены городского совета и мятежники, враз присмирив, поглядывали на профессора, словно нашкодившие школьники. Пана Яна Гуса в Чехии сильно уважали! Пожалуй, даже больше, чем короля. Да ведь и было за что! Чешскую письменность кто, по сути, создал? Гус! За отмену многих крестьянских повинностей кто выступал? Опять же – Гус. Против мздоимства, за новую церковь, за... Наконец, именно Гус сказал, что «чехи всегда должны быть наверху и никогда внизу», и он же – «для меня дельный немец лучше бездельника чеха»!

Все же таки хорошо, что такого человека удалось спасти от костра! Быть может, и с Сигизмундом все нынче обойдется малой кровью... и мир не увидит ни кровавых крестовых походов в Богемию, ни страшных гуситских войн.

Помоги, Господи!

Дай-то Бог!

Глава 11

Табориты

– Рыцари!!!

Едущий впереди обоза молодой парень – Янек – обернулся и, взяв на дыбы коня, поскакал назад, крича и размахивая руками:

– Рыцари! Там, за рощей – я видел их стяги!

– Их тут не должно было быть, – сурово сдвинул брови воевода – знаменитый Ян Жижка.

Вечно насупленный, одноглазый, с темным жестоким лицом и скверным нравом, он вызывал мало симпатий у Вожникова, как и у кого бы то ни было еще, однако полководцем – тут уж никуда не денешься – был знатным: талантливым и умным, строгим и справедливым, когда надо – осторожным, а ежели того требовала ситуация – храбрым до безрассудности. До тщательно рассчитанной и выверенной безрассудности... впрочем, сейчас, похоже, дела складывались по-другому.

Нахлобучив на голову поданный верным оруженосцем шлем, Жижка искоса посмотрел на князя – навязанного ему, кстати, Гусом – и развернул коня, обращаясь к своим воинам, к их женам и детям. Все они как раз возвращались от Кутной Горы, где наголову разбили посланное императором Сигизмундом крестоносное воинство, в небольшой городок Фавор (чехи произносили – Табор), расположенный на одноименной горе, и ставший родным домом для большинства наиболее радикальных последователей профессора, коих Егор про себя именовал «пламенными революционерами», все же остальные – по названию горы и городка – табориты.

Умеренное крыло движения прозвали «чашниками», ибо частью их программы было уравнение мирян в правах со священниками, принятие ими таинства причащения – евхаристии не только хлебом, но и вином, из чаши – как до того полагалось только служителям церкви. Сие требование как раз и составляло ту основу выступлений Гуса против католической церкви, в которой мятежный магистр уже достиг ошеломляющих успехов, напугавших Сигизмунда и папу Иоанна настолько, что те призвали рыцарство всей Европы в крестовый поход против богемских и моравских еретиков.

На сей призыв с охотой откликнулись рыцари Южной Германии, кроме полагающегося отпущения грехов еще и надеявшиеся поправить свое материальное положение тривиальным грабежом богатых чешских земель. Были и бургундские рыцари, и французы, и англичане – этих, впрочем, мало: военные действия между Францией и Англией, прозванные в девятнадцатом веке «столетней войной», снова возобновились, и многочисленным феодальным шайкам было чем заняться и у себя дома. Хотя некоторые все же встали под знамена императора – Чехия все же казалась им более богатой добычей, чем разграбленные области Франции.

Посланное Сигизмундом воинство попыталось пробиться к Кутной Горе, где укрывались сторонники императора и католической церкви, но было разгромлено объединенными отрядами гуситов под предводительством все того же славного Яна Жижки, ныне возвращавшегося на гору Табор во главе большого и богатого обоза – явившиеся пограбить рыцари сами оказались в незавидной роли ограбленных, всякого добра гуситам досталось немало, особенно – чашникам, в отличие от таборитов не брезговавших брать знатных воинов в плен, а потом отпускать за солидный выкуп.

– Может быть – в лес? – подскочил к Жижке его заместитель – длинный и нескладный пан из мелочи, по имени Прокоп Большой.

– Да-да, в лес! – тряхнув волосами, похожими на львиную гриву, поддержал его пан Владислав из Пржемберка, славный богемский рыцарь, настоящий герой, доказавший свою смелость под Кутной Горой.

Сплоченные общей опасностью, табориты и чашники еще не стали собачиться меж собою, еще не пахло гражданской войной, и авторитет профессора Гуса был высок, как никогда!

– Телеги – в лес, – повторил пан Владислав, – а сами останемся здесь и сразимся! Встретим врагов лицом к лицу.

– Да, здесь, в чистом поле, от рыцарей не спастись, – Прокоп Большой передернул худыми плечами. – Против копейной атаки никакой строй не удержим.

Тут он был прав, и князь Егор мысленно согласился с соратником Жижки: кругом поля, равнина – место для атаки тяжелой конницы очень удобное. Таранный удар закованных в латы рыцарей будет сокрушителен и страшен! Большинство таборитов все-таки пехотинцы, бедняки, крестьяне и городской плебс, коим не по карману добрый боевой конь. У пехоты против рыцарской конницы просто нет шансов! Так что правы и пан Владислав, и Прокоп...

– Нет! – отрывисто бросил воевода. – Если разделимся – смерть. Никакой лес не спасет – достанут. Живо распрягайте лошадей! Ставьте повозки в круг, заряжайте пушки. Пан Жегор, – Жижка неожиданно повернулся к Вожникову. – Вот и посмотрим, пригодятся ли ваши пасхальные ленты.

Князь усмехнулся: «пасхальные ленты» – так гуситы прозвали его изобретение, точнее – подсмотренную в каком-то криминальном сериале вещицу – утыканные гвоздями холщовые полосы, типа применяемых для остановки автомобилей «ежей». По мысли Егора – и против конницы это должно было сработать. Вот и проверим!

Повинуясь приказу своего командира, воины и обозные живо принялись за дело: составили в круг возы, сцепили их меж собою цепями, зарядили пушки, копыя вперед выставили, приготовили стрелы для арбалетов и луков. Получилась этакая полевая крепость, вагенбург, как ее называли немцы – изобретение на данный момент вовсе не новое, применяли подобное и раньше, только вот наиболее успешно, насколько помнил Вожников из курса истории, с этим справлялись гуситы.

Запряженные четверкой выносливых лошадей, коих вполне можно было использовать в качестве верховых, повозки гуситов отличались завидной прочностью, при составлении «вагенбурга» проходы под ними закрывали толстые дубовые доски, подвешенные на цепях. Попробуй, возьми – танки! Экипаж каждого обычно составлял около дюжины человек – ездовой, сцепщики, копейщики и стрелки.

Рыцари появились внезапно, хоть их и ждали, готовились. Вот только что не было никого, и вдруг, перед рощицей – как-то моментально, сразу, словно бы из-под земли – возникли всадники в сверкающих латах и шлемах, украшенных разноцветными перьями и крестами. До полного латного доспеха осталось еще лет пятьдесят, однако основные шаги в этом направлении уже были успешно проделаны – поверх кольчуги надевались кирасы, поручи, поножи, набедренники, особо тщательно защищались места сочленений – колени, локти, плечи.

Шлемы у крестоносного воинства имелись разные – в большинстве своем «собачьи головы» – бацинеты, но встречались и салады – открытые и с полузабралом, а также – и простые, круглые, с полями, каски.

– Ой, сколько их много-то! – половчей перехватив цеп (обычный молотильный цеп, только вместо палок привешены увесистые, утыканые стальными шипами шары), покачал головой один из простых воинов, Вожников даже знал, как его зовут – Ярослав. Ярослав Гржимек – забавный, вечно улыбающийся и неунывающий мужичок лет тридцати, бывший торговец навозом, кажется.

– Не хватайся за цеп, Ярослав, – глядя, как рыцари деловито выстраиваются кабаньей головой, улыбнулся князь. – Сперва поговорят пушки!

– Ох, вы и скажете, пан Жегор! – рассмеялся Гржимек. – Пушки! Да никто никогда и знать не знает, куда попадет это чертово ядро!

– Ничего! Рыцарей много – наши ядрышки уж точно мимо не пролетят.

– И все же цеп надежнее.

– Пан Жегор! – прозвучал за спиной властный голос.

Егор обернулся, увидев перед собой Яна Жижку, как всегда перед боем – собранного и немного задумчивого.

– Командуйте пушкарями, пан Жегор, – воевода махнул закованной в латную рукавицу рукой. – У вас это неплохо получается. Запомните сигнал – три рога, и ваш вымпел – синий. С зеленым – арбалетчиков – не перепутайте.

– Да что я, дальтоник, что ли? – обиженно протянул князь и, вскочив на ноги, оглядел пушкарей.

Артиллерия тогда была та еще – пушки большей частью не отливали, а сковывали из железных пластин – разрывались они довольно часто. Впрочем, здесь, в вагенбурге, имелись лишь небольшие кулеврины, ручницы и гаковницы.

Пушкари уже зарядили орудия и искоса поглядывали на сигнальщиков. Ждали трехкратного сигнала рогов и синего вымпела.

– Приготовились!

Вожников кивнул и оглянулся – в середине, в окруженном повозками круге, оставались лишь женщины и дети, впрочем, вовсе не выглядевшие безучастными: кто кипятил на уже разоженных кострах воду, кто-то рвал сукно на бинты, готовясь принимать раненых, к тому же нужно было еще подносить ядра и стрелы – ратной работы хватало всем. И все – даже малые дети – были настроены весьма решительно: биться до последнего, победить или – уж по крайней мере – подороже продать свои жизни, не посрамив славного воеводу!

Надвинув на голову шлем – обычную каску с бармицей, Вожников покусал губу, услышав донесшиеся из рыцарского стана звуки. Утробно затрубили трубы... Легли на упору копья, и тотчас же задрожала земля: тяжелая конница, ускоряясь, понеслась на телеги неустойчивой лавой, которую, казалось, ничто не могло остановить!

Кто-то из таборитов молился, кто-то ругался про себя, скрипя зубами... большинство же молча ждали, сжимая в руках фитили, арбалеты, луки.

Князь присмотрелся, прищурился от солнца глаза: та-ак, еще метров двадцать... десять... пять...

Кивок сигнальщику. Взвился вверх синий вымпел. Три раза протрубил рог.

– Огонь! – яростно воскликнул Вожников.

Разом рывкнули пушки... тотчас же, сея смерть, запели в воздухе стрелы... А первые крестоносные всадники уже падали – их лошади напоролась-таки на «ежи»!

Те, кто прорвался к возам, уперлись в почти сплошную стену, которую просто невозможно было атаковать, все равно, что кидаться с копьём на крепостные ворота – славно, конечно, спору нет, но бесполезно и глупо.

Снова ударили пушки – бабах!

Хрипели кони, стонали раненые, и тучи стрел затмили небо – рыцарская атака захлебывалась, это еще не поняли сами крестоносцы, но понял их командир... и Жижка, давший команду на вылазку.

Вот когда пригодилась лихая дружина пана Владислава из Пржемберка! Один из возов откатали в сторону, и конница гуситов с воплями вылетела из вагенбурга, врезаясь в массу врагов. Закипела битва, и вскоре в ход пошла пехота, безжалостная таборитская пехота с цепями.

Крестьяне были умелы – молотили вражин, как хлеб, никому не давая пощады. Множество рыцарей погибло, многих добились гуситы – Ян Жижка принципиально не брал в плен никого.

Правда, сие не относилось к пану Владиславу из Пржемберка, как и к прочим иным панам, люди которых уже нахватили изрядное количество пленных, конечно же знатных, о простолюдинах речи и вовсе не шло – что они могут заплатить?

Подобное своеволие не могло не раздражать Жижку, но он пока терпел. До поры, до времени.

Славную победу решили отпраздновать дома, на горе Табор, и, похоронив убитых, не теряя времени, тронулись в путь все по той же дороге, тянувшейся меж горными кряжами и время от времени спускавшейся в долины, полные запахами яблок и груш.

В попадавшихся по пути селениях гуситов встречали восторженно, правда, славный воевода, еще не успевший потерять свой второй глаз, по деревням свое воинство даже на привалах не пускал, дисциплину держал строгую, периодически устраивая показательные судилища с экзекуциями, от присутствия на которых, как мог, уклонялся Егор.

Не всегда, впрочем, удавалось уклониться...

– Конрад Коляда из Прсыхова, обвиняется в том, что присвоил себе часть добычи, утаив ее от своих товарищей.

– Я только крестик взял – уж очень понравился, хотел невесте...

– Смерть!

Вооруженный длинным двуручным мечом палач тотчас же привел приговор в исполнение, и срубленная голова несчастного пана Конрада, словно капустный кочан, укатилась под телегу, где ей тут же принялись играть псы.

– Иржи Грумек, возница и славный цепник, – обращаясь к важно восседавшему на помосте-телеге «высокому суду» в лице всех командиров во главе с самим Жижкой, продолжал свое дело глашатай с длинным вытянутым книзу лицом и отрешенным взглядом.

Стоял славный вечер – тихий, спокойный и теплый, за горами виднелся сияющий край заходящего солнца, в светло-голубом пастельном небе светились золотом редкие полупрозрачные облака. В такой вечер хорошо посидеть с удочкой на берегу реки, или искупаться в озере, а потом понежиться под уже не жарким солнцем, или – пуще того – завалиться с какой-нибудь девой в стог...

– Смерть!

– Смерть!

– Смерть!

– Христо Немечек, славный пушкар! Мы все знаем его умение и храбрость. Третьего дня отобрал у крестьянки Марты гуся.

– Крестьянка пожаловалась?

– Да.

– Смерть!

– Гунчо из Брдзова, молотобоец. Вчера, сменившись с поста, надавал тумачков десятнику Крошку.

– За что надавал?

– Он не один к нам пришел, с девушкой. А Крошк просто хотел провести с нею ночь! У нас ведь все равно и все общее!

– Все так. Все равны и все общее. Смерть!

Еще одна голова покатила. Жаль парня. Гнусные тут правила – хотя порядок и дисциплина железные... как в каком-нибудь пятом классе, где мегера учительница без зазрения совести и оглядки на прокурора лупасит детишек линейкой. В таком классе – всё: и дисциплина, и успеваемость, и порядок... как в таборитском войске! Честь и хвала педагогу! Впрочем, при

классно-урочной системе иначе-то и нельзя. Систему надо менять – не педагогов. Вот и здесь – система... «Отнять и поделить», возведенная в кратную степень. И слушникам – смерть.

Вожников даже не вмещивался – знал, бесполезно. Не люди сидели сейчас рядом с ним – машины смерти!

Палача, правда, щадили – не всем он головы рубил, некоторых и вешали – тут же, на ближайшем дубу. И многих – вполне за дело: уснул на посту, не вовремя явился на построение, крестьян местных обидел. Но многих...

– Смерть!

Приговор объявлял некий пан Свободек, то ли бывший монах, то ли учитель – высокий мужчина лет тридцати пяти с холодно-красивым начисто бритым лицом и пылающим взглядом фанатика.

– Смерть!

– Смерть!

Утомился палач. Взмокла на могучих плечах рубаха. Насыщенный людской кровью меч устало вонзился в землю.

Вожников вздохнул: вообще-то, кат был храбрецом и дрался в первых рядах лихо. Однако же сражался всегда цепом – да так умело! Меч же держал для главного дела.

– Смерть!

Когда всех слушников на сегодня, без всякой жалости и оглядки на заслуги, казнили, поднялся на ноги долговязый Прокоп Большой – Эйфелева башня с руками... нет, не Эйфелева – та уж слишком изящна, скорей – Тур Монпарнас – Прокоп такой же квадратный, мрачный и всегда не к месту. Вот как сейчас.

– О чашниках спросить хочу! О панах. Доколе мы их своеволие терпеть будем?

Воевода помрачнел, недобро покосившись единственным глазом, сейчас, на закате, вдруг вспыхнувшим красным, словно глаз упыря.

Хмыкнул, погладил бороду:

– Недолго, друг мой Прокоп. Недолго – верь!

«Тур Монпарнас» наклонил голову, словно упрямый, глухой к людскому слову, бык:

– Я-то верю. А вот народ наш... Глаза уже устали смотреть на этих ползучих гадов.

Прокоп покосился на раскинувшуюся чуть поодаль полянку, уставленную богатыми шатрами чешских рыцарей. С полянки доносились женские голоса и смех.

– Да, они не признают нашего учения, Прокоп, – поиграв желваками, негромко продолжил Жижка. – Но пока паны нам нужны. Хотя... эти покинут нас уже завтра, неужто ты думаешь, что мы возьмем их с собой на гору Табор? Нет! Конечно нет, не возьмем.

– Ох, друг мой Ян. Скорей бы уж нам до дому добраться.

Честно сказать, стиль жизни богемских дворян и бюргеров – вовсе не обязательно богатых – привлекал Вожникова куда больше, нежели суровый таборитский уклад, который он вынужден был сейчас принимать из-за данного магистру Гусу (ныне председателю парламента – сейма) – слова. Кто-то должен был присмотреть за фанатиками, а явиться сюда самому профессору мешали не только пражские интриги, но и кое-что еще: просто воеводе Жижке, прозванному позднее Страшным слепцом, было бы нелегко терпеть рядом с собой конкурента – и Гус это хорошо понимал. Так к чему обострять отношения? Пока для того совсем не время. Пока...

А вот князя Жегора послать, конечно, не афишируя то, что он – князь (всего лишь туманное «соратник»), и пообещав всевозможную помощь в борьбе за будущее курфюршество – это пожалуйста! Чужестранец никакой Жижке не соперник за влияние на чешские умы! Вот и находился Вожников при таборитах в не совсем определенном статусе «советника» – представителя профессора Гуса.

И с обязанностями своими – по крайней мере, с воинскими – справлялся очень даже неплохо. А вот что касается всего остального... «Замполит», как его про себя называл Егор, пан Свободек открыто следил за князем и его людьми – слугами и воинами, не давая без присмотра сделать и шагу. Вообще, сему мрачноватому пану – а среди руководства таборитов весельчаков почему-то не встречалось – очень нравилось всех поучать, наставлять, заботиться о моральном облике... Вот и сейчас, после казней, Свободек подсел к костру, к молодежи – и что-то им все говорил, говорил, время от времени патетически вздымая руки к уже украсившемуся звездами и луною небу.

Егор прислушался.

– Все люди равны, не должно быть богатых, ибо они – волки, вечно алчущие сокровищ. Только смерть может остудить их пыл. Вы же, братья мои, должны быть выше алчности, ибо боретесь за великое дело всеобщего равенства и братства. Старайтесь быть честными, сильными, храбрыми, помогайте друг другу во всем – и тогда удача никогда не покинет вас, и жизнь ваша станет осмысленной, хоть, может быть, и недолгой. Но лучше пылать факелом, освещая путь людям, нежели топить воск свечкой в золоченом шандале какого-нибудь мерзкого богача! Лучше один раз запеть, чем шептать всю жизнь. Жить ради светлого подвига – вот наивысшее счастье!

«...лучше умереть стоя, чем жить на коленях», – уходя в своей шатер, мысленно продолжил Вожников. С одной стороны – правильные слова говорил пан Свободек, а с другой – просто набор банальностей, сдобренный дешевым пафосом, цинично рассчитанным на неокрепшие мозги подростков. Не надо говорить правильные слова – нужно правильные дела делать. Что же касается подвига... Егор почему-то считал, что подвиг совершить не так уж и сложно – погибнуть, чего проще-то? Гораздо труднее всю жизнь не делать подлостей... по крайней мере – стараться не делать. Это не сам князь сформулировал – где-то в какой-то газете прочел, давно уже, в интервью с одним актером.

В камне под щитом с изображением золотой секиры – гербом хозяина – на открытом огне жарились сразу три окорока, и капли золотистого сала с шипением падали на угли. Пан Владислав, прощаясь, пригласил всех господ командиров на обед в свой замок Пржемберк, зубчатые стены которого показались еще с утра.

С паном ушли все его люди и еще несколько богемских рыцарей – Жижка их не удерживал, хорошо понимая, что людям подобного типа нечего делать в Таборе, разве что разжигать страсти. Так что «чашники» пусть уходят, «катятся», как презрительно заметил бывший монах пан Свободек. Так-то оно так – немцев разбили, однако Сигизмунд явно не успокоится, организует новый крестовый поход, и тогда отряды рыцарей и баронов Чехии вовсе не окажутся лишними – слепой на один глаз воевода хорошо понимал это и не желал расставаться со своими бывшими соратниками, как выразился один из трубачей – «на фальшивой ноте». Мог, вполне мог еще пригодиться пан Владислав и такие, как он.

Именно поэтому знаменитый полководец не только принял предложение рыцаря, но и настоял, чтоб в замок поехали все приглашенные. Впрочем, и настаивать-то было нечего, Жижка просто бросил:

– Едут все!

И всё, этого оказалось вполне достаточно – попробовал бы кто не поехать! Даже Прокоп Большой и пан Свободек согласились, потащились в замок позади всех с кислыми минами, и даже доброе вино их настроение не улучшило вовсе, разве что свежее, только что сваренное, пиво чуть-чуть разогнало ненависть. Так, слегка.

Слуги доблестного рыцаря, увы, в отсутствие хозяина частью поразбежались, за что благородный пан уже сделал втык своей супруге Йованке, белесой некрасивой даме с большим – месяце на седьмом беременности – животом. Слава богу, хоть верный мажордом остался, да повариха, да еще с дюжину человек, и все же впечатление от замка нынче было вовсе не то, что

прежде. Для пушшего антуража просто не хватало людей, а потому хозяин замка распорядился выпустить кое-кого из темницы – тех, что еще не совсем отошал и мог самостоятельно ходить.

– Только приглядывайте за ними, не то... – наказав воинам, пан Владислав погрозил кулаком жене и, тряхнув гривой золотистых волос, вернулся с кухни к гостям, вновь предаваясь веселью.

Эта бесшабашная рыцарская веселость вкупе с показной молодецкой удалью, к слову сказать, весьма нравилась князю: лучше уж слушать громкий смех рыцарей, чем смотреть на постные рожи «замполитов», типа пана Свободека или Прокопа Большого. А пан Владислав оказался вполне приятным собеседником и грубые шутки его пришлись по вкусу даже Жижке.

– А вот! – подняв обглоданную лопатку, голосил благородный пан. – Вот давайте посмотрим, кто быстрее слопает корок... Или кто больше всех пива выпьет – ага? Что вы так смотрите, пан Жегор?

– Насчет пива я бы, может, и согласился, – вспомнив Остапа Бендера, кротко ухмыльнулся Вожников. – Да только Заратустра не велит.

– Кто не велит?!

– Обет дал.

– А, ну если обет. Тогда ладно. Хо! А давайте-ка копьа метать! Во-он в те доспехи, в дальнем углу. Это, между прочим, доспехи одного ливонца... да-да, ливонца... или тевтонца... да я не помню уже. Что? Что такое?

Подошедший мажордом – седой лысоватый старик с живым, сморщенным, словно печеное яблоко, личиком профессионального сплетника – наклонившись, что-то угодливо прошептал своему господину.

– Ах, вон оно как...

Выслушав, пан Владислав извинился перед гостями и, встав, зашагал следом за стариком, у самой лестницы обернувшись:

– Ну, вы не скучайте тут. Я скоро.

Для того, чтобы гости не скучали, слуги тут же притаранили целый котел пива, прямо оттуда и стали разливать в кружки.

– Хорошее здесь пиво, – вытирая от густой пены усы, заценил Жижка. – Сразу видно – с душой сварено!

– Наверняка какая-нибудь несчастная вилланка варила, – пан Свободек скривился, но его никто не слушал – пиво-то и впрямь оказалось замечательным, даже Прокоп Большой наконец-то расслабился, только этот, «замполит», с кислой рожей сидел и всю обедню портил. Не, ну бывают же люди!

Врезать бы ему... хуком! Или можно свингом в переносицу. Нет! Апперкот в печень!

Егор мысленно представил пана Свободека на ринге в широких боксерских трусах и перчатках. Трусы все время спадали, и достойнейший пан все время их поддегивал, забавно перебирая ногами... Да, забавно. Вроде – не совсем уж и зануда уже! Может, и в самом деле – апперкотом его? Вызвать на шустрый поединок, приз – бочка с пивом... вернее – котел. Большой. Вот этот вот.

Оставив гостей наедине с пенным напитком, пан Владислав снова прошел на кухню, где мажордом, повернувшись, ловко ухватил за ухо какого-то мальчишку, ойкнувшего и выругавшегося по-немецки.

– Это кто еще? – удивился рыцарь. – Немец, что ли?

– Немец, мой господин, – старый слуга низко поклонился, не выпуская из цепких, изуродованных артрозами пальцев ухо парнишки, так что вышло, что поклонились они оба – мажордом и пленник. – Вы, господин, его в подвал бросить велели. Сказали, что на всякий случай, авось, мол, пригодится.

– А-а-а! – наконец, вспомнил благородный пан. – Я уж и совсем про него забыл, клянусь святой Катериной. М-да-а... как он хоть не подох-то?

– Мы же его кормили, господин, – слуга развел руками. – Нешто нелюди?

– Так, значит, это он кого-то из моих гостей узнал?

– А он, господин, сейчас сам вам все расскажет... Иначе мы его живо голым задом на сковородку!

– Ну, пусть рассказывает, – усаживаясь в подставленное слугами кресло, покладисто решил пан Владислав. – Только не долго – гости ждут. Ну? Что он молчит-то? По-чешски говорить не умеет? Так пусть говорит по-немецки – я пойму.

– Да я вовсе никого не... – испуганно хлопнув глазами, начал было парнишка, но, получив от мажордома смачную оплеуху, едва не расплакался, а уж, как пригрозили пытать, признался во всем.

– Так-так, – выслушав, протянул. – Значит, пан Жегор – твой бывший хозяин, немец? Герр Георг, так ты сказал? А тебя самого – Бруно зовут?

– Да, – подросток опустил глаза, со страхом поглядывая на разбойного пана.

– Ха! – неожиданно расхохотался рыцарь. – Ну и что с того, что немец? Мало у нас немцев? Это где-то даже и хорошо... Вот был бы я из тех, из сквалыг-таборитов, тогда, конечно, мне, может, и не понравилось бы, что посланец самого Гуса – немец, а так... Вон, Николай из Дрездена – тоже немец, и что? Ла-адно, работай пока, парень. Только не вздумай к своему бывшему господину пойти! Вздерну! Хочешь на виселицу, а?

– Не-а...

– То-то, что «не-а», – передразнил пан Владислав и, чуть подумав, приказал: – На задний двор его отправьте – пушай там в навозе копается, нечего тут...

После третьей кружки хозяин и гости принялись бегать на задний двор – отлить, пиво – все-таки сильное мочегонное средство. Какой-то молодой слуга, возившийся в дальнем углу у навозной кучи, увидав князя, бросился было к нему... да побоялся – «герр Георг» был не один, а со страшным паном Владиславом и каким-то одноглазым, не менее страшным, чем благородный рыцарь из Пржемберка.

Сделав свое дело, все трое ушли, а им на смену появился еще один, не старый, чем-то похожий на монаха, мужчина с приятным и добрым лицом. Вряд ли это был кто-то из замка, хотя... Другой бы, на месте Бруно, может быть, выждал бы еще, но юный приказчик слишком устал ждать – насиделся в сыром подвале, каждый миг ожидая самых лютых пыток и казни.

И этот человек, показавшийся мальчишке таким добрым... У незнакомца были такие глаза, такая располагающая улыбка, что Бруно решил ничего больше не ждать. Бросив лопату, подбежал:

– Господин... вы говорите по-немецки?

– По-немецки? – добрый человек удивленно поднял глаза. – Ну, говорю, а что?

– Я бы хотел у вас кое-что спросить. Можно? – умоляюще сложив руки, подросток посмотрел на гостя столь жалобно, что тот махнул рукой:

– Ну, спроси, ладно.

– Вы ведь приехали сюда в гости?

– Да, так. Не понимаю, к чему ты это спрашиваешь?

– Просто... Один из ваших спутников, кажется, мне знаком.

– Вот как? Знаком? – пан Свободек – конечно же, это был он – насторожился. – И кто же это?

– Герр Георг, мастер торговых дел из Аугсбурга, – выпалил Бруно. – Он должен меня помнить.

Пан Свободек пожал плечами:

– Да нет у нас никаких мастеров торговых дел... разве что заплечных, х-хе!

– Да я же его только что видел! – в отчаянии закричал отрок. – Высокий такой, красивый... в бархатной темно-голубой котте.

– А-а-а, вот ты о ком! – таборит поспешно прикрыл глаза, стараясь не показать вспыхнувшие в них искры. – Герр Георг, говоришь? Ну-ну...

– Да-да, именно так, уважаемый господин! Надеюсь, он меня узнает.

– А ты сам-то как здесь? – оглянувшись по сторонам, негромко спросил пан Свободек.

Мальчишка зашмыгал носом и всхлипнул:

– Да вот, ехали... А тут вдруг – разбойники... и оказалось... пан... пан Владислав...

– Понятно, – небрежно перебил чех. – Ах, пан Владислав, пан Владислав... Впрочем, ничего необычного для благородного рыцаря. Что ж, бедный мальчик, я помогу тебе!

Заплакав, Бруно упал на колени:

– Не знаю, как и благодарить вас, благородный господин...

– Никогда не зови меня благородным господином, – резко возразил пан Свободек. – Все благородные господа – суть ненасытные пиявки, пьющие народную кровь. Или ты считаешь иначе?

– Я... я не знаю, благород...

– Ладно, хватит, – махнув рукой, таборит снова осмотрелся и понизил голос: – На другом дворе, у ворот замка – повозка, сможешь туда пробраться?

– Ага!

– В ней и спрячешься, я предупрежу возницу и воинов. Все понял?

– О да, господин!

Чех поморщился:

– И еще одно пойми – герру Георгу мы пока ничего не скажем... вокруг него слишком много врагов, нужно немного выждать. Не бойся, я же сказал, что помогу тебе во всем! Ведь люди же должны помогать друг другу, верно?

– Верно, благород... ой... пан.

– Пока прощай, – пан Свободек потрепал парнишку по плечу. – Увидимся позже, и да поможет нам Бог!

Пригладив волосы – шапку оставил в повозке, – Ярослав осторожно выглянул из-за куста, стараясь понять, откуда послышался странный шум, напоминающий лязг вытаскиваемого из ножен меча. Заросли ольхи, липы, недалеко – за поляною – ельник, а чуть в сторонке – малиновые кусты с крупными спелыми ягодами. Уже отходила малина, но все же хватало еще ягод, в этот год весна выдалась холодной, дождливою – все поздно цвело.

– Вроде все спокойно, пан Яр, – прошептал позади Крамичек – недавно примкнувший к таборитам молодой парень с русой бородкой и бесшабашной душой. Бывший пастух, виллан какого-то пана. Пана крестьяне сожгли вместе с замком и всей семьей, сами же подались в Табор, и сейчас подвергались строгой проверке, испытанию – на что годны?

Вот и Крамичек доказывал свою преданность – сам вызвался в опасное и непростое дело: съездить за продуктами и фуражом. И то, и другое частью добровольно давали местные крестьяне, но таких сознательных становилось все меньше, и в делах снабжения таборитам все чаще и чаще приходилось прибегать к старому испытанному способу: налетел – отобрал! Некоторым стыдно было, но пан Свободек таковых быстренько вразумил – мол, не просто так разбойничали – а за-ради святого дела народного счастья.

Правда, не все обираемые таборитами крестьяне так считали, некоторые – вот же гады! – упорствовали, прятали скот, овощи, хлеб – с такими пан Свободек приказывал не церемониться. Обычно и не церемонились, правда, на этот раз обошлось – неплохо съездили: часть фуража да немного продуктов крестьяне сами дали, остальное добрали, разграбив возы с обро-

ком какому-то пану. Хорошо все прошло, почти без крови – стражники, едва увидав вылетевших из лесу всадников с цепями, тут же и разбежались... кто успел.

Впрочем, собрать фураж да жратву (как по-простому выразались гуситы) – это еще полдела, еще оставалось главное – вывезти, доставить: война шла, крестовый поход опять же – на чужие обозы с обеих сторон охотников было немало.

Ехали с осторожностью, бывший навозник, а ныне – сам себе пан, Ярослав Гржимпек – за старшего, что многим в отряде нравилось – они Ярослава своим командиром и выбрали, сам Жижка не возражал. Бывший торговец навозом человек хороший, не злой, зря не придирается, однако требует службу сполна, а что военное дело не слишком-то знает, так то не страшно – научится, времени-то полно, когда еще война кончится? Один Господь знает, да еще, может, святой Галл.

Чу! Снова что-то лязгнуло. Ярослав поудобней перехватил секиру – неужто за обозом следят? Неужели – крестоносцы, немцы? Или – местные паны, те тоже могли напасть.

Крамичек позади вдруг рассмеялся. Ярослав возмущенно оглянулся – и чего ржет-то? Тем более в такой момент.

– Глянь, пан Яр! – парень показал вверх, на ветви липы, где болталось что-то такое... лязгающее...

Черт! Старый капкан! И кто его только туда забросил?

– Тьфу ты!

Выпрямившись, Ярослав сунул секиру в лямку да, забросив за спину, оглянулся:

– Ну, идем, Крамичек. Чувствую – то-то сейчас хохоту будет.

Да, хохоту было изрядно, даже пан Яр – сотник! – к общему хору присоединился, усевшись на телегу, искоса поглядывая по сторонам. Да-а-а... повезло нынче. Со всем повезло – и с продуктами, и с погодой. С утра еще туманилось, моросило, а после поднялся ветер, и к вечеру распогодилось – небо стало высокое, чистое, лишь кое-где кучерявились легкие белые, как овсяный кисель, облака.

– Ох-ох-ох, – все же – для порядку! – повздыхал сотник. – Теперь бы к ночи до нашего шляха добраться, и считайте – всё.

«Наш шлях» или «гуситский шлях» – так называли дорогу, что сворачивала напрямик к горе Табор, и на которую с нехорошими целями мог сунуться разве что сумасшедший или самоубийца – все контролировалось постами таборитов, первый из которых вскоре должен был показаться...

– Во-он за тем кряжем, – указал пан Яр усевшемуся за вожжи Крамичеку. – Там будем – можно будет и повеселиться.

Парень улыбнулся, щелкнув вожжами:

– А ведь скоро доедем! Не так-то и далеко.

– Не далеко, верно. К ночи уж точно будем.

Они приехали раньше – солнце еще не успело скрыться за синими отрогами гор, и длинные тени скал чернели поперек наезженной многочисленными телегами колеи, словно вытянутые ноги прилегшего отдохнуть великана. Чуть в стороне, у самого кряжа, виднелся шатер, а из распадка тянуло дымом, и алые отблески костра плясали на стволах росших рядом деревьев.

– Вот и наши, – обрадованно воскликнул Крамичек.

Кто-то из обозных помахал рукой:

– Эй-эй! Сейчас мы у вас утку зажарим!

Воины в стальных шлемах, пропуская обоз, молча отсалютовали копьями. Вozy неторопливо, один за другим, втягивались в распадок.

– Я займу местечко?

– Давай.

Крамичек, передав вожжи напарнику – такому же молодому парню из Брно – соскочил с телеги и нетерпеливо побежал к костру... что-то просвистело... и юноша вдруг споткнулся, упал...

И тут же со всех сторон полетели стрелы!

– Засада! – запоздало закричал Ярослав. – Разворачивайте возы, разворачивайте...

Бесполезно. Все уже было поздно. Выскочивший из-за кряжа отряд крестоносных рыцарей, словно ураган, смел всех выскочивших им наперерез воинов, завязалась рукопашная схватка, где парни из отряда пана Яра проявили себя во всей красе, сражаясь отважно и умело. Увы, силы были слишком неравные! И еще – неожиданность... Откуда взялся здесь столь большой отряд? Как они вообще посмели?

Удар! Палица соскользнула со шлема, угодив в левое плечо, и Ярослав, жутко ругаясь, отмахнулся секирой, угодив немцу в латную грудь. Кираса глухо звякнула, загудела, и сотник, не думая, обрушил на врага град ударов с такой непостижимой яростью и силой, что немец вынужден был отступить... И поучил удар в шею!

– Ага! – подняв вверх окровавленную секиру, пан Яр оглянулся, подзывая своих. – Наши недалеко, парни! Выпрягайте коней, скачите. Просите подмогу!

Что ударило по шлему... палица? Верно, кто-то метнул... ничего не скажешь, удачно...

Глаза бывшего торговца навозом затуманились, тело обмякло, оплыло, словно квашня, без сил повалилось на самое дно телеги...

– Разворачивайте возы! – подняв забрало, приказал рыцарь с золотым львом на червленом поле щита. – Уходим. Быстро!

– Мы не будем их преследовать, мой барон? – почтительно поинтересовался один из воинов в заляпанной кровью кирасе.

Рыцарь мотнул головой и усмехнулся:

– Нет! Нас всего три сотни, а их там – тысячи. Достаточно и обоза. Уходим!

Затрубил рог, и крестоносцы, проворно развернув возы, поехали прочь, даже не добив раненых таборитов. Следовало спешить – некогда было! Вот-вот могли показаться войска страшного Жижки! Конечно, было бы вполне достойно умереть за святое дело в борьбе с превосходящим по силе противником, но... Если бы врагами были рыцари, а так... Табориты! Гнусные смердящие мужики – какое уж тут благородство?!

Скрипели колеса возов, ржали лошади, кто-то негромко шутил. Отряд крестоносцев во главе с рыцарем Золотого Льва уходил в ночь, уводя с собой отбитый у гуситов обоз с фуражом и продуктами. Славная вышла победа, лихая. И, главное, под самым носом у знаменитого Жижки!

– Уже третий обоз! – ругался на совете Прокоп Большой. – Третий! И это только за последнюю неделю, ага. Эти недобитые сволочи немцы совсем обнаглели. Нет, ну сколько же можно терпеть?

Табориты хоронили погибших. Тех, кого привезли с Гуситского шляха, где столь бесславно был потерян обоз. Со скорбными лицами погибших товарищей опустили в могилы, священник прочитал молитву, конечно, по-чешски, и очень быстро, как попросил пан Свободек – а этот непростой и приятный с виду пан имел большое влияние. Нечего было и спорить.

– Мы потеряли наших братьев! – после священника пан Свободек как раз и взял слово, поднявшись на невысокое крылечко часовни. – Пожалуй, не побоюсь этого слова, лучших из нас. Мы скорбим, но наша скорбь не есть скорбь трусов, о, нет. Мы обязательно отомстим, и я клянусь в этом сейчас перед всеми вами. Мы боремся за народное счастье, и этим сильны. Сильны и непобедимы. Лишь иногда подлые враги кусают нас исподтишка, нанося страшные свербящие раны. О, славные герои! Никогда народ не забудет ваш светлый подвиг... Никогда! А ныне – мы чествуем этих героев!

Стоявший чуть в стороне Вожников покоробился. Сию прочувствованную речь он слышал уже раз пятнадцать – все в том же исполнении и всегда – одно и то же. Егор с детства не любил пафоса, а слово «чествовать» так и вообще толком не понимал никогда, считая его лишь принадлежностью составителей речей номенклатуры. Что значит – чествовать? Читать хвалебные стихи, аплодировать, с комплексом ритуальных завываний произносить пафосные речи? Что же касается подвигов, то и к ним у князя сложилось свое личное отношение. Егор уже давно совершенно искренне полагал, что все славные подвиги есть результат чьей-то недоработки, ротозейства, а иногда – и откровенной подлости и предательства. Так оно всегда и бывает – кто-то по глупости (либо – специально!) делает ошибки, а кто-то другой закрывает их своими телами. А затем первые произносят пафосные речи о погибших героях – вторых. Сволочи и подлецы. Что тут еще скажешь?

– Страшная боль стучит в моем сердце! – стуча себя кулаком в грудь, продолжал ритуальные завывания «замполит». – Боль о наших погибших товарищах...

Пан Свободек все никак не мог уgomониться – то ли доказывал вышестоящим отцам-командирам свою незаменимость и нужность, то ли искренне был уверен в собственной значимости, но полная образных выражений, цитат из Святого Писания и метафор, пламенная речь его продолжалась уже больше часа, и не только один Вожников полагал, что пора бы уже и закончить. Ну, нарвались на засаду. Ну, погибли – что в этом такого необычного? В Средние века вообще гибли часто, и ценность человеческой жизни была близка к нулю. Примерно как в России в крысиные девяностые – «Сдохни ты сегодня, а я завтра! Не дай себе засохнуть, бери от жизни всё».

Пан Свободек все говорил и говорил, то понижая, то повышая голос... а он ведь хороший оратор... где научился? Закончил университет? Несомненно! Тогда почему этим не хвастает, «косит» под простого? Впрочем, почему – понятно: для имиджа. Мол, вот, из простонародья, а уже много чего добился... Или нет, не так! Просто хочет показать, что он и все эти люди – «две пары в сапоге», одной крови, одного поля ягоды.

Но зачем уж так стараться-то? Переборщит ведь, переборщит. И так-то его простые воины не очень жаловали... хотя трескучих замполитов не любят нигде. Кроме речей да стукачества – что от них толку-то?

Воспитывают личный состав – вот как сейчас пан Свободек? Да-а-а... Воспитывать детишек в детском саду можно, а уж если постарше стали – всё! Что выросло, то и выросло.

И что характерно – никто зарвавшегося «замполита» не останавливал, не прерывал – оставив вместо себя Прокопа Большого, Жижка отправился по своим делам – вот и остановить было некому, даже Прокоп – и тот не решался, а князь Егор так и прав таких не имел. Вот и балаболит пан Свободек, «воспитывал».

Вожникову вдруг вспомнился старый участковый уполномоченный, вечный (как говорят в армии – «пятнадцатилетний») – капитан, бывший опер, «сосланный» на село за непочтительность к начальству и крепкую дружбу с зеленым змием. Участковый иногда заходил на пилораму к Егору, поболтать да выпить, бывало, что и пробирало старого капитана.

– Во, Егорша, – отдел по воспитательной работе с личным составом теперь есть! Целый отдел бездельников. Оперов, участковых, пэпээсников сокращают – скоро в патруль ходить некому будет – а этих чертей расплодили немерено! А потом спрашивают – с чего это у нас раскрываемость такая низкая? А ясно, с чего! Пьют людишки-то! Так выгнать пьяниц на хрен. Вот и выгнали... лучших оперов поувольняли, на их место понабрали пацанов, детишки голимые – пить толком не умеют... А как ты без водки с контингентом общий язык найдешь? Да никак! Вот и нет связи... А как без информации? Да никак. Такое впечатление, что начальство судит о раскрытии дел по всяким там дурацким сериалам. От того, что ты пятнышко крови экспертам отнес, преступления раскрываться не будут – только если кто-то что-то скажет... на хвосте принесет.

Стук-стук, короче. И без этого – никак. Свои люди нужны, вот о чем я!

О том же сейчас вдруг подумал и князь. О том, что хорошо бы кого-то здесь занять – если такие, как пан Свободек власть возьмут, мало никому не покажется. Присмотр нужен, глаз да глаз.

Нельзя сказать, что и раньше Егор этим вопросом не озаботился, озаботился, даже строил кое на кого планы, да вот только еще не успел толком ничего предпринять. Дело это деликатное, небыстрое – торопиться нечего.

Пан Свободек наконец-то закончил – наверное, просто больше не мог говорить, устал, бедолага, вымотался. Подошедший помощник – худой, вечно сутулый и малоразговорчивый тип по фамилии Рамек – подал утомленному оратору фляжку с водой... или вином, или пивом. Вообще, этот Рамек был своему хозяину предан... хоть и не полагалось в Таборе иметь слуг – ведь все люди равны! – так сутулый и не именовался слугой, а считался «помощником». Убей бог, князь никак не мог придумать, как и на чем с «помощником» этим сойтись, да еще хотелось бы, чтоб тот не донес своему господину. Так ничего пока в голову и не лезло – не имелось соответствующей подготовки, черт его знает – как и завербовать-то? Ах, Рамек, крепкий ты орешек, должно быть.

Рамек помог пану Свободеку забраться в повозку и сам уселся рядом с возницею, тут же хлестнувшего коней:

– Н-но, ироды! Пошли, пошли, драконы!

Возница! – тут же осенило князя. Пан Свободек не очень-то любил ездить верхом (Егор сильно подозревал, что и не умел даже) и передвигался по городу в громахующей повозке, чуть меньше той, что обычно использовали табориты, но все же вполне громоздкой. Приобрести дорогое рессорное ландо производства фирмы «Ганс и Георг» «замполиту» не позволяли не столько политические взгляды, сколько опасение напрочь погубить свой образ радетеля за народное благо. Да и не позволил бы никто в шикарнейшей коляске ездить – люди ведь все равны и должны быть одинаковы: одинаково выглядеть, одинаково мыслить, одинаково жить – дабы никогда не возникла гнусная, разъедающая общество, зависть. Возникнет – и все, хана, кончилось народное единство. Кстати, в этом табориты вовсе не были так уж неправы.

Итак, возчик. Дородный, с круглым лицом и вислыми, пшеничного цвета, усами, пан, звали его, кажется, Добружа, или как-то так... Нет, именно так – Добружа. Познакомился с ним Егор запросто, просто поехал на коне сзади, да подождал, когда пассажиры сойдут, войдя в предоставленный для жилья дом. Кстати, и сам князь столовался рядом, хотя домов для всех таборитов и не хватало, но кое-кому все же постой полагался, в полном соответствии с Оруэллом – «все овцы равны, но некоторые – равнее других».

И все же это равенство постоянно декларировалось таборитами, в их лагере в городе и на горе Табор не было ни господ, ни слуг. Любой мог подойти к любому – запросто. Вот и Вожников подошел. Похлопал по крупам коней, попинал колесо телеги, поинтересовался:

– А что, рессор нет?

– Чего, чего? – озадаченно переспросил пан Добружа.

Да-да, даже среди таборитов все именовали друг друга из вежливости – пан, до слова «товарищ» как-то еще не догадались, а Егор им этого не подсказывал, не считал нужным.

– Ну, такие стальные пластинки, подкладываются под ось и гасят тряску.

– Под ось? Пластины?

– Хочешь, так пойдем в пивную – объясню.

Славный пан Добружа просиял лицом и согласился в ту же секунду, оказывается, он тут, поблизости, и пивную хорошую знал, называлась классически – «У чаши».

– О, совсем как у Гашека!

– Смотрю, и вы ее знаете, пан? Да уж, пиво там доброе. Только вот гроши...

– Да я вас, пан возница, угощу, раз уж сам разговор затеял.

– Вот это славно! Идемте же скорей, славный пан Жегор!

– Вы что, меня знаете? – спускаясь следом за своим провожатым в какой-то подозрительный подвал, поинтересовался князь.

Возница оглянулся:

– Кто же вас не знает, пан Жегор! Все знают, и уважают все – за нрав ваш и к простому человеку снисходительность.

– Так у нас тут вроде бы все простые... Так это ваша пивная?

– Она!

Пан Добружа гостеприимно распахнул дверь, словно бы сам и был хозяином сего почтенного заведения, несколько запущенного снаружи, но вполне уютного изнутри.

– А вот и она – чаша! – усаживаясь за длинный стол, возница кивнул на висевший над столом щит с изображением чаши – символа провозглашенной профессором Гусом борьбы мирян за равноправие с клиром.

– Аннушка, пива нам принеси.

Ах, вон оно что – Аннушка! Князь с интересом посмотрел на осанистую женщину с крепкими руками и арбузной грудью, принесшую для дорогих гостей аж четыре кружки пива зараз.

– Утощайтесь, милые паны. Ах, пан Добружа, как же я рада вас видеть! Подождите, сейчас еще сыру и кнедликов принесу.

– Это Аннушка, вдова, – покрутив усы, пояснил возница. – Хозяйка всего здесь.

– Вот как, хозяйка? А ведь славный пан Свободек говорил, что все имущество должно быть общим. А Аннушка, вишь ты – хозяйка!

– Пан Свободек много чего говорит, – ухмыльнулся новый знакомец. – И вовсе никакой он не славный. И вы, пан Жегор, нисколько его не уважаете – я давно заметил. Не так?

– Пусть так. – Вожников быстро кивнул и, подняв пенную кружку, улыбнулся как можно шире. – Ну, за знакомство, славный пан Добружа!

По две кружки – это, конечно, только для начала, всего же за вечер приятели вылебали дюжину на двоих. Можно было бы и больше, да пан Жегор сослался на неотложные дела. О, хитрый князь пил сегодня не зря. Во-вторых – пиво оказалось необыкновенно ароматным и вкусным, ну, а во-первых – Егор много чего узнал.

Как он и предполагал, пан Свободек знал и грамоту, и риторику, и вообще все семь свободных искусств, значит, несомненно, учился в университете, быть может, даже в Праге. Доучился или нет, князь не выяснил, да это было не столь уж и важно, зато Егор враз угадал факультет – да, собственно, нечего и угадывать было. Во всех средневековых университетах имелось всего по три факультета – богословско-философский, юридический и медицинский. Юридическими терминами пан Свободек отнюдь не блистал, медицинскими – тоже, так что оставалось одно: богослов и философ. Если не выгнали – то магистр, если выгнали... или сам по каким-то причинам ушел...

А еще «замполит» нежно любил свою дочь, оставшуюся на попечении двоюродной тетки где-то в Домажлицах, небольшом городке на западе Богемии, и часто писал ей письма, передаваемые с малейшей оказией – с купцами, паломниками, студентами и прочим бродячим людом.

«Надо же! – удивился про себя Егор. – Он еще и дочку любит, а я-то думал, что только партию, в смысле – идейное учение таборитов».

И какого же черта он поперся с крестоносцами? Думал, они захватят Прагу, восстановят все прежние порядки, и он, герр Отто Штальке, вновь станет ратманом, заняв свое законное место в ратуше, из которой его столь бесславно выкинули. Без всякого сожаления! И пана Пржемока тоже прогнали, хоть он и чех, а вот невежливого гордеца Майера – немца! – оставили, вот и пойми этого чертова Гуса!

Бывший ратман все же был человек не бедный, и много чего потерял – особенно жалко было дома, уютного двухэтажного особняка на самом берегу Влтавы, у Карлова моста. О, Пресвятая Дева – и кто хоть там сейчас живет? Сам-то Штальке, прихватив семью – спасибо тому доброму селянину! – отправился от греха подальше в Дрезден, где, рядом с городом, имел во владении мельницу, приносящую хоть и небольшой, но постоянный доход. Там же, в Дрездене, заручившись поддержкой тамошних ратманов и кое-кому заплатив, открыл и небольшую лавку, в которой пока что и жил... точнее, уже не жил: оставив всю торговлю и мельницу на супругу и дочерей, подался с крестonosным воинством в Чехию, надеясь после победы императорских войск вернуть все свое добро и положение.

Имперский рыцарь Гуго фон Раузе, командир того отряда крестonosцев, к которому, в числе прочих обиженных, примкнул и герр Штальке, отнесся к бывшему ратману со всем почтением: еще бы – вот выбьют гуситов из Праги, а тут уже и член городского совета припасен – все по закону, истинный народный избранник! Хитрый Отто, конечно, не будь дураком, еще и преподнес славному рыцарю презент – украшенный серебряной вязью бацинет настоящей миланской работы, стоимостью двадцать шесть флоринов, и отпечатанное в Аугсбурге «Житие святой Афры» с занимательными картинками, за которое ратман выложил еще пятнадцать золотых, итого, вместе со шлемом, выходило сорок один флорин, сумма немаленькая, но для герра Штальке вполне посильная, тем более, ради расположения такого славного воина, как Гуго фон Раузе, ничего было не жаль – лишь бы выказывал должное уважение да не отказал впоследствии в помощи.

Надо сказать, подарки сей славный рыцарь оценил вполне, особенно, как ни странно, не бацинет, а «Житие святой Афры» – фон Раузе, оказывается, умел читать, да и вообще оказался человеком весьма неглупым и, кроме ратных дел, склонным к долгим и глубокомысленным беседам за кувшином вина.

Они так и провели весь поход вместе – на одном постоялом дворе или в разбитых неподалеку шатрах: рыцарю нужен был ученый собеседник, а герр Штальке, если не говорил о городском хозяйстве и прочих высоких материях, вполне сходил за ученого, уж по крайней мере, читать да писать, как и любой уважающий себя купец, умел.

Увы, Прагу взять не удалось, и рыцари, потеряв две трети отряда, частью разбрелись по домам, а частью – подались на юг, к Табору, как выразился фон Раузе – «тревожить пчел в ульях»! Надо сказать, ратману эта рискованная затея совершенно не нравилась, но, к его удивлению, пока все сходило гладко – все бесшабашные налеты на гуситские обозы удавались блестяще, похоже, хитроумный рыцарь Гуго имел своего человека в самом сердце разбойничьего стана – в городе, на пресловутой горе Табор.

Нет, все так и было, имел – честь ему за это и хвала! – герр Штальке не раз видел, как глава крестonosцев читал про себя какие-то письма... начинавшиеся весьма странно – «Дорогая доченька...» При этом имперский рыцарь Раузе впечатление охотника за чужими семейными посланиями отнюдь не производил, а наоборот, выглядел вполне здравомыслящим человеком, насколько это вообще возможно для рыцаря. И, насколько помнил Штальке, у Гуго фон Раузе вообще не было дочерей, а лишь три сына.

Доставшаяся от удачных налетов добыча перепродавалась все в тот же Дрезден через приказчиков бывшего ратмана, так что союз был выгоден для обоих – и для герра Штальке, и для рыцаря.

Нынче же благородный господин Раузе, на ночь глядя, вновь отправился в набег, и вернулся лишь к утру, сияющий и веселый, из чего разбуженный в своем шатре ратман и заключил, что и этот налет оказался столь же удачным.

– Вставайте, дружище Отто! – хохотал у шатра крестonosец, небрежно прислонив к росшей неподалеку березе щит с золотым львом на червленом поле. – Выпьем вина за удачное дело, а потом, если хотите, можете снова спать, как и все мы. Но я бы вам не советовал...

– А что такое? – откинув полог шатра, выглянул наружу заспанный ратман.

– Мы взяли много добычи. Целый обоз! Кое-что нужно будет продать, господин ратман.

Фон Раузе горделиво ухмыльнулся: веселый, с развевающейся копной темных волос и загорелыми лицом, он сейчас напоминал какого-то древнего героя – Ахиллеса или Одиссея.

– Надо – продадим, – герр Штальке, наконец, протер глаза. – Ну что же, давайте выпьем. А потом уж я займусь своим делом. Дебет-кредит, флорины, марки, гроши – думаю, это несколько скучновато для столь славного господина.

– В этом вы правы, друг мой, – снова рассмеялся рыцарь. – Каждый пускай занимается своим делом, верно? Сейчас принесут вино, да пожарят на костре свежатинки. Вот под этой березой и сядем! Да, мы тут случайно привезли пленного таборита, хотя договаривались в плен никого не брать, да уж так само собой получилось – он просто свалился в телегу, да так там и лежал. Боже, как от него пахнет навозом – прямо разит! Ничего, – фон Раузе сердито сверкнул глазами. – Эти чертовы табориты не так давно сожгли на костре двух наших воинов... Настала пора им ответить! И совсем не обязательно жечь, можно – сварить в котле или, на худой конец, отрубить голову или повесить.

Вскоре подошли и другие рыцари, выпили вина, закусили, да разошлись отдыхать – все же вымотались за ночь. Кстати, пленного таборита большинством голосов решили сварить в котле, для пущего смеха набросав в воду шалфея, луку и прочих пряностей. Так сказать – похлебка!

Посмеявшись вместе со всеми – большие они, оказывается, выдумщики, эти крестоносцы-рыцари... впрочем, ничуть не больше старшин городских цехов – герр Штальке отправился к захваченным возам – приступить к своим обычным занятиям: тщательно осмотреть всю добычу, переписать, поделить, чтоб никому не было бы обидно. Сия кропотливая работа вовсе не терпела нервозности и суетливости, поэтому ратман даже рассердился, когда кто-то из кнехтов спросил его, что делать с пленным? Перевязать ли разбитую голову? Кормить или нет?

– До вечера с едой потерпит, – отмахнулся Штальке. – А голову все-таки перевяжите, да рану не забудьте промыть – еще помрет раньше времени.

Радостно кивнув – все же хоть от кого-то получили распоряжение, – кнехты подбежали к ближней телеге:

– Эй, вставай, вставай, ага. Сейчас мы тебя перевяжем.

– Спасибо, добрые люди, – приподнявшись на локте, улыбнулся гусит.

Ратман злорадно покривил губы – знал бы, за что благодаришь! Тоже еще, нашел добрых людей – кнехтов, сущих разбойников, на которых креста ставить негде...

Черт!!!

Штальке вдруг показалось, будто он узнал и голос... и самого пленного... Да не показалось, а точно узнал, не мог не узнать – тот самый... Ярослав... торговец навозом... спаситель. Ну да – он! Слишком уж приметное лицо... и улыбка...

Ратман машинально отвернулся, сделав несколько шагов назад, за березы, и напряженно задумался. Почему-то – интересно, почему? – не хотелось, чтоб пленник узнал его, хотя, казалось бы, какое уважаемому господину ратману дело до нищего еретика таборита? Ну, казнят его – туда и дорога. Подумаешь, кто-то когда-то кого-то спас... пусть даже и его, Штальке... и семью. Вывез пан Ярослав всех на своей навозной телеге. Ох, и лихо тогда ехали!

ТЬфу ты! Святая Дева! Гнать, немедленно гнать из головы подобные мысли. Что такого в этом улыбчивом – пока еще улыбчивом – простолюдине? Он же страшный еретик, враг, достойный – несомненно, достойный! – самой суровой казни.

Герр Штальке прислонился лбом к холодной коре березы. Что за мысли-то! И почему они не уходят? Почему он, уважаемый всеми бюргер, немец и добрый католик, вдруг почувствовал себя так неловко? Ведь не может же он взять и вот так запросто освободить пленного таборита,

избавить от смерти? Да и не выйдет ничего – рыцари только поднимут на смех... и это еще в лучшем случае, в худшем же... О худшем не хотелось и думать!

И все же лезли, лезли мысли, и никак их было не прогнать. Герр Штальке сам себе удивлялся – раньше-то, в старые добрые времена, он никогда бы столько о каком-то там простолюдине, пусть даже и оказавшем услугу, не думал бы. Ведь расплатился же тогда, целых пять флоринов заплатил... нет, даже шесть! Между прочим, хорошие деньги, иной и за день столько не заработает, визит хорошего врача всего три флорина стоит. А тут – в два раза больше! Значит, все, значит, в расчете, и нечего теперь тут...

Ратман нарочно начал подсчеты с дальнего воза, и благополучно про проклятого чеха забыл... а потом вдруг увидел, как таскают в воду в котел. Тот самый, большой, осадный, захваченный не так давно в какой-то вражеской крепости или замке. И в этом котле нынче... А вдруг этот... пан Ярослав случайно на него, герра Штальке, взглянет? Да и черт с ним, пусть зыркает, еретик... Или...

Да что же такое с головой-то?! Ну, не спасти таборита никак, не спасти...

Плюнув, герр Штальке посмеялся над своими дурацкими мыслями да зашагал к шатрам – кое-что из писчих принадлежностей взять. Наклонился... послушал раздававшийся рядом молодецкий храп Гуго фон Раузе...

Вскочил, подошел ближе... и яростно пнул рыцарский шатер ногою:

– Герр Раузе! Вы спите еще? Эй!!!

Мало того что кричал, ратман еще и тряс полог шатра с такой силой, что разбудил и рыцаря, и дремавшего неподалеку, в холодке, оруженосца.

– Что? – откинул полог растрепанный со сна рыцарь. – Вы, герр Штальке? Случилось что?

– Да ничего... я просто про кое-какие товары хотел выяс... Ваш пленник – очень хороший каменщик, один из лучших в Праге! А я, как вы знаете, собираюсь строить в Дрездене дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.